

К. МАРКС

**БОРЬБА КЛАССОВ
ВО ФРАНЦИИ**

1848—1850

**ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ □ МОСКВА □ 1923**

К. МАРКС

БОРЬБА КЛАССОВ В О Ф Р А Н Ц И И

1848—1850

ПЕРЕВОД ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИСЛОВИЕМ

И. СТЕПАНОВА

Издательство „КРАСНАЯ НОВЬ“
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ □ МОСКВА □ 1923

К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ:

I.

Русские переводы предлагаемой работы Маркса много раз издавались за границей и в России. И, подобно первому немецкому отдельному изданию 1895 года, равно как и всем последующим, они неизменно воспроизводили «Введение» Энгельса к этой работе, написанное в марте 1895 года.

Однако уже давно следовало бы признать, что для этого нет достаточных оснований. И давно следовало бы признать, что Энгельс, в немалой степени вопреки своей воле, сузил значение работы Маркса, сосредоточив свое внимание на выяснении новой, преобладающе или исключительно парламентарной тактики пролетарской борьбы и противопоставляя ее непосредственно революционной тактике той эпохи, когда была написана «Борьба классов во Франции».

Быстрый промышленный подъем, определенно наметившийся в Германии к половине девяностых годов, сделал возможными частичные завоевания рабочего класса в рамках законов, создаваемых господствующими классами. Падение исключительного закона против социалистов, как результат его бессилия наложить цепи на массовое движение, нарастающее вместе с развитием капиталистической промышленности, в свою очередь приводило к высокой оценке легальных возможностей. Складывалось убеждение, что буржуазия, стремясь задержать рост раздражения в численно усиливающихся и организующихся массах, должна будет расширять рамки, поставленные ею для легальной борьбы рабочего класса. Закон о социалистах рухнул с одной стороны под давлением расширяющихся экономических заба-

стовок, а с другой—под парламентским давлением социал-демократии, которая, опираясь на чрезвычайно быстрый рост получаемых ею избирательных голосов, заставляла буржуазию считаться с рабочим классом. Почему бы не предположить, что и в дальнейшем, стоя на почве буржуазной законности, рабочий класс сумеет все больше развертывать свои силы и переходить от одного завоевания к другому?

Вождам рабочего класса Германии начинало казаться, что при сохранении существующих законов можно добиться многого, с течением времени всего, что необходимо для рабочего класса.

Но если вожаки рабочего класса, так высоко оценивая занимаемую позицию, сводили свое дело к оборонительным задачам, то это должно было поощрять наступательную энергию буржуазии и порождать мечты о восстановлении режима исключительных законов. В то самое время, когда Энгельс писал свое «Введение», на очередь был поставлен законопроект, направленный против партий, угрожающих переворотом (Umsturzvorlage). Он должен был отнять у социал-демократии те возможности организованной борьбы, которые она приобрела лет за пять до того времени, после падения закона о социалистах.

Энгельс хорошо знал, насколько исключительны были условия, сложившиеся в Германии, и как мало характеризуют они обстановку, в которой только и может осуществиться переворот во всех общественных отношениях. Ровно за четыре года до того времени, во «Введение» к «Гражданской войне во Франции» Маркса, он писал: «В последнее время немецкий филистер опять начинает испытывать спасительный ужас при словах диктатура пролетариата. Хотите ли вы знать, милостивые государи, что такое эта диктатура? Посмотрите на Парижскую Коммуну (подчеркнуто мною. И. С.). Это была диктатура пролетариата».

За четыре года условия и в особенности общие перспективы классовой борьбы не могли измениться до такой степени, чтобы пример Парижской Коммуны, опыт применения непосредственно революционной тактики, утратил всю свою поучительность.

В том же «Введении» Энгельс прямо предостерегает против преувеличенной оценки гибкости тех рамок, в которые государство буржуазии ставит классовую борьбу пролетариата. Он пишет: «Нередко считают необыкновенно смелым шагом отказ от веры в наследственную монархию и принятие в свою программу демократической республики. В действительности же государство есть не что иное, как орудие угнетения одного класса другим; это относится к демократической республике не менее, чем к монархии.

«В лучшем случае государство есть зло, которое пролетариат, одержавший победу в борьбе за классовое господство, получит себе в наследство. Пролетариату неизбежно придется так же, как и Парижской Коммуне, немедленно урезать, насколько только возможно, худшие стороны этого зла» и т. д.

Это—те же воззрения, которые в предыдущем десятилетии были выражены Энгельсом в его «Происхождении семьи, частной собственности и государства», и которые отчетливо формулированы уже в «Борьбе классов во Франции» Маркса.

«Введение» Энгельса к последней работе, обычно перепечатываемое вместе с нею, оставляет эти воззрения в тени. Напротив, усиленно подчеркивается та мысль, что почти за полвека, прошедшие со времени написания работы Маркса, «история в корень изменила условия, в которых пролетариату приходится вести борьбу», и что «способ борьбы 1848 года теперь во всех отношениях устарел». Развитию этой мысли посвящено около двух третей «Введения». Основной практический вывод выражен в следующих словах: «Мы, революционеры, разрушители, мы несравненно более преуспеваем, пользуясь легальными средствами, чем при нелегальных средствах, непосредственно направленных к перевороту».

Таким образом читатели как бы получали предупреждение, что переиздаваемая работа Маркса сохраняет чисто исторический интерес, и что непосредственно революционная тактика, о которой говорит Маркс, бесспорно отжила свое время. Можно и должно сосредоточить все силы на использовании легальных возможностей, можно и долж-

но заставлять классовых противников снова и снова убеждаться в том, что «законность их убивает».

Правда, в начале своего «Введения» Энгельс говорит: «Совершенно особенное значение издаваемой работе придает то обстоятельство, что она впервые дает формулу, в которой рабочие партии всех стран мира единодушно выражают свое требование экономического переустройства: экспроприация средств производства обществом». Приведя соответствующие слова Маркса из второй главы, из того места, где говорится о революционном значении беспомощной формулы «право на труд», Энгельс продолжает: «таким образом здесь впервые сформулировано положение, которым современный рабочий социализм резко отличается как от различных оттенков феодального, буржуазного, мелко-буржуазного и т. п. социализма, так и от смутной общности имуществ утопического и непосредственно возникшего рабочего коммунизма».

Но именно потому, что Энгельс особо выделяет только эту идею, как сохранившую свое значение для современного рабочего социализма, другие места, в которых Маркс говорит об условиях и способах революционной борьбы пролетариата, отодвигаются, затушевываются, ускользают от внимания читателя. Между тем, это—идеи, которые Энгельс вновь и вновь повторял и считал необходимым повторять до конца своей жизни.

Таким образом «Введение» Энгельса, продиктованное временными обстоятельствами, почти не выделяя того, что сохранило все свое значение для революционных пролетариев, намечает почти исключительно только те поправки, которые историческое развитие будто бы внесло в старинные воззрения Маркса и Энгельса. Но в таком случае связь между «Введением» и «Борьбой классов» становится более или менее внешней, механической. Это—не столько статья о «Борьбе классов», сколько статья по поводу переиздания старой работы, сохраняющей преимущественно теоретический интерес, представляющей, говоря словами того же «Введения», «первую попытку, исходя из материалистического метода, объяснить один отдел современной истории данным экономическим положением». Эта статья не с меньшим основанием могла бы появиться как самостоятельная работа, отдельно от книжки Маркса. например, в каком-ни-

будь журнале. Конечно, она должна найти место во всяком собрании сочинений Энгельса, претендующем на некоторую полноту. Но нельзя видеть достаточных оснований и необходимости воспроизведения ее при отдельном издании работы Маркса.

Ревизионизм быстро ухватился за «Введение» Энгельса для оправдания своей теории эволюционного превращения капитализма в социализм, своей тактики строгого легализма, чисто парламентских методов действия, прямого и решительного отказа от всяких «переворотных» идей.

Энгельс скончался 6 августа того самого 1895 года, в котором написано его «Введение». Значит, можно было не опасаться протестов, которые должно было вызвать бесчинство в использовании «Введения».

Но уже очень скоро раскрылось, что ревизионизм вообще только при крайней недобросовестности мог ссылаться на это «Введение», как на выражение доподлинных идей самого Энгельса. Оказалось, что по первоначальному плану Энгельса оно должно было приобрести совершенно иной характер,—настолько иной характер, что парламентских и внепарламентских вожakov германской социал-демократии охватила большая тревога. Да ведь это даст дополнительный аргумент противникам, которые ищут только предлога для возврата к исключительному положению, подготовляемого законопроектом о партиях, угрожающих переворотом. Издание «Борьбы классов во Франции» с таким введением, которое не отмежевывает социал-демократию от идей этого произведения, было бы прямым оправданием законопроекта, сыграло бы на руку врагов рабочего класса.

На Энгельса сделали натиск. Он уступил. Он поставил своей задачей выбить оружие из рук противника и написал «Введение» так, что его главной целью сделалась борьба против переворотного законопроекта.

«Введение» до сих пор сохраняет свое значение в истории, но не столько в истории идей Маркса и Энгельса, сколько в истории германской социал-демократии. Оно сохранит свое значение в биографии Энгельса, в истории его (а раньше и Маркса) конфликтов с вожаками социал-демократии, уже тогда начавшими свою эволюцию, которая пре-

вратила их в Шейдеманов и Носке, в социал-патриотов, в охранительную силу буржуазного строя, в вождей Интернационала № 2 и 2^{1/2}. Но раз выяснены условия, при которых приходилось писать Энгельсу и которые превратили «Введение» в выражение более идей германских реформистов, чем его собственных идей, оно уже не должно воспроизводиться при изданиях «Классовой борьбы во Франции» Маркса.

II

Контр-революция, сознав свою силу, с конца 1848 года начала искоренять все, что напоминало о революции, и изгонять всех, кто еще помышлял о сопротивлении. В мае 1849 года последовало распоряжение о высылке Маркса, главного редактора «Новой Рейнской Газеты», которую правительство еще не решалось прямо и просто закрыть. Существование газеты, которая и без того была задавлена всевозможными затруднениями, сделалось невозможным. 19 мая вышел последний, «красный» номер «Новой Рейнской Газеты».

В Париже, куда переселился Маркс, контр-революция тоже упрочивалась. 19 июля французский министр внутренних дел предложил Марксу оставить Париж и поселиться в одном департаменте Бретани, «самой нездоровой области Франции,—как писал Марксу Фрейлиграт,—болотистой и дышащей лихорадками: настоящих Понтийских болотах Бретани». «Ты поймешь — писал Маркс Энгельсу, — что я не пойду навстречу этой замаскированной попытке убийства». В августе того же года Маркс переехал в Лондон, куда вскоре последовал за ним и Энгельс.

В том самом письме от 23 августа 1849 года, в котором Маркс сообщал Энгельсу о своей высылке из Парижа и о намерении немедленно отправиться в Лондон, он между прочим писал: «в Лондоне у меня есть положительная надежда основать немецкий журнал. Некоторая часть денег на это вне сомнений».

Действительное положение оказалось много более тяжелым. Для Маркса начались годы самой мучительной нужды.

из тисков которой он не выходил до конца своей жизни. В данный момент только благодаря помощи друзей он получил средства, необходимые для переправки семьи из Парижа в Лондон.

Вопреки предположениям Маркса, средств на издание журнала не находилось. Мужественные, готовые на всякие жертвы сторонники радикальной демократии частью бежали, частью были высланы за границу, посажены в тюрьмы и сами бились под гнетом суровой нужды. «Попутчики» быстро отхлынули. Приходилось добывать средства кустарными способами: положение, с которым мы тоже хорошо познакомились после того, как революция 1905 года была разбита.

В январе 1850 года появилось приглашение подписываться на акции, чтобы собрать капитал на издание, которое должно было возродить «Новую Рейнскую Газету» и в воспоминание о ней называлось «Новая Рейнская Газета, политико-экономическое обозрение», или, для краткости, «Новое Рейнское Обозрение». В приложении сообщалось, что редакторы «Новой Рейнской Газеты», предыдущим летом принимавшие участие в революционных движениях в Южной Германии и в Париже, теперь оказались в Лондоне и решили возобновить издание газеты. Но сначала она будет выходить ежемесячными выпусками около пяти печатных листов каждый, а затем, когда позволят средства, превратится в двухнедельник или еженедельник такого же размера, пока обстоятельства не сделают возможным возвращение в Германию и возрождение ежедневной газеты. Цена каждой акции определялась в 50 франков (менее 20 руб. на золото).

Несомненно, подписка на акции пошла очень туго. А затем начались затруднения с распространением газеты. Друзья Маркса и Энгельса, например, Вейдемейер и Лассаль, привлекли по несколько десятков подписчиков. Но эти подписчики вносили плату с величайшей неаккуратностью. Финансовое положение дало возможность издать только четыре первых, действительно ежемесячных выпуска, с января по апрель. Затем наступил длительный перерыв, пока, наконец, в ноябре 1850 года не появился двойной, пятый—шестой выпуск, на котором издание прекратилось.

Вот в этом-то издании, в первых трех его выпусках и в заключительном, и появилась работа Маркса, переиздаваемая под названием «Борьба классов во Франции 1848—1850 годов».

В первые месяцы 1850 года, когда Маркс писал первые три главы этой работы, он вместе с Энгельсом был убежден, что, хотя разразившаяся борьба потребует продолжительного времени для своего завершения, однако, несмотря на все превратности и перерывы, она заполнит один сплошной революционный период, который может закончиться только полной победой рабочего класса.

К осени того же года их оценка положения коренным образом изменилась. Они увидали, что производительные силы еще могут расти и развиваться на капиталистической основе, и что, следовательно, еще не пришло время для пролетарской революции, а вместе с тем и для того непрерывного периода революций, из предположения которого они исходили в своих работах первых месяцев 1850 года. Значит, то, что представлялось временным перерывом в развертывающейся революции, оказалось завершением одного периода в развитии капитализма и началом другого периода, пока еще все той же капиталистической истории. Следовательно, нечего рассчитывать на непосредственное возрождение революции.

С первых же страниц четвертой главы Маркс показал, что капиталистическое общество справилось с тем экономическим кризисом, который породил политические кризисы 1848 года. В торговле и промышленности с конца 1848 года начался подъем, который еще быстрее начал развертываться в 1849 году и скоро поднял всю экономику на уровень, превосходящий все, что было до революции. Капитализм обнаружил способность не просто к дальнейшему расширению, но к ускоренному росту и расширению. А отсюда для Маркса получался такой вывод: «Когда производительные силы буржуазного общества развиваются настолько пышно, насколько это вообще возможно при буржуазных отношениях, о действительной революции не может быть речи. Такая революция возможна только в периоды, когда вступают в противоречие друг с другом эти два фактора — современные производительные, силы и буржуазные формы производства... Не-

вая революция возможна лишь в сопровождении нового кризиса. И она так же неизбежна, как этот последний».

Правда, силы контр-революции, казалось бы, ослабляются раздорами, которые вспыхнули между различными фракциями партии порядка на континенте и которые разваливают и компрометируют эту партию. Но, — говорит Маркс, — реакция могла позволить себе роскошь раздоров только потому, что отношения в настоящее время так прочны, и, чего не знает реакция, так буржуазны.

Теперь, когда мы видим, как во всех странах действительная борьба обесцвечивает и лишает практического значения все оттенки и сплачивает противоположные силы в два основных лагеря: капитализм—коммунизм, диктатура буржуазии — диктатура пролетариата, теперь мы можем вполне оценить всю правильность этого указания.

Предлагаемую работу Маркса много раз издавали и переиздавали в России. Но, кажется мне, изучали ее недостаточно, и в особенности мало останавливались именно на первых трех главах. В наших глазах они были опорочены с самого начала: ошибочная оценка положения, оставленная точка зрения, представляющая интерес в истории воззрений Маркса,—и только. Мы не вчитывались в них, как они того заслуживают, и были слепы ко многим местам, которые однако приобретают громадный интерес именно теперь, когда действительно сложились условия, из предположения которых исходил Маркс в начале 1850 года. Только так и можно объяснить, почему в работах, посвященных теории государства и изучению форм и условий пролетарской революции, почти совершенно отсутствуют ссылки на данную работу Маркса.

Не претендуя на исчерпывающую полноту, я все же отмечу некоторые места.

Для тех старых баб, которые сулят совершить переворот по детально составленному плану, в полном порядке, не прибегая к мерам военного коммунизма, полезно напомнить следующие слова из первой главы: «Когда класс, концентрирующий в себе революционные интересы общества, начинает восстание, он находит содержание и материал своей революционной деятельности непосредственно в своем собствен-

ном положении; он должен отражать врагов, принимать меры, диктуемые требованиями борьбы; следствия его собственных поступков толкают его дальше».

В той же главе выдвигается лозунг «низвержение буржуазии, диктатура пролетариата», противопоставляемый демократической Республике (ибо французская республика 1848 года была достаточно демократична, — не менее, чем современная). Маркс пишет: «Понесенное пролетариатом (в июньские дни 1848 года) поражение впервые убедило его в той истине, что даже самое ничтожное улучшение его положения в рамках буржуазной республики остается утопией, — утопией, которая превращается в преступление при первой же попытке превратиться в действительность. На место его высокопарных по форме, но мелких и все еще буржуазных по содержанию требований, к удовлетворению которых он хотел принудить февральскую республику, выступает смелый революционный боевой пароль: «Низвержение буржуазии! Диктатура рабочего класса!»

Несколькими страницами ниже, в начале второй главы, Маркс говорит: «Содержание буржуазной республики» (а эта буржуазная республика, как мы видели, была демократической республикой. И. С.) «составляют как раз интересы буржуазии, материальные условия ее классового господства и классовой эксплуатации».

Во второй же главе издания находятся строки, впервые дающие, по словам Энгельса (в его «Введении»), «ту формулу, в которой рабочие партии всех стран мира единодушно выражают свое требование экономического переустройства: экспроприация средств производства обществом». Упомянув, что в проекте конституции, составленном до июньских дней (1848 года), еще стояло «право на труд», и указав, что это была «первая беспомощная формула», в которой однако «резюмировались революционные требования пролетариата», Маркс продолжает: «Право на труд в буржуазном смысле — бессмыслица, жалкое благочестивое пожелание; но за правом на труд стоит власть над капиталом, за властью над капиталом — присвоение средств производства, их подчинение ассоциированному рабочему классу, следовательно, уничтожение наемного труда, капитала и их взаимного отношения».

В сущности здесь другими словами выражена вся та же мысль: низвержение буржуазии, диктатура рабочего класса. И хотя Энгельс, составляя свое «Введение», во многом уступил желаниям социал-обывателей, он, процитировав эти слова, говорит: «здесь впервые формулировано положение, которым современный рабочий (подчеркнуто, как и отдельные слова выше, мною. И. С.) социализм резко отличается от различных оттенков феодального, буржуазного, мелко-буржуазного и т. д. социализма, как и от смутной общности имуществ утопического и непосредственно возникшего рабочего коммунизма».

В одном месте все той же второй главы имеются строки, в которых заброшена мысль, двумя годами позже получившая яркое развитие в начальных страницах «Восемнадцатого Брюмера»: люди 1848 г., хватаясь за внешние формы Великой Французской Революции, превращали эту трагедию в фарс; Гора и Наполеон 1848 года были безжизненными пародиями той великой живой действительности, имена которой они носили. Современная революция, говорит затем Маркс, «находит себя только тогда, когда приобретает свое собственное оригинальное имя, а это может произойти лишь с той поры, как современный революционный класс, промышленный пролетариат, властно» («herrschend», осуществляя господство, как господствующий класс. И. С.), «выдвигается в ней на первый план».

Иными словами, в современном обществе невозможна никакая действительная революция, помимо пролетарской революции, — той революции, в которой пролетариат ставит вопрос о своем господстве.

Близко от конца той же главы Маркс еще раз упоминает об условиях, которые «еще не позволяли пролетариату захватить в свои руки революционную диктатуру».

Переходим к третьей главе. Из нее тоже следует, что мысли, которые в более концентрированной форме выражены Марксом в «Гражданской войне во Франции», были для него ясны уже за два десятка лет до того времени, в 1850 году, и что опыт 1871 года, если угодно, только освежил их в его памяти. Поиски за теми влияниями, которые в течение этого времени будто бы заставили Маркса пересмо-

треть некоторые из своих прежних воззрений на условия пролетарской революции, в значительной степени вытекают из того, что «Борьба классов во Франции» пользовалась недостаточным вниманием.

Вот изумительное место, которое производит впечатление живой современности,—стоит только несколько переменить названия стран. «Во Франции мелкий буржуа делает то, что по-настоящему должен был бы делать промышленный буржуа; рабочий делает то, что по-настоящему должно было бы составлять задачу мелкого буржуа. Но задача рабочего, кто решает ее? Никто. Она разрешается не во Франции, но во Франции она возмещается. Она нигде не разрешима в пределах национальных границ; классовая война внутри французского общества превращается в мировую войну, в которой нации выступают друг против друга. Решение начинается лишь с того момента, когда мировая война поставит пролетариат во главу народа, господствующего над мировым рынком, во главу Англии. Революция, которая находит здесь не завершение, а только свое организаторское начало, не будет кратковременной революцией. Теперешнее поколение похоже на евреев, ведомых Моисеем через пустыню. Оно не только должно завоевать новый мир: оно должно сойти со сцены, чтобы дать место людям, достаточно выросшим для нового мира».

Отсюда видно, насколько был далек Маркс и в 1850 году от того приписываемого ему противниками взгляда, будто пролетарская революция—дело одного удара, одного акта. Он и тогда предвидел длительную эпоху революций, длительную борьбу, в которой люди должны изменить не только внешние условия, но и самих себя.

«Теперешнее поколение похоже на евреев, ведомых Моисеем через пустыню. Оно не только должно завоевать новый мир: оно должно сойти со сцены, чтобы дать место людям, достаточно выросшим для нового мира»...

Не останавливаясь на поразительно яркой характеристике французского социализма, буржуазного и мелко-буржуазного, мы отметим еще только непосредственно примыкающие к этой характеристике строки, посвященные «революционному социализму, или коммунизму», «вокруг которого все решительнее группируется пролетариат».

«Этот социализм» — пишет Маркс, — «есть провозглашение непрерывной революции, классовая диктатура революции, классовая диктатура пролетариата, как необходимый переходный пункт к уничтожению классовых различий вообще, к уничтожению всех производственных отношений, на которых основаны эти различия, к уничтожению всех общественных связей, соответствующих этим производственным отношениям, к перевороту во всем мире идей, возникающих из этих общественных отношений».

Пожалуй, нигде еще у Маркса роль и значение пролетарской диктатуры в переходный период не обрисованы с такой силой и глубиной.

Но, разумеется, все это нисколько не мешает Каутскому и К^о снова и снова повторять о «словечке» относительно пролетарской диктатуры, будто бы просто «вырвавшемся» у Маркса и не стоящим в органической связи с его общими воззрениями.

Мы не останавливаемся на других положениях работы Маркса, благодаря которым она до сих пор сохраняет величайшую ценность. Надо надеяться, что ее станут не просто перелистывать, но и изучать в партийных школах и марксистских кружках.

* * *

В приложениях к этому изданию мы даем: 1) ту статью из «Новой Рейнской Газеты», посвященную июльским дням в Париже 1848 года, часть которой приведена в первой главе текста; 2) приложение к немецкому изданию «Восемнадцатого Брюмера» (1914 г.), составленное тов. Д. Б. Рязановым и воспроизводимое здесь с его товарищеского разрешения. Оно дает хронологию и местами краткое изложение важнейших событий из истории Франции с 1789 по 1870 год, а также ряда фактов, упоминаемых в работе Маркса. Хотя тов. Рязанов составлял это приложение для «Восемнадцатого Брюмера» (и воспроизводит его при русском издании последнего), однако оно поможет усвоению и предлагаемой работы, так как она охватывает приблизительно тот же период.

Ноябрь 1922 года.

И. Степанов.

БОРЬБА КЛАССОВ ВО ФРАНЦИИ

1848 — 1850

1.

С февраля до июня 1848 года.

(Из I выпуска)

За исключением немногих глав, каждый значительный отдел революционной летописи с 1848 до 1849 года носит название: поражение революции.

Но в этих поражениях погибала не революция, а полученные от предреволюционного времени аксессуары, продукты общественных отношений, еще не обострившихся до степени резких классовых противоречий: личности, иллюзии, представления, прожекты, от которых перед февральской революцией еще не была свободна революционная партия. И не февральская победа, а только целый ряд поражений мог освободить ее от этих придатков.

Одним словом, не непосредственные траги-комические завоевания пролагали дорогу революционным успехам, а наоборот, возникновение сплоченной, сильной контр-революции, выступление противника, в борьбе с которым партия переворота созрела в настоящую революционную партию.

Показать это является задачей следующих страниц.

Июньское поражение 1848 года.

Когда либеральный банкир Лафитт после июльской революции торжественно провожал в ратушу своего кума, герцога Орлеанского, он обронил слова: «С этого времени господствовать будут банкиры». Лафитт выдал тайну революции.

При Луи-Филиппе господствовала не французская буржуазия, а одна ее фракция, так называемая финансовая аристократия: банкиры, биржевые короли, же-

лезнодорожные короли и часть объединившегося с ними землевладения: владельцы угольных копей, железных рудников и лесов. Она сидела на троне, она диктовала законы в палатах, она раздавала государственные должности, начиная с мест в министерствах и кончая местами в табачных бюро.

Собственно промышленная буржуазия составляла часть официальной оппозиции, т.-е. была представлена в палатах только как меньшинство. Оппозиция ее проявлялась тем решительнее, чем исключительнее развивалось самодержавие финансовой аристократии и чем обеспеченнее представлялось ей ее собственное господство над рабочим классом после потопленных в крови восстаний 1832, 1834 и 1839 годов. Руанский фабрикант Гранден, игравший роль самого фанатичного орудия буржуазной реакции как в учредительном, так и в законодательном национальном собрании, в палате депутатов был самым ярким противником Гизо. Леон Фоше, известный впоследствии своими бесильными попытками разыграть во французской контр-революции роль Гизо, в последние годы Людовика-Филиппа вел чернильную войну за промышленность против спекуляции и против правительства, ее прихвостня. Бастиа от имени Бордо и всей винодельческой Франции тоже агитировал против господствующей системы.

Мелкая буржуазия во всех ее ступенях, равно как и крестьянский класс были совершенно исключены от политической власти. В официальной оппозиции или совсем за пределами легальной страны, *payé légal*¹⁾, находились, наконец, идеологические представители и выразители только что названных классов, их ученые, адвокаты, врачи и т. д., одним словом, их интеллигенция.

---

¹⁾ [При Людовике-Филиппе ту часть населения, которая пользовалась избирательным правом, называли «легальной страной»; не имевшие избирательного права, исключенные от политической жизни получили название «нелегальной страны». Избирательным правом пользовались только лица, уплачивающие ежегодно не менее 200 франков (75 руб.) прямых налогов. Таким образом из 34-миллионного населения Франции в состав «легальной страны» входило всего 250.000 человек, или, другими словами, избирательное право получал лишь один человек из 136 жителей]. *И. С.*

Благодаря финансовой нужде июльская монархия с самого начала попала в зависимость от высшей буржуазии, а эта зависимость от высшей буржуазии в свою очередь сделалась неиссякаемым источником прогрессирующей финансовой нужды. Не установив бюджетного равновесия, равновесия между государственными расходами и доходами, невозможно подчинить управление государством интересам национального производства. Но как установить это равновесие, не сокращая государственных расходов, т.-е. не нарушая таких интересов, на которые опиралась господствующая система, и не прибегая к новому распределению налогов, т.-е. к перемещению значительной части податного бремени на плечи самой крупной буржуазии?

Напротив, фракция буржуазии, правящая и законодательствующая через палаты, была прямо заинтересована в увеличении задолженности. Государственный дефицит как раз и был особенным предметом ее спекуляции и главным источником ее обогащения. По истечении каждого года — новый дефицит. По истечении каждых 4 — 5 лет — новый заем. А каждый новый заем давал финансовой аристократии новый случай ограбить государство, которое все время искусственно поддерживалось на пороге банкротства: ему приходилось заключать сделки с банкирами при самых неблагоприятных условиях. Каждый новый заем представлял также новый случай ограбить публику, вкладывавшую свои капиталы в государственные бумаги; средством для грабежа служили биржевые операции, в тайну которых были посвящены правительство и парламентское большинство. Неустойчивость государственного кредита и знание государственных тайн вообще давали возможность банкирам и их сообщникам в палатах и на троне вызывать из ряда вон выходящие внезапные колебания курса государственных бумаг; постоянным результатом неизбежно оказывалось разорение массы мелких капиталистов и скачкообразно быстрое обогащение крупных биржевых игроков. То обстоятельство, что государственный дефицит был выгоден господствующей фракции буржуазии, объясняет, почему чрезвычайные расходы последних лет царствования Луи-Филиппа более чем удвоились по сравнению с чрезвычайными государственными расходами при Наполеоне и

достигли суммы почти в 400 милл. франков, между тем как общий годовой вывоз Франции в среднем редко достигал высоты 750 милл. франков. Огромные суммы, попадавшие таким образом в распоряжение государства, позволяли кроме того заключать мошеннические договоры с поставщиками, облегчали подкупы, растраты, словом, всевозможные виды мошенничества. Оптовое государственное надувательство, происходившее при заключении займов, потом повторялось по мелочам во всей государственной деятельности. Отношение между палатой и правительством выступало многократно умноженным в отношениях между отдельными ведомствами и отдельными предпринимателями.

Точно так же, как государственные расходы вообще и государственные займы, господствующий класс эксплуатировал и постройку железных дорог. Палаты сваливали главные расходы на государство, а спекулирующей финансовой аристократии обеспечивали золотые плоды. Достаточно вспомнить скандалы, которые разыгрывались в палате депутатов, когда случайно обнаруживалось, что все члены парламентского большинства, включая и часть министров, участвуют в качестве акционеров в постройке тех самых железных дорог, которые они в качестве законодателей заставляли затем выполнять за счет государства.

Напротив, даже ничтожнейшая финансовая реформа разбивалась влияниями банкиров. Так, например, почтовая реформа. Ротшильд запротестовал. Да и как посмело бы государство уменьшать источники дохода, из которых приходилось уплачивать проценты по все возрастающим долгам?

Июльская монархия была не чем иным, как акционерным обществом для эксплуатации французского национального богатства, дивиденды с которого распределялись между министрами, палатами, 240 тысячами избирателей и их сообщниками. Луи-Филипп был директором этой компании, Робертом Макэром на троне.¹⁾ При такой системе торговле, промышленности, земледелию, судоходству, интересам промышленной буржуазии постоянно угрожала опасность и причинялся ущерб. Дешевое правительство, — *gouvernement à*

---

¹⁾ [Макэр — герой-делец, герой-спекулянт одной французской комедии. И. С.]

bon marché, — написала промышленная буржуазия в июльские дни на своем знамени.

В то время, как финансовая аристократия издавала законы, управляла государством, распоряжалась всеми организованными общественными властями, фактически и при посредстве печати подчиняла себе общественное мнение, во всех сферах, начиная с двора и кончая Café Borgne, повторялся тот же разврат, тот же бесстыдный обман, та же жажда обогащения не посредством производства, а посредством ловкого фокусничества с уже существующим чужим богатством. Верхи буржуазного общества охватывались безудержным, вступающим в постоянные конфликты даже с законами буржуазного общества развитием нездоровых и распутных вожделений, в которых богатство, нажитое азартной игрой, естественно ищет себе удовлетворения, превращая наслаждение в разврат и сливая в один общий поток деньги, грязь и кровь. Финансовая аристократия как в своих способах наживы, так и в наслаждениях является не чем иным, как возрождением пролетариата босяков на верхах буржуазного общества.

Тогда неправящие фракции французской буржуазии стали кричать об испорченности! А когда в 1847 году в самых высоких сферах буржуазного общества стали открыто разыгрываться сцены, которые обыкновенно приводят пролетариат босяков в дома терпимости, дома призрения бедных и умалишенных, пред лицо судей, на галеры и на эшафот, тогда народ закричал: *à bas les grands voleurs! à bas les assassins!* ¹⁾. Промышленная буржуазия увидела, что ее интересам угрожает опасность, мелкая буржуазия была охвачена нравственным негодованием, народная фантазия была возмущена, Париж — завален памфлетами: «*La dynastie Rothschild*», «*Les juifs — rois de l'époque*» ²⁾ и т. д., в которых с большей или меньшей энергией разоблачалось и клеймилось господство финансовой аристократии.

Rien pour la gloire! ³⁾. Слава не приносит никакого дохода! *La paix partout et toujours!* ⁴⁾. Война понижает курс

¹⁾ [Долой крупных воров! долой разбойников!]

²⁾ [«Династия Ротшильда». «Евреи — короли нашего времени»].

³⁾ [Ничего для славы!]

⁴⁾ [Мир везде и всегда!]

3-х и 4-х процентных бумаг! — написала Франция биржевых евреев на своем знамени. Ее внешняя политика сводилась поэтому к систематическому оскорблению французского национального чувства, которому был нанесен особенно чувствительный удар, когда с присоединением Кракова к Австрии завершилось разграбление Польши и когда в войне швейцарского Зондербунда Гизо решительно стал на сторону Священного Союза. Победа швейцарских либералов в этой иллюзорной войне подняла чувство собственного достоинства буржуазной оппозиции во Франции; кровавое восстание народа в Палермо действовало, как электрическая искра на парализованную народную массу и разбудило ее великие революционные воспоминания и страсти ¹⁾.

Наконец, два мировых экономических события ускорили взрыв всеобщего недовольства, довели возмущение до степени восстания.

Болезнь картофеля и неурожай 1845 и 1846 годов усилили всеобщее брожение в народе. Дороговизна 1847 г. вызвала кровавые столкновения как во Франции, так и на остальном континенте. Рядом с бесстыдной оргией финансовой аристократии борьба народа за необходимейшие средства существования! В Безансоне казнят участников голодного бунта; в Париже заступничество королевской семьи избавляет пресыщенных мошенников от суда.

Вторым великим экономическим событием, ускорившим революционный взрыв, был общий торговый и промышленный кризис в Англии. Уже осень 1845 г. возвестила о начале кризиса массовым поражением спекуляции с железнодорожными акциями, но в 1846 г. его развитие было задержано рядом случайных обстоятельств, как, например, предстоящей отменой пошлин на хлеб; наконец, в 1847 г. кризис разразился банкротствами крупных лондонских торговцев колониальными товарами; вслед за этим

---

¹⁾ Присоединение Кракова Австрией с согласия России и Пруссии после зверского подавления краковского восстания 11 ноября 1846 г. — Война против швейцарского Зондербунда, союза клерикальных кантонов, отпавших от федерации и снова присоединенных к ней благодаря давлению, которое либеральные кантоны оказали быстрым передвижением войск, с 4 по 28 ноября 1847 г. — Восстание в Палермо 12 января 1848 г., девятидневная бомбардировка города неаполитанцами в конце января. Ф. Э.

последовали банкротства земельных банков и закрытие фабрик в английских промышленных районах. На континенте еще не были исчерпаны последствия этого кризиса, как разразилась февральская революция.

Разорение торговли и промышленности экономической эпидемией сделало еще более невыносимым самодержавие финансовой аристократии. Оппозиционная буржуазия развила по всей Франции банкетную агитацию в пользу избирательной реформы, которая должна была обеспечить за ней большинство в палатах и низвергнуть министерство биржи. В Париже промышленный кризис имел то специальное последствие, что он направил на внутренний рынок массу фабрикантов и крупных торговцев, которые при сложившихся обстоятельствах не в состоянии были вести дела на иностранных рынках. Они стали основывать большие заведения, разорявшие своей конкуренцией мелких ремесленников и торговцев. Отсюда бесчисленные банкротства в этой части парижской буржуазии; отсюда же ее революционное выступление в феврале. Известно, как Гизо и палаты ответили на проекты реформ недвусмысленным вызовом, как Луи-Филипп слишком поздно решился на призвание министерства Барро, как дело дошло до схватки между народом и армией, как армия была обезоружена пассивным поведением национальной гвардии, и июльская монархия должна была уступить свое место временному правительству.

Временное правительство, поднявшееся по февральским баррикадам, по необходимости отразило в своем составе различные партии, между которыми распределялась победа. Оно не могло быть чем-либо иным, как только компромиссом между различными классами, которые сообща ниспровергли июльский трон, но интересы которых находились во враждебном противоречии. Крупное большинство этого правительства состояло из представителей буржуазии. Республиканская мелкая буржуазия была представлена Ледрю-Ролленом и Флоконом, республиканская буржуазия — людьми из газеты «National», династическую оппозицию представляли Кремье, Дюпон Эрский и т. д. Рабочий класс имел только двух представителей: Луи Елана и Альбера. Наконец, Ламартин не представлял во

временном правительстве никаких действительных интересов, никакого определенного класса: он был сама февральская революция, общее восстание с его иллюзиями, его поэзией, его воображаемым содержанием и его фразами. Впрочем, выразитель февральской революции как по своему положению, так и по взглядам принадлежал буржуазии.

Если Париж, благодаря политической централизации, господствует над Францией, то в моменты революционных землетрясений рабочие господствуют над Парижем. Первым актом, в котором проявилась жизнь временного правительства, была попытка освободиться от этого подавляющего влияния посредством апелляции от опьяневшего Парижа к трезвенной Франции. Ламартин отрицает за сражавшимися на баррикадах право провозгласить республику: это право принадлежит только большинству французов, а потому следует подождать, чтобы большинство заявило о своем настроении: парижский пролетариат не запятнает своей победы узурпацией. Только одну узурпацию разрешает буржуазия пролетариату: узурпацию борьбы.

К полдню 25 февраля республика не была еще провозглашена, зато все министерства уже были распределены между буржуазными элементами временного правительства, между генералами, банкирами и адвокатами из газеты «National». Но рабочие решились ни в каком случае не допускать на этот раз такого обмана, как в июле 1830 г. Они были готовы снова начать борьбу и силой оружия добиться республики. С этим извещением Распайль отправился в ратушу. Именем парижского пролетариата он повелел временному правительству провозгласить республику и обещал возвратиться во главе 200.000 человек, если это приказание народа не будет исполнено до истечения 2-часового срока. Еще не успели остыть трупы павших на баррикадах, баррикады еще не были разобраны, рабочие еще не были разоружены, и единственной силой, которую им могли бы противопоставить, оставалась национальная гвардия. Под давлением таких обстоятельств все политические соображения и юридические сомнения временного правительства внезапно рассеялись. Не успел истечь 2-часовой срок, как

на всех стенах Парижа уже красовались громадные исторические слова:

République française! Liberté, Egalité, Fraternité ¹⁾.

С провозглашением республики на основе всеобщего избирательного права исчезло и самое воспоминание об ограниченных целях и мотивах, которые толкали буржуазию к февральской революции. Вместо немногих отдельных фракций буржуазии все классы французского общества внезапно получили доступ к политической власти и принуждены были, покинув ложи, партер и галерею, собственной персоной принять участие в игре на революционной арене. Вместе с конституционной монархией исчез и призрак государственной власти, которая своевластно противопоставляла себя буржуазному обществу, а вместе с тем исчез и целый ряд мелких, второстепенных конфликтов, которые вызывает такая иллюзорно-самостоятельная власть.

Продиктовав временному правительству, а через него и всей Франции, республику, пролетариат выдвинулся тем самым на первый план, как самостоятельная партия, но вместе с тем он вызвал на бой против себя всю буржуазную Францию. Он завоевал почву для борьбы за свое революционное освобождение, но ни в каком случае не самое это освобождение.

В самом деле, февральская республика прежде всего должна была усовершенствовать господство буржуазии, включив в сферу политической власти наряду с финансовой аристократией все имущие классы. Большинство крупных землевладельцев, легитимисты, были выведены из состояния политического ничтожества, на которое их осудила июльская монархия. Не даром «Gazette de France» вела совместную агитацию с оппозиционными газетами, не даром Ларошжаклен в заседании палаты депутатов 24 февраля стал на сторону революции. Всеобщее избирательное право сделало третейскими судьями над судьбами Франции крестьян, этих номинальных собственников, составляющих громадное большинство населения. Февральская республика, сбив корону, за которой прятался капи-

---

¹⁾ [Французская республика! Свобода, равенство, братство!]

тал, позволила, наконец, выступить господству буржуазии в его чистом виде.

Как в июльские дни рабочие завоевали буржуазную монархию, так в февральские они завоевали буржуазную республику. И как июльская монархия вынуждена была выступить, как монархия, окруженная республиканскими учреждениями, так точно февральская республика, в силу необходимости, выступила как республика, окруженная социальными учреждениями. Парижский пролетариат заставил сделать ему и эту уступку.

Рабочий Марш продиктовал декрет, которым только что образовавшееся временное правительство обязывалось обеспечивать существование рабочих посредством труда, доставлять работу всем гражданам и т. д. А когда через несколько дней оно забыло о своих обещаниях и, повидимому, совершенно забыло о пролетариате, толпа в 20.000 рабочих двинулась к ратуше с криками: Организация труда! Создание особого министерства труда! Неохотно и после длинных дебатов временное правительство назначило постоянную специальную комиссию, которой было поручено изыскать средства для улучшения положения трудящихся классов. Эта комиссия была образована из делегатов от ремесленных корпораций Парижа; председательствовали в ней Луи Блан и Альбер. Местом ее заседаний избрали Люксембургский дворец. Таким образом представителей рабочего класса изгнали из заседаний временного правительства; буржуазная часть последнего сосредоточила исключительно в своих руках действительную государственную власть и бразды правления, а около министерств финансов, торговли, общественных работ, около банка и биржи образовалась социалистическая синагога, на первосвященников которой, Луи Блана и Альбера, возложили задачу открыть путь в обетованную землю, возвестить новое евангелие и дать работу парижскому пролетариату. В отличие от всякого рода заурядной государственной власти в их распоряжении не было ни бюджета, ни исполнительной власти. Головой должны они были сломать главные устои буржуазного общества. В то время, как Люксембург отправился в поиски философского камня, в ратуше чеканили монету, немедленно поступавшую в обращение

И при всем том требования парижского пролетариата, поскольку они выходили за пределы буржуазной республики, не могли реализоваться ни в каких иных формах, кроме туманных форм Люксембурга.

Вместе с буржуазией совершили рабочие февральскую революцию, около буржуазии пытались они отстоять свои интересы: так и во временное правительство на ряду с буржуазным большинством они поместили одного рабочего. Организация труда! Но наемный труд, ведь это—уже имеющаяся в наличности буржуазная организация труда. Без нее нет капитала, нет буржуазии, нет буржуазного общества. Особое министерство труда! Но разве министерства финансов, торговли, общественных работ, разве они не являются буржуазными министерствами труда? И рядом с ними пролетарское министерство труда неизбежно должно было превратиться в министерство бессилия, министерство благих пожеланий, в комиссию Люксембурга. Считая возможным освободиться около буржуазии, рабочие считали также возможным в пределах национальных стен Франции совершить пролетарскую революцию при существовании других буржуазных наций. Но производственные отношения Франции обусловлены внешней торговлей Франции, ее положением на мировом рынке и законами последнего. Могла ли Франция нарушить их без европейской революционной войны, которая была бы в состоянии потрясти Англию, этого деспота мирового рынка?

Когда класс, концентрирующий в себе революционные интересы общества, начинает восстание, он находит содержание и материал своей революционной деятельности непосредственно в своем собственном положении: он должен отражать врагов, принимать меры, диктуемые требованиями борьбы; следствия его собственных поступков толкают его дальше. Он не вдается в теоретические изыскания относительно своих собственных задач. Но французский рабочий класс еще не был в таком положении; он еще был неспособен совершить свою собственную революцию.

Развитие промышленного пролетариата вообще обусловливается развитием промышленной буржуазии. Под ее господством он впервые приобретает широкое националь-

ное существование, которое только и может сделать его революцию национальной революцией; только он сам создает современные средства производства, являющиеся одновременно и средствами его революционного освобождения. Господство буржуазии лишь вырывает материальные корни феодального общества и выравнивает ту почву, на которой только и возможна пролетарская революция. Французская промышленность достигла более высокого уровня и французская буржуазия развивалась революционнее, чем на всем остальном континенте. Не была ли февральская революция направлена непосредственно против финансовой аристократии? Факт этот показывает, что промышленная буржуазия еще не подчинила себе Францию. Промышленная буржуазия может господствовать лишь там, где современная промышленность формирует соответственно с собой все отношения собственности, а эту власть промышленность может приобрести лишь там, где она завоевала мировой рынок, потому что национальные рамки недостаточны для ее развития. Но французская промышленность даже на внутреннем рынке удерживалась в значительной степени только благодаря более или менее модифицированной запретительной системе. Поэтому, хотя французский пролетариат в Париже в момент революции обладает фактическими силой и влиянием, толкающими его дальше, чем то соответствует его средствам, в остальной Франции он сосредоточен в отдельных, разбросанных по стране промышленных центрах и почти совершенно ступеневывается перед численным превосходством крестьян и мелких буржуа. Борьба против капитала в ее развитой современной форме, в ее кульминационном пункте, борьба промышленного наемного рабочего против промышленного буржуа является во Франции лишь частичным фактом, который после февральских дней тем менее мог придать революции национальное содержание, что борьба против подчиненных способов капиталистической эксплуатации: борьба крестьян против ростовщичества с ипотеками, мелкого буржуа против крупного торговца, банкира и фабриканта,—словом, борьба против банкротства все еще облекалась в форму всеобщего восстания против всеобщей финансовой аристократии. Как нельзя более понятно поэтому, что парижский пролетариат стремился осуществить

свои интересы рядом с буржуазными интересами вместо того, чтобы выдвинуть их как революционные интересы самого общества, и что он допустил падение красного знамени перед трехцветным. Французские рабочие не могли сделать ни одного шага вперед, не могли тронуть ни одного волоска буржуазного строя, пока ход революции не восстановил против этого строя, против господства капитала массу нации, стоящую между пролетариатом и буржуазией: крестьян и мелких буржуа, пока он не вынудил их примкнуть к пролетариату, как к передовому борцу. Только чудовищным июньским поражением и могли рабочие купить эту победу.

За люксембургской комиссией, этим созданием парижских рабочих, остается та заслуга, что она с высоты европейской трибуны разоблачила тайну революции XIX века: освобождение пролетариата. «Moniteur» приходил в ярость, когда ему официально приходилось пропагандировать «дикие фантазмагории», лежавшие до того времени погребенными в апокрифических писаниях социалистов и только изредка доходившие до уха буржуазии, как далекие, частью страшные, частью курьезные саги. Европа, пораженная, очнулась от своей мещанской полудремоты. По воззрениям пролетариев, которые вообще смешивали финансовую аристократию с буржуазией; в воображении республиканских простаков, которые отрицали самое существование классов или, в лучшем случае, признавали его только как следствие конституционной монархии; в лицемерных фразах буржуазных фракций, до того времени устранившихся от власти, господство буржуазии было уничтожено со введением республики. Все роялисты превратились в то время в республиканцев и все миллионеры Парижа—в рабочих. Фразой, соответствовавшей этому воображаемому уничтожению классовых отношений, было *fraternité*, всеобщее братанье и братство. Это благодушное абстрагирование от классовых противоречий, это сантиментальное примирение противоречивых классовых интересов, это мечтательное воспарение над классовой борьбой, эта *fraternité*,—она была настоящим лозунгом февральской революции. Классы разделились вследствие простого недоразумения, и Ламартин окрестил временное правительство 24 февраля:

«un gouvernement qui suspende ce maientendu terrible qui existe entre les différentes classes» ¹⁾). Парижский пролетариат утопал в этом великодушном упоении братства.

Временное правительство, раз оно было вынуждено объявить республику, с своей стороны приложило все силы к тому, чтобы сделать ее приемлемой для буржуазии и провинции. Кровавые ужасы первой французской республики были отвергнуты уничтожением смертной казни за политические преступления; печать всех направлений получила свободу; армия, суды, администрация, за немногими исключениями, остались в руках прежних сановников; никто из крупных виновников июльской монархии не был привлечен к ответственности. Буржуазные республиканцы газеты «National» забавлялись тем, что заменяли монархические имена и костюмы старо-республиканскими. Для них республика была не чем иным, как новым бальным платьем для старого буржуазного общества. Свою главную заслугу молодая республика видела не в том, чтобы наводить страх, а скорее в том, чтобы самой пребывать в постоянном страхе. Робкой уступчивостью и беззащитностью своего существа старалась она обеспечить себе существование и обезоружить противодействие. Привилегированным классам внутри страны, деспотическим государствам за ее пределами во всеуслышание возвестили, что республика миролюбива по своему нраву. Жить и жить давать другим,—вот ее девиз. К тому же вскоре после февральской революции немцы, поляки, австрийцы, венгры, итальянцы тоже восстали, каждый народ сообразно своему непосредственному положению. Россия и Англия,—последняя сама захваченная движением, а первая слишком напуганная,—не были подготовлены. Следовательно, перед республикой не было ни одного национального врага. Следовательно, никаких грандиозных внешних осложнений, которые были бы способны воспламенять энергию, ускорять революционный процесс, толкать вперед временное правительство или выбросить его за борт. Парижский пролетариат, признававший в республике свое собственное творение, конечно, приветствовал всякий шаг

---

¹⁾ Правительство, уничтожающее ужасное недоразумение, которое существует между различными классами».

временного правительства, который укреплял положение последнего в буржуазном обществе. Встав на защиту собственности в Париже, пролетариат без труда допустил Коссидьера воспользоваться им для полицейских услуг, точно так же как Луи Блану, позволил улаживать конфликты, возникавшие между рабочими и хозяевами из-за условий труда. Его *point d'honneur* состоял в том, чтобы в глазах Европы сохранить незапятнанной буржуазную честь республики.

Республика не встретила ни внешнего, ни внутреннего противодействия. Этим она была обезоружена. Свою задачу она видела уже не в том, чтобы революционизировать мир, а исключительно в том, чтобы приспособиться к отношениям буржуазного общества. С каким фанатизмом временное правительство подчинилось этой задаче, наиболее красноречиво говорят об этом его финансовые мероприятия.

Государственный кредит и частный кредит был, конечно, подорван. Государственный кредит основывается на доверии к тому, что государство позволит эксплуатировать себя евреям финансов. Но старое государство исчезло, а революция выступила прежде всего против финансовой аристократии. Еще не улеглись потрясения, вызванные последним европейским торговым кризисом. Банкротства все еще следовали за банкротствами.

Следовательно, частный кредит был парализован, обращение затормозилось, производство застопорилось еще раньше, чем разразилась февральская революция. Революционный кризис усилил торговый. И если частный кредит основывается на доверии к тому, что буржуазное производство со всей совокупностью соответствующих ему отношений, что буржуазный порядок не поколеблен и непоколебим,—то какое же действие могла оказать революция, которая поставила под вопрос основу буржуазного производства: экономическое рабство пролетариата, и против биржи воздвигла люксембургского сфинкса? Восстание пролетариата, это ведь уничтожение буржуазного кредита, потому что оно знаменует уничтожение буржуазного производства и его строя. Государственный кредит и частный кредит являются экономическими термометрами, которыми измеряется интенсивность революции. Пыл и творческая

способность революции повышаются в той же степени, в какой они падают.

Временное правительство хотело стереть с республики антибуржуазную внешность. Поэтому ему прежде всего приходилось направить свои поиски в ту сторону, чтобы обеспечить меновую ценность этой новой государственной формы, ее биржевой курс. Вместе с биржевым курсом республики естественно поднялся снова и частный кредит.

Чтобы устранить самое подозрение в том, что временное правительство хочет или может отказаться от удовлетворения обязательств, принятых от монархии, чтобы внушить веру в буржуазную мораль и платежеспособность республики, временное правительство прибегло к одинаково недостойной и детской рекламе. Государственным кредиторам были выплачены проценты по 5, 4¹/₂ и 4-процентной ренте до законного срока. Буржуазный апломб и самосознание капиталистов внезапно проснулись, как только они увидели бодрящую поспешность, с какой старались купить их доверие.

Денежные затруднения временного правительства, конечно, не уменьшались от этого театрального эффекта, который унес у него наличные денежные запасы. Скрывать далее финансовые затруднения было невозможно, и мелкой буржуазии, прислуге, рабочим пришлось расплатиться за приятный сюрприз, устроенный государственным кредиторам.

Было объявлено, что по книжкам сберегательных касс не подлежат возврату деньгами вклады, превышающие 100 франков. Суммы, вложенные в сберегательные кассы, подверглись конфискации, декрет обратил их в государственный долг, не подлежащий возврату. Эта мера озлобила против республики и без того уже находившегося в стесненных обстоятельствах мелкого буржуа. Получив в обмен на книжки сберегательных касс государственные облигации, он вынужден был отправиться на биржу, чтобы сбыть их, и таким образом попал прямо в руки тех самых евреев биржи, против которых совершил февральскую революцию.

Банк был епископальной церковью финансовой аристократии, которой принадлежало господство во время июльской монархии. Как биржа управляет государственным кредитом, так банк — торговым кредитом.

Банк, непосредственно угрожаемый февральской революцией,—угрожаемый не только в своем господстве, но и в самом существовании, — банк с самого начала постарался дискредитировать республику, сделав некредитоспособность всеобщей некредитоспособностью. Банкирам, фабрикантам, купцам он внезапно закрыл всякий кредит. Этот маневр, не вызвав немедленно контр-революции, неизбежно отразился ответным ударом на самом банке. Капиталисты востребовали деньги, положенные ими в погреба банка. Владельцы банковых билетов кинулись в его кассы, чтобы обменять их на золото и серебро.

Без насильственного вмешательства, легальным путем временное правительство могло бы привести банк к банкротству: ему стоило только держаться пассивно и предоставить банк его собственной участи. Банкротство банка—это был бы потоп, который в одно мгновение смел бы с лица Франции финансовую аристократию, самого могущественного и опасного врага республики, золотой пьедестал июльской монархии. А раз банк обанкротился, сама буржуазия отнеслась бы к созданию временным правительством национального банка и к подчинению национального кредита контролю нации, как к последней отчаянной попытке спасения.

Временное правительство, напротив, декретировало для банковых билетов принудительный курс. Оно пошло дальше. Оно превратило все провинциальные банки в филиальные отделения Banque de France (Французского банка) и дало ему возможность раскинуть свою сеть на всю Францию. Впоследствии оно даже заложило в том же банке государственные леса в обеспечение займа, заключенного у него. Так февральская революция укрепляла и распространяла влияние банократии, которую она должна была бы низвергнуть.

Между тем временное правительство все больше сгибалось под тяжестью возраставшего дефицита. Напрасно оно кланчилось о патриотических жертвах. Только рабочие бросили ему свое подаяние. Приходилось прибегнуть к героическому средству: к назначению новых налогов. Но кого же обложить? Биржевых волков, банковых королей, государственных кредиторов, рантье, промышленников? Но

этим республика едва ли снискала бы себе расположение буржуазии. Это значило подвергать опасности тот самый государственный и торговый кредит, который старались приобрести ценою таких великих жертв и унижений. Но кто-нибудь должен же был платить. Итак, кем же пожертвуют буржуазному кредиту? *Jacques le bonhomme*, — крестьянином.

Временное правительство увеличило четыре прямых налога добавочной суммой в 45 сантимов с франка. Парижскому пролетариату правительственная пресса лгала, что этот налог падает преимущественно на крупное землевладение, на собственников миллиардов, октроированных реставрацией. На самом же деле он падал прежде всего на класс крестьян, т.е. на подавляющее большинство французского народа. Крестьяне должны были оплатить издержки февральской революции, — в них контр-революция приобрела для себя главный материал: 45-ти сантимный налог, это был вопрос жизни для французского крестьянина, и крестьянин сделал его вопросом жизни для республики. Республика с этих пор воплотилась для французского крестьянина в 45-ти сантимный налог, а в парижском пролетариате он стал видеть расточителя, который мило устраивается за его счет.

Между тем как революция 1789 года начала с того, что страхнула с крестьян феодальные повинности, революция 1848 года, чтобы не создавать опасностей для капитала и поддерживать государственную машину в ходу, возвестила о себе деревенскому населению новым налогом.

Только одно средство и было у временного правительства, чтобы устранить все эти затруднения и выбить государство из старой колеи: объявить государственное банкротство. Вспомним, как позже Ледрю-Роллен повествовал в национальном собрании о том благородном негодовании, с которым он отклонил предложение этого рода, сделанное биржевым евреем Фульдом, теперешним французским министром финансов ¹⁾. Фульд протягивал ему яблоко с древа познания.

---

¹⁾ [Для современных читателей бесполезно отметить, что у Маркса с титулом «биржевых евреев», «евреев биржи» выступают как евреи, так и чистокровные французы и немцы.]

Признав векселя, предъявленные старым буржуазным обществом к государству, временное правительство поднало под власть этого общества. Оно попало в положение запутавшегося должника буржуазного общества вместо того, чтобы противостоять ему в качестве угрожающего кредитора, который взыскивает давнишний революционный долг. Оно должно было укреплять колеблющиеся буржуазные отношения, чтобы исполнить обязательства, подлежащие выполнению лишь при существовании этих отношений. Кредит превратился в условие его жизни, а уступки пролетариату, все данные ему обещания стали путями, которые необходимо порвать. Освобождение рабочих,— даже как фраза,— стало невыносимой опасностью для новой республики, так как оно было постоянным протестом против восстановления кредита, который основывается на безусловном и полном признании существующих экономических классовых отношений. Итак, необходимо было покончить с рабочими.

Февральская революция выбросила армию из Парижа. Единственную силу представляла национальная гвардия, то-есть буржуазия различных градаций. Но она чувствовала, что пролетариат ей не по плечу. Кроме того, она была вынуждена, хотя и после самого упорного сопротивления, воздвигая тысячи различных препятствий, постепенно и частично разомкнуть свои ряды, чтобы пустить в них вооруженных пролетариев. Оставался, следовательно, один выход: противопоставить одной части пролетариев другую.

С этой целью временное правительство организовало 24 батальона летучей гвардии; в каждый батальон вошло по тысяче молодых людей от 15 до 20 лет. Они принадлежали большею частью к пролетариату босяков, образуемому во всех больших городах вполне отличную от промышленного пролетариата массу: среду, из которой рекрутируются воры и всевозможные преступники, живущие отбросами со стола общества, лица без определенных занятий, бродяги, *gens sans feu et sans aveu*, различающиеся сообразно степени культурности нации, к которой они принадлежат, но неизменно сохраняющие свою натуру босяков, лазарони. В юношеском возрасте, в котором их набирало временное

правительство, они, легко подвергаясь всяким влияниям, одинаково способны как на великие героические подвиги и восторженное самопожертвование, так и на самые гнусные бандитские выступления или на грязнейшую продажность. Временное правительство платило им по 1 франку 50 сантимов в день, т.-е. покупало их. Оно дало им особую форму, чтобы внешним образом отличить их от блузников. В качестве предводителей к ним были частью прикомандированы офицеры постоянной армии, частью же они выбирали себе молодых сыновей буржуазии, которые подкупали их своими фанфаронадами о готовности умереть за отечество, о преданности республике.

Таким образом против парижского пролетариата выставили армию, состоявшую из 24.000 юношески сильных, отчаянно храбрых людей, взятых из его собственной среды. Пролетарят кричал «ура» этой летучей гвардии, когда она проходила через Париж. Он узнавал в ее рядах своих передовых борцов на баррикадах. Он относился к ней, как к пролетарской гвардии, противопоставляя ее буржуазной национальной гвардии. Это была простительная ошибка.

Кроме летучей гвардии, правительство решило собрать вокруг себя еще промышленную рабочую армию. Сто тысяч рабочих, выброшенных на улицу кризисом и революцией, были завербованы министром Мари в так называемые национальные мастерские. Это пышное название прикрывало не что иное, как употребление рабочих на скучные, однообразные, непроизводительные земляные работы с заработной платой в 23 су. Английские работные дома под открытым небом—вот все, что представляли из себя эти национальные мастерские. Временное правительство надеялось, что в них оно создаст вторую пролетарскую армию против самих же рабочих. На этот раз буржуазия ошиблась насчет национальных мастерских совершенно так же, как рабочие ошиблись насчет летучей гвардии. Она создала армию мятежа.

Но одна цель все же была достигнута.

Национальные мастерские—таково было название тех народных мастерских, о которых проповедовал Луи Блан в Люксембурге. Мастерские Мари,—по плану прямая противоположность люксембургским,—благодаря общности

фирмы открывали возможность интриг и мороченья, достойных послужить сюжетом испанской комедии проделок прислуги. Само временное правительство стороной распространяло слух, будто национальные мастерские—изобретение Луи Блана, и это казалось тем более правдоподобным, что Луи Блан, пророк национальных мастерских, был членом временного правительства. И вот в полуднаивных, полупреднамеренных, спутанных представлениях парижской буржуазии, в искусственно создаваемом мнении Франции и Европы, эти работные дома превратились в первое осуществление социализма, который таким способом вместе с ними выставлялся к позорному столбу.

Но национальные мастерские, если не по своему содержанию, то по названию, были воплощенным протестом пролетариата против буржуазной промышленности, буржуазного кредита и буржуазной республики. Потому-то на них и обрушилась вся ненависть буржуазии. В то же время она увидала в них тот пункт, на который можно было открыть нападение, едва лишь она почувствовала себя окрепшей настолько, чтобы открыто порвать с февральскими иллюзиями. Все недовольство, вся досада мелких буржуа тоже направилась на эту общую мишень, на национальные мастерские. С неподдельной яростью высчитывали они суммы, пожиравшиеся пролетариями-дармоедами в то самое время, как их собственное положение с каждым днем становилось невыносимее. «Государственная пенсия за мнимую работу,—вот что такое социализм!»—ворчали они про себя. Национальные мастерские, декламации Люксембурга, шествия рабочих через Париж,—во всем они открывали причину своей нищеты. И никто с таким фанатизмом не восставал против мнимых махинаций коммунистов, как мелкий буржуа, который без надежды на спасение висел над пучиной банкротства.

Таким образом в предстоящей схватке между буржуазией и пролетариатом все выходы, все решительные позиции, все средние слои общества были в руках буржуазии в то самое время, когда волны февральской революции высоко вздымались над всем континентом, и каждая новая почта приносила новый революционный бюллетень то из Италии, то из Германии, то с отдаленнейшего юго-востока Европы и поддерживала в народе общее упоение, постоян-

но доставляя ему новые свидетельства победы, которая для него была уже позади.

17 марта и 16 апреля произошли первые разведывательные стычки великой классовой борьбы, скрывавшейся под сенью буржуазной республики.

17 марта обнаружилось двусмысленное, не допускавшее решительных действий положение пролетариата. Его демонстрация первоначально имела целью вновь толкнуть временное правительство на путь революции, а при случае добиться исключения буржуазных членов из его состава и настоять на отсрочке выборов в национальное собрание и национальную гвардию. Но 16 марта буржуазия, представленная в национальной гвардии, устроила демонстрацию, враждебную временному правительству. С возгласом: «à bas Ledru-Rollin» («долой Ледрю-Роллена!») бросилась она к ратуше. И народ был вынужден 17 марта кричать: «Да здравствует Ледрю-Роллен! Да здравствует временное правительство!». Он был вынужден стать против буржуазии, на сторону буржуазной республики, которой, как ему казалось, угрожает опасность. Он укрепил временное правительство вместо того, чтобы подчинить его себе. 17 марта вылилось в мелодраматическую сцену, и если парижский пролетариат в этот день еще раз показал свое гигантское тело, то буржуазия как внутри, так и вне временного правительства тем более укрепилась в своем решении сломить его.

16 апреля явилось плодом недоразумения, построенного временным правительством вместе с буржуазией. Рабочие собрались в большом количестве на Марсовом поле и в Гипподроме, чтобы подготовить свои выборы в генеральный штаб национальной гвардии. Вдруг по всему Парижу, с одного конца города до другого, с быстротой молнии разносится слух, будто рабочие, вооруженные, собрались на Марсовом поле под предводительством Луи Блана, Бланки, Кабе и Распайля, с целью двинуться к ратуше, свергнуть временное правительство и объявить коммунистическое правительство. Раздается походный марш, — Ледрю-Роллен, Марра, Ламартин впоследствии оспаривали друг у друга честь инициативы, — через час 100.000 человек стоят под оружием, ратуша во всех пунктах занята национальной гвардией, по всему Парижу гремят возгласы: «Долой ком-

мунистов! Долой Луи Блана, Бланки, Распайля, Кабе! — и бесчисленное множество депутатий, готовых спасти отечество и общество, клянутся в верности временному правительству. Когда рабочие появляются, наконец, перед ратушей, чтобы передать временному правительству патриотический сбор, сделанный ими на Марсовом поле, они узнают, к своему изумлению, что буржуазный Париж по всем правилам стратегического искусства разбил в мнимой борьбе им же самим созданный призрак. Ужасное злодеяние 16 апреля послужило предлогом к тому, чтобы вернуть армию в Париж, — в этом-то и заключалась истинная цель грубо разыгранной комедии, — и к реакционным федералистическим демонстрациям провинций.

4 мая открылось национальное собрание, избранное прямой и всеобщей подачей голосов. Всеобщее избирательное право не проявило той магической силы, которую ему приписывали старомодные республиканцы. Во всей Франции — или по крайней мере в большинстве французов — они видели граждан (citoyens) с одинаковыми интересами, одинаковыми воззрениями и т. д. Это был их культ народа. Но вместо их воображаемого народа выборы в ярком освещении показали настоящий народ, т. е. представителей различных классов, на которые он распадается. Мы видели, почему крестьяне и мелкие буржуа должны были выбирать под руководством воинственно настроенной буржуазии и жаждущих реставрации крупных землевладельцев. Но если всеобщее избирательное право не оказалось тем волшебным жезлом, каким его считали простодушные республиканцы, то его заслуга была несравненно выше: оно развязывало классовую борьбу, заставляло различные промежуточные слои мелкобуржуазного общества быстро изживать свои иллюзии и разочарования, одним взмахом бросало все фракции эксплуатирующего класса на вершину государственной власти и таким образом срывало с них обманчивую личину, тогда как монархия со своим цензом заставляла компрометировать себя только определенные фракции буржуазии, а другие оставляла за кулисами и окружала их ореолом общей оппозиции.

В учредительном национальном собрании, открывшемся 4 мая, первенствующую роль играли буржуазные рес-

публиканцы, республиканцы «National'я». Даже легитимисты и орлеанисты вначале осмеливались выступать лишь под маской буржуазного республиканизма. Только во имя республики можно было начать борьбу против пролетариата.

С 4 мая, а не с 25 февраля, начинается республика, т.е. республика, признанная французским народом. Но это уже не республика, которую парижский пролетариат навязал временному правительству, это уже не республика с социальными учреждениями, не мечта, носившаяся перед борцами на баррикадах. Провозглашенная национальным собранием, единственно законная республика, это—республика, которая представляет не революционное оружие против буржуазного строя, а скорее политическую реконструкцию, политическое закрепление буржуазного общества: словом,—буржуазную республику. С трибуны национального собрания прозвучало это утверждение, и вся республиканская и антиреспубликанская буржуазная пресса, как эхо, повторила его.

Мы видели, почему февральская республика, действительно, не была и не могла быть чем-либо иным, как только буржуазной республикой, но мы видели также, как временное правительство, под непосредственным давлением пролетариата, вынуждено было возвестить о ней, как о республике с социальными учреждениями; как парижский пролетариат еще не был способен перешагнуть через буржуазную республику иначе, как в идее, в мечте, и как всякий раз, когда он приступал к каким-либо действиям, он фактически действовал на службе буржуазной республики; как сделанные ему обещания превратились в невыносимую опасность для новой республики, и как весь жизненный процесс временного правительства свелся к непрерывной борьбе против требований пролетариата.

В национальном собрании вся Франция явилась для суда над парижским пролетариатом. Оно немедленно покончило с социальными иллюзиями февральской революции, оно без обиняков провозгласило буржуазную республику,—ничего, кроме буржуазной республики. Немедленно исключило оно из назначенной им исполнительной комиссии представителей пролетариата: Луи Блана и Альбера. Оно отвергло предложение учредить особое министерство труда,

оно бурными криками одобрения встретило заявление министра Трела: «все дело заключается в том, чтобы вернуть труд к его старым условиям».

Но этого было мало. Февральская республика была завоевана рабочими при пассивном содействии буржуазии. Пролетарии с полным правом видели в себе февральских победителей и предъявляли высокомерные притязания победителя. Их необходимо победить на улице, им следует показать, что их победят, как только они станут сражаться не вместе с буржуазией, а против буржуазии. Как февральская республика с ее социалистическими уступками потребовала битвы от пролетариата, соединившегося с буржуазией, против монархии, так и вторая битва требовалась для того, чтобы отделить республику от социалистических уступок, чтобы создать официальное господство буржуазной республики. С оружием в руках должна была буржуазия отвергнуть требования пролетариата. И настоящим моментом рождения буржуазной республики является не февральская победа, а июньское поражение.

Пролетариат ускорил решение, когда он, ворвавшись 15 мая в национальное собрание, сделал безуспешную попытку возратить свое революционное влияние и только отдал своих энергичных вождей в руки тюремщиков буржуазии. *Il faut en finir!* С этим положением надо покончить! В этом возгласе выразилось решение национального собрания довести пролетариат до решительного столкновения. Исполнительная комиссия издала ряд вызывающих декретов, как, например, воспрещение скопищ народа и т. д. С трибуны учредительного национального собрания открыто провоцировали, бесчестили, осмеивали рабочих. Но центральным пунктом для нападения, как мы видели, послужили национальные мастерские. На них учредительное собрание повелительно указало исполнительной комиссии, которая только и дожидалась, чтобы ее собственный план получил форму приказа национального собрания.

Исполнительная комиссия начала с того, что стала затруднять поступление в национальные мастерские, заменять поденную плату сдельной и под предлогом земляных работ отправлять в провинцию тех рабочих, которые не были уроженцами Парижа. Эти земляные работы были лишь рито-

рической фигурой, которой прикрывалось изгнание, как об этом оповестили своих товарищей разочарованные рабочие, возвращавшиеся обратно. Наконец, 21 июня в «Moniteur» появился декрет, который предписывал насильственно изгнать из национальных мастерских всех неженатых рабочих или же завербовать их в армию.

Рабочим не оставалось выбора, они должны погибнуть от голода или выступить. 22 июня они ответили грандиозным восстанием, — первой великой битвой между двумя классами, раскалывающими современное общество. Это была борьба за сохранение или уничтожение буржуазного строя. Покрывало, скрывавшее республику, было разорвано.

Известно, как рабочие с беспримерным мужеством и гениальностью, без вождей, без общего плана, без средств, по большей части без оружия, в продолжение пяти дней боролись против армии, летучей гвардии, парижской национальной гвардии и против национальной гвардии, нахлынувшей из провинции. Известно, как буржуазия неслыханным зверством вознаградила себя за испытанный ею смертельный страх и перебила более 3000 пленных.

Официальные представители французской демократии до такой степени были во власти республиканской идеологии, что они лишь несколько недель спустя стали догадываться о смысле июньской борьбы. Они были как бы ошеломлены пороховым дымом, в котором расплылась их фантастическая республика.

Читатель позволит нам изобразить словами «Новой Рейнской Газеты» то непосредственное впечатление, какое произвела на нас весть об июньском поражении ¹⁾.

«Последний официальный остаток февральской революции, исполнительная комиссия, растаяла, подобно миражу перед значительностью событий. Блестящие искры Ламартина превратились в бомбы Кавеньяка, Fraternité, братство противоположных классов, из которых один эксплуатирует другой, эта fraternité, возвещенная в феврале и крупными буквами написанная на челе Парижа, на каждой тюрьме, на

---

¹⁾ [Взл статья, за исключением нижеследующего отрывка, дана в приложении 1 к этому изданию. И. С.]

каждой казарме, в ее истинном, неподдельном, в ее прозаическом выражении есть не что иное, как гражданская война,—гражданская война в ее ужаснейшей форме, война труда и капитала. Это братство пылало перед всеми окнами Парижа вечером 25 июня, когда Париж буржуазии был иллюминирован, в то самое время, как Париж пролетариата сгорал, истекал кровью, исходил стонами. Братство продолжалось лишь до тех пор, пока интересы буржуазии братались с интересами пролетариата. Педанты старой революционной традиции 1793 года, социалистические систематики, которые просили у буржуазии милостыню для народа и которым разрешалось держать длинные проповеди и компрометировать себя до тех пор, пока необходимо было усыплять и убаюкивать пролетарского льва; республиканцы, желавшие сохранения всего старого буржуазного строя за вычетом коронованной головы; династическая оппозиция, которой случай подsunул вместо изменения министерства падение династии; легитимисты, которые не сбросили своей ливреи, а лишь изменили ее покррой,—вот те союзники, с которыми народ совершил свой февраль.—Февральская революция была красивая революция,—революция общих симпатий, потому что противоречия, которые выразились в ней, как борьба против июльской монархии, оставались еще в неразвитом состоянии и мирно дремали одно возле другого, потому что социальная борьба, составлявшая их подоплеку, приобрела лишь воздушное существование,—существование фразы, слова. Июньская революция—не красивая революция, отталкивающая революция, потому что на место фразы выступило дело, потому что республика обнажила главу чудовища, сбив с него защищавшую и прикрывавшую его корону.—Порядок!—таков был лозунг Гизо. Порядок!—кричал гизотинец Себастьяни, когда Варшава сделалась русской. Порядок!—кричит Кавеньяк, грубое эхо французского национального собрания и республиканской буржуазии. Порядок!—гремела его картечь, разрывая тело пролетариата. Ни одна из многочисленных революций французской буржуазии с 1789 г. не была покушением на порядок, потому что все они оставляли неприкосновенным господство класса, все они оставляли рабство рабочего, все они оставляли неприкосновенным буржуазный строй,

как бы ни изменялись политические формы этого господства и этого рабства. Июнь посягнул на этот порядок. Горе июню!» («Neue Rheinische Zeitung» 29 июня 1848 года).

Горе июню!—звучит в ответ европейское эхо.

Буржуазия принудила парижский пролетариат к июньскому восстанию. Уже это осуждало его на неудачу. Ни непосредственно сознанные потребности не побуждали его к борьбе с целью насильственного ниспровержения буржуазии, ни сам он не вырос достаточно для этой задачи. «Moniteur» официально разъяснил пролетариату, что прошло то время, когда республике приходилось почтительно относиться к его иллюзиям, а понесенное им поражение впервые убедило его в той истине, что даже самое ничтожное улучшение его положения в рамках буржуазной республики остается утопией,—утопией, которая превращается в преступление при первой же попытке воплотиться в действительность. На место его высокопарных по форме, но мелких и все еще буржуазных по содержанию требований, к удовлетворению которых он хотел принудить февральскую республику, выступает смелый революционный боевой пароль: Низвержение буржуазии! Диктатура рабочего класса!

Превратив свою могилу в место рождения буржуазной республики, пролетариат заставил ее в то же время выступить в ее чистом виде, в виде государства, признанной целью которого является увековечение господства капитала, рабства труда. Освобожденное от всех пут, постоянно имея перед собой покрытого рубцами, непримиримого и непобедимого врага,—непобедимого потому, что существование пролетариата является непременным условием жизни самой буржуазии,—буржуазное господство должно было тотчас же превратиться в буржуазный терроризм. Как только пролетариат был удален со сцены, и буржуазная диктатура получила официальное признание, промежуточные слои буржуазного общества стали все более примыкать к пролетариату по мере того, как их положение становилось все невыносимее, и противоположность их интересов с интересами буржуазии все более обострялась. Как раньше они видели причину своей нищеты в подъеме пролетариата, так теперь они должны были увидеть ее в его поражении

Если июньское восстание подняло повсюду на континенте самосознание буржуазии и толкнуло ее на открытый союз с феодальной монархией против народа, кто был первой жертвой этого союза? Сама континентальная буржуазия. Июньское поражение помешало ей укрепить свое господство и остановить полудовольный, полуразочарованный народ на самой низкой ступени буржуазной революции.

Наконец, июньское поражение выдало деспотическим державам Европы ту тайну, что Франция при всех обстоятельствах должна поддерживать внешний мир, чтобы не утратить возможности вести внутреннюю гражданскую войну. Таким образом народы, начавшие борьбу за свою национальную независимость, были отданы на произвол России, Австрии и Пруссии, но зато судьба этих национальных революций отныне стала в зависимость от судьбы пролетарской революции, утратила свою мнимую самостоятельность, свою независимость от великого социального переворота. Ни венгерец, ни поляк, ни итальянец не может быть свободен, пока рабочий остается рабом.

Наконец, Европа, благодаря победам Священного Союза, приняла такой вид, что всякое новое восстание пролетариата во Франции должно непосредственно совпасть с мировой войной. Новая французская революция должна немедленно покинуть национальную почву и завоевать себе европейскую арену, на которой только и может найти осуществление социальная революция девятнадцатого века.

Таким образом только июньским поражением были созданы все необходимые условия для того, чтобы Франция взяла на себя инициативу европейской революции. Только получив крещение кровью июньских инсургентов, трехцветное знамя европейской революции превратилось в красное знамя.

И мы восклицаем: Революция умерла! Да здравствует революция!

II.

С июня 1848 года до 13 июня 1849 года.

(Из II выпуска).

25 февраля 1848 г. октроировало Франции республику, 25 июня навязало ей революцию. А революция после июня знаменовала: низвержение буржуазного общества, тогда как до февраля она означала: изменение государственной формы.

Июньской борьбой руководила республиканская фракция буржуазии; вместе с победой ей досталась, конечно, и государственная власть. Осадное положение положило к ее стопам связанный по рукам и ногам, неспособный к сопротивлению Париж, в провинции господствовало моральное осадное положение: угрожающе грубая кичливость победителей — со стороны буржуазии и разнузданный фанатизм собственности — со стороны крестьян. Итак, снизу — никакой опасности!

Вместе с революционной властью рабочих было разбито и политическое влияние демократических республиканцев, т.е. республиканцев в мелкобуржуазном значении, представленных в исполнительной комиссии Ледрю-Ролленом, в учредительном национальном собрании — партией Горы, в прессе — газетой «Réforme». 16 апреля они составили заговор с буржуазными республиканцами против пролетариата, вместе с ними воевали против него в июньские дни. Таким образом они сами взорвали ту опору, на которой их партия возвышалась как сила, потому что мелкая буржуазия лишь до тех пор может удерживать свою революционную позицию против буржуазии, пока за нею стоит пролетариат. Им дали отставку. Иллюзорный союз, нехотя и с затаенными целями заключенный с ними в эпоху временного правительства и исполнительной комиссии, теперь

был открыто порван буржуазными республиканцами. Осмеянные и отвергнутые, как союзники, демократические республиканцы опустились до положения подчиненных телохранителей трехцветных республиканцев, от которых они не были в состоянии добиться ни малейшей уступки, но господство которых они были вынуждены поддерживать каждый раз, когда ему, а с ним и республике, казалось, угрожали антиреспубликанские фракции буржуазии. Наконец, эти фракции, орлеанисты и легитимисты, с самого начала оказались в меньшинстве в учредительном национальном собрании. До июньских дней они отваживались выступать лишь под маской буржуазного республиканства. Июньская победа всю буржуазную Францию заставила на одно мгновение приветствовать в Кавеньяке своего спасителя, а когда вскоре после июньских дней антиреспубликанская партия снова стала самостоятельной, военная диктатура и осадное положение в Париже позволяли ей лишь с величайшей осторожностью и осмотрительностью расправлять свои щупальца.

С 1830 года буржуазно-республиканская фракция в лице своих писателей, своих ораторов, своей интеллигенции, своих честолобцев, своих депутатов, генералов, банкиров и адвокатов группировалась вокруг одной парижской газеты, — вокруг «National'я»; в провинции у нее были свои филиальные издания. Котерия «National'я» — это была династия трехцветной республики. Немедленно овладела она всеми государственными должностями: министерствами, полицейской префектурой, почтовым управлением, местами префектов, освободившимися местами высших офицеров в армии. Во главе исполнительной власти стоял генерал котерии Кавеньяк, ее главный редактор Марра сделался постоянным президентом учредительного национального собрания. В своих салонах он, как церемониймейстер, являлся также представителем гонора честной республики.

Даже революционные французские писатели, из своего рода робости перед республиканской традицией, поддерживали иллюзию, будто в учредительном национальном собрании господствовали роялисты. Между тем учредительное собрание с июньских дней оставалось исключительным представителем буржуазного республиканиз-

ма и тем решительнее выдвигало эту сторону, чем меньше становилось влияние трехцветных республиканцев вне собрания. Когда приходилось отстаивать форму буржуазной республики, оно располагало голосами демократических республиканцев, когда же дело шло о содержании, то оно даже способом выражения не отличалось от роялистских буржуазных фракций, потому что содержание буржуазной республики составляют как раз интересы буржуазии, материальные условия ее классового господства и классовой эксплуатации.

Не роялизм, следовательно, а буржуазный республиканизм воплощался в жизни и в делах этого учредительного собрания, которое в конце концов не умерло, не было убито, а просто сгнило.

Во все продолжение его господства, все то время, пока оно разыгрывало на авансцене важные государственные деяния, в глубине сцены беспрерывно совершались жертвоприношения, — постоянные осуждения военным судом июньских инсургентов или ссылка их без суда. Учредительное собрание имело достаточно такта, чтобы признать, что в лице июньских инсургентов оно не судило преступников, а уничтожало врагов.

Первым делом учредительного национального собрания было назначение следственной комиссии относительно событий июня и 15 мая, а также относительно участия в них вождей социалистических и демократических партий. Следствие было непосредственно направлено против Луи Блана, Ледрю-Роллена и Коссидьера. Буржуазные республиканцы горели нетерпением освободиться от этих соперников. Выполнение своей мести они не могли поручить более подходящему субъекту, чем Одилону Барро, бывшему вождю династической оппозиции, ставшему воплощением либерализма, этой *nullité grave*, полнейшему ничтожеству, которое стремилось не только отомстить за династию, но и посчитаться с революционерами за крушение своих надежд занять пост министра - президента ¹⁾. Надежная

¹⁾ [Луи-Филипп назначил Барро министром-президентом 24 февраля 1848 г., в разгар революции, рассчитывая спасти таким образом трон по крайней мере для своей династии. Но революция изгнала династию, и Барро лишь числился министром-президентом в течение немногих часов].

гарантия его неумолимости. И вот этот-то Барро был назначен председателем следственной комиссии и сочинил целое дело против февральской революции, которая для него резюмируется в следующем: 17 марта—манифестация, 16 апреля—заговор, 15 мая—покушение, 23 июня—гражданская война! Почему же он не распространил своих ученых и криминальных изысканий вплоть до 24 февраля? «Journal des Débats» ответил на этот вопрос: 24 февраля, это—основание Рима. Начало государств теряется в мифе, в который можно верить, но не подобает подвергать обсуждению. Луи Блан и Коссидьер были преданы суду. Национальное собрание завершило дело своею собственной чистки, начатой им 15 мая.

Проект обложения капитала в форме налога на ипотеки, оставленный временным правительством и теперь снова внесенный Гудшо, был отвергнут учредительным собранием; закон, ограничивающий рабочее время 10-ю часами, был отменен, снова восстановлена долговая тюрьма; большей части французского населения, не умевшей ни читать, ни писать, был прегражден доступ в присяжные заседатели. Почему и не к выборам? Был снова введен залог при издании газет и ограничено право союзов.

Но в своей поспешности обеспечить старые буржуазные отношения их старыми гарантиями и стереть все следы, оставленные революционными волнами, буржуазные республиканцы натолкнулись на сопротивление, которое грозило им неожиданной опасностью.

Никто не сражался с таким фанатизмом в июньские дни за спасение собственности и восстановление кредита, как парижские мелкие буржуа: содержатели кафе и ресторанов, *marchands de vins* (мелкие виноторговцы), мелкие торговцы, разносчики, лавочники, ремесленники и т. д. Мелкая торговля поднялась и пошла против баррикад, чтобы восстановить движение, ведущее с улицы в лавку. Но за баррикадами стояли покупатели и должники, а напротив—кредиторы лавочников. И когда баррикады были разрушены, рабочие раздавлены, и опьяневшие от победы лавочники бросились назад к своим лавкам, они увидели, что вход в них был забаррикадирован спасителем собственности, официальным агентом кредита, который протягивал к ним грозное изве-

щение: Просроченный вексель! Просроченная плата за наем дома! Просроченная долговая расписка! Конфискация лавки! Банкротство лавочника!

Спасение собственности! Но дом, в котором они жили, не был их собственностью; лавка, которую они стерегли, не была их собственностью, товары, которые они продавали, не были их собственностью. Ни их торговля, ни даже тарелка, из которой они ели, или кровать, на которой спали, не принадлежали им. Дело шло о спасении этой собственности для домовладельца, сдавшего дом, для банкира, который учел вексель, для капиталиста, ссудившего деньги, для фабриканта, с целью продажи вверившего товары этим мелким торговцам, для оптового торговца, давшего в кредит сырой материал этим ремесленникам, и эта собственность спасалась как раз против них. Восстановление кредита! Но вновь окрепший кредит как раз оказывался живым и неумолимым божеством, которое изгоняет несостоятельного должника с женой и детьми из его четырех стен, отдает его иллюзорное имущество капиталу, а его самого заключает в долговую тюрьму, которая снова грозно поднялась над трупами инсургентов июня.

С ужасом узнали мелкие буржуа, что, раздавив рабочих, они беззащитными предали себя в руки своих кредиторов. Банкротство, которое с февраля хронически подтачивало их и лишь по видимости, до поры до времени, игнорировалось, теперь, после июня, было открыто провозглашено.

Их номинальную собственность оставляли неприкосновенной, пока надо было выгонять их на арену борьбы во имя собственности. Теперь, когда уладили большое дело с пролетариатом, можно было привести в порядок и мелкое дело с мелким лавочником. В Париже неоплаченных векселей было более чем на 21 миллион франков, в провинции более чем на 11 миллионов. Владельцы более чем 700 парижских фирм с февраля не платили за наем помещений.

Раз национальное собрание в своем расследовании политического долга доходило до пределов февраля, то мелкие буржуа с своей стороны потребовали расследования буржуазных долгов до 24 февраля. Они собрались толпой в биржевом зале и грозно потребовали, чтобы по-

становлением коммерческого суда продлили срок платежа для всех купцов, которые могут доказать, что они обанкротились вследствие застоя, вызванного революцией, и что их дела находились 24 февраля в хорошем положении; они потребовали также, чтобы кредиторов обязали погасить свои требования за уплату умеренного процента. Вопрос этот, отлившись в законопроект о «полюбовных соглашениях», *concordats à l'amiable*, подвергся обсуждению в национальном собрании. Собрание еще колебалось, как вдруг оно узнало, что в это самое время у ворот Сен-Дени тысячи жен и детей инсургентов готовят петицию об амнистии.

Воскресающий июньский призрак заставил содрогнуться мелких буржуа, и собрание снова стало неумолимым. *Concordats à l'amiable*, полюбовное соглашение между кредиторами и должниками, в его главнейших пунктах было отвергнуто.

Таким образом долго спустя после того, как в национальном собрании республиканские представители буржуазии оттолкнули от себя демократических представителей мелких буржуа, этот парламентский разрыв приобрел буржуазное, реальное экономическое значение: мелкие буржуа были выданы господам буржуа, как должники кредиторам. Большая часть мелких буржуа была совершенно разорена, а остальным позволили продолжать свое дело лишь на таких условиях, которые неминуемо превращали их в крепостных капитала. 22 августа 1848 года национальное собрание отвергло договоры соглашения, 19 сентября 1848 года, при действии осадного положения, принц Луи Бонапарт и заключенный в венсенской тюрьме коммунист Распайль были выбраны представителями Парижа. А буржуазия одновременно выбрала еврейского менялу и орлеаниста Фульда. Таким образом со всех сторон разом открыто была объявлена война учредительному национальному собранию, буржуазному республиканизму, Кавеньяку

Излишне было бы говорить о том, что массовое банкротство парижских мелких буржуа отразилось далеко за пределами непосредственно пострадавших слоев и снова пошатнуло буржуазное обращение, в то время как государственный дефицит еще увеличился вследствие издержек июньского восстания, а государственные доходы постоянно

понижались благодаря задержкам в производстве, сокращению потребления и уменьшению ввоза. Кавеньяк и национальное собрание не могли прибегнуть ни к какому иному средству, как только к новому займу, который еще больше поработил их финансовой аристократии.

Если мелкие буржуа пожали плоды июньской победы в виде банкротства и судебной ликвидации их дел, то янычары Кавеньяка, летучие гвардейцы, нашли свою награду в нежных объятиях лореток и, «юные спасители общества», стяжали всевозможные почести в салонах Марра, gentilhomme'a, «маркиза» трехцветных, который вместе с тем был амфитрионом и трубадуром честной республики. Между тем предпочтение, которое общество оказывало летучим гвардейцам, и несравненно большее вознаграждение, которое они получали, озлобили армию, и это озлобление совпало с исчезновением всех национальных иллюзий, которыми буржуазный республиканизм при Людовике-Филиппе умел привлекать к себе при посредстве газеты «National» часть армии и крестьянского класса. Посредническая роль, взятая на себя Кавеньяком и национальным собранием по отношению к северной Италии, чтобы сообщая с Англией предать ее Австрии,—один день такого господства уничтожил восемнадцать оппозиционных годов «National'я». Не было правительства менее национального, чем правительство «National'я», более зависимого от Англии, между тем как во времена Людовика-Филиппа «National» жил ежедневными вариантами одного и того же катоновского: Carthaginem esse delendam ¹⁾; не было правительства более работного по отношению к Священному союзу, а между тем от Гизо «National» требовал уничтожения венского договора. Ирония истории сделала Бастида, экс-редактора иностранного отдела «National'я», министром иностранных дел Франции как будто для того, чтобы каждой своей депешей он опровергал каждую свою статью.

Один момент армия и крестьянский класс верили, что военная диктатура означает для Франции внешнюю войну и «gloire», славу. Но Кавеньяк не был диктатурой сабли над буржуазным обществом; он был диктатурой буржуазии,

---

¹⁾ («Карфаген должен быть разрушен»).

осуществляемую посредством сабли. И буржуазии в солдатах теперь требовались только жандармы. Под строгими чертами антично-республиканского смирения Кавеньяк скрывал безвольную покорность унижительным условиям своей буржуазной должности; *L'argent n'a pas de maître!* У денег нет господина! Он идеализировал этот старинный девиз *tiers-état*, третьего сословия, как его идеализировало и все учредительное собрание, которое вместе с Кавеньяком дало девизу такой перевод на политический язык: у буржуазии нет короля, истинная форма ее господства — республика.

Выработать эту форму, составить республиканскую конституцию, — в этом и заключалось «великое органическое дело» учредительного национального собрания. Переименование христианского календаря в республиканский, зв. Варфоломея в св. Робеспьера внесло бы не более изменений в состояние погоды, чем эта конституция изменила или должна была изменить буржуазное общество. Где дело шло дальше перемены костюма, она просто запротоколировала существующие факты. Так, она торжественно зарегистрировала факт республики, факт всеобщего избирательного права, факт единого суверенного национального собрания вместо двух ограниченных конституционных палат. Гак же она зарегистрировала и урегулировала факт диктатуры Кавеньяка, заменив постоянную неотвечественную наследственную королевскую власть королевской властью переходящей, ответственной, выборной, — четырехгодичной президентской властью. Точно так же она возвысила до значения основного закона факт чрезвычайной власти, которую в видах собственной безопасности национальное собрание после ужасов 15 мая и 25 июня предусмотрительно облекло своего президента. Остальное в конституции было делом терминологии. С колесницы старой монархии сорвали роялистские этикетки и наклеили республиканские. Марра, бывший главный редактор «*National'a*», теперь главный редактор конституции, не без таланта выполнил эту академическую задачу.

Учредительное собрание походило на того чилийского чиновника, который посредством кадастрового межевания полей хотел основательнее урегулировать земельные отношения в то самое время, когда подземный гром уже воз-

вестил о вулканическом извержении, которое должно было взорвать самую почву под его ногами. В то время, как в теории национальное собрание вычерчивало формы для республиканского выражения господства буржуазии, в действительности оно держалось только уничтожением всяческих формул, силой *sans phrase*, голым насилием, осадным положением. За два дня до начала своей конституционной работы оно продлило срок осадного положения. Прежде конституции составлялись и принимались, когда процесс социального переворота достигал точки покоя, когда упрочивались вновь сложившиеся отношения классов, и борющиеся фракции господствующего класса прибегали к компромиссу, который позволял им продолжать борьбу между собою и в то же время устранять от нее утомленную народную массу. Эта же конституция не санкционировала никакой социальной революции: она санкционировала мимолетную победу старого общества над революцией.

В первом проекте конституции, составленном до июньских дней, еще стояло *droit au travail*, право на труд, — первая беспомощная формула, в которой резюмировались революционные требования пролетариата. Оно было превращено в *droit à l'assistance*, в право на общественную поддержку. Да и какое современное государство в той или иной форме не кормит своих пауперов? Право на труд в буржуазном смысле — бессмыслица, жалкое благочестивое пожелание; но за правом на труд стоит власть над капиталом, за властью над капиталом — присвоение средств производства, их подчинение ассоциированному рабочему классу, следовательно, уничтожение наемного труда, капитала и их взаимного отношения. За правом на труд стояло июньское восстание. Учредительное собрание, фактически поставившее революционный пролетариат *hors la loi*, вне закона, должно было принципиально выкинуть его формулу из конституции, из этого закона законов, — предать анафеме его «право на труд». Но оно не остановилось на этом. Как Платон из своей республики выгнал поэтов, так и оно из своей на вечные времена изгнало прогрессивный налог. А прогрессивный налог, это — не только буржуазное мероприятие, в большей или меньшей степени выполнимое при существующих производственных отношениях: он был также един-

ственным средством для того, чтобы привязать средние слои буржуазного общества к «честной» республике, уменьшить государственный долг, сделать шаг антиреспубликанскому большинству буржуазии.

В случае *с concordats à l'amiable*, полюбовными соглашениями, трехцветные республиканцы фактически принесли мелкую буржуазию в жертву крупной. Этот единичный факт они возвели в принцип, проведя в законодательном порядке воспрещение прогрессивного налога. Они поставили буржуазную реформу на одну ступень с пролетарской революцией. Какой же класс оставался опорой их республики? Крупная буржуазия. Но в своей массе она была антиреспубликанской. Используя республиканцев «*National*» на то, чтобы опять упрочить старые экономические жизненные отношения, она задумала теперь использовать упроченные общественные отношения с той целью, чтобы восстановить соответствующие им политические формы. Уже в начале октября Кавеньяк увидал себя вынужденным, как ни сердился на это и ни метали грома безголовые пуритане его собственной партии, сделать министрами республики Дюфора и Вивьена, бывших министров Людовика-Филиппа.

Отвергнув какое бы то ни было соглашение с мелкой буржуазией и не сумев привязать к новой государственной форме ни одного нового элемента общества, трехцветная конституция, напротив, поспешила возвратить традиционную неприкосновенность одной корпорации, в которой старое государство находило свою самую ожесточенную и фанатическую защитницу. Она превратила в конституционный закон несменяемость судей, которую временное правительство поставило под вопрос. Единый король, свергнутый ею, воскрес, стократно умноженный в этих несменяемых инквизиторах законности.

Французская пресса всесторонне разъясняла противоречия конституции господина Марра, например, существование рядом двух суверенов: национального собрания и президента и т. д., и т. д.

Но основное противоречие этой конституции заключается в следующем; посредством всеобщего избирательного права она вводит во владение политической властью пролетариат, крестьян, мелких буржуа,—те классы, социальное рабство

которых она стремится увековечить. А у того класса, старую общественную власть которого она санкционирует, у буржуазии, она отнимает политические гарантии этой власти. Она втискивает его политическое господство в демократические условия, которые каждый момент содействуют победе враждебных буржуазии классов и ставят под вопрос самые основы буржуазного общества. От одних конституция требует, чтобы они от политической эмансипации не переходили к социальной, от других — чтобы от социальной реставрации не возвращались к политической.

Эти противоречия мало беспокоили буржуазных республиканцев. Переставая быть необходимыми, — а необходимы они были только как передовые борцы старого общества против революционного пролетариата, — они уже через несколько недель после своей победы начали опускаться с положения партии до уровня котерии. И к конституции они относились только как к крупной интриге. Она должна была установить прежде всего господство котерии. Президент должен был явиться продолжением Кавеньяка, законодательное собрание — продолжением учредительного. Политическую власть народных масс они надеялись принизить до уровня иллюзорной власти, а при помощи этой иллюзорной власти рассчитывали повести такую игру, чтобы большинство буржуазии всегда имело перед глазами дилемму июньских дней: царство «National'я» или царство анархии.

Выработка конституции, начатая 4 сентября, была закончена 23 октября. 2 сентября учредительное собрание решило не расходиться, пока не будут изданы органические законы, дополняющие конституцию. Тем не менее оно теперь же, уже 10 декабря, задолго до того, как завершился кругооборот его собственной деятельности, решилось воззвать к жизни свое собственное творение, президента. Оно было вполне уверено в том, что гомункул конституции будет достойным сыном своей матери. На всякий случай были приняты меры, чтобы избрание перешло от нации к учредительному собранию, если бы ни один кандидат не получил двух миллионов голосов.

Напрасная предосторожность! Первый день вступления конституции в силу был последним днем господства конституанты (учредительного собрания). На дне избирательной урны лежал ее смертный приговор. Она искала «сына своей матери», а нашла «племянника своего дяди». Саул-Кавеньяк получил миллион голосов, а Давид-Наполеон — шесть миллионов. Шесть раз был побит Саул-Кавеньяк.

10 декабря 1848 года было днем восстания крестьян. Только с этого дня начинается февраль для французских крестьян. Символ, выражавший их вступление в революционное движение, — беспомощно-скрытный, плутовато-наивный, неуклюже-высокий, рассчитанное суеверие, патетическая шутка, гениально-нелепый анахронизм, всемирно-исторический фарс, неразгаданный иероглиф для умов цивилизованных, — символ этот, несомненно, носил физиономию класса, который среди цивилизации является представителем варварства. Республика возвестила о себе этому классу сборщиком податей; он возвестил о себе республике императором. Наполеон был единственным человеком, который исчерпывающе представлял все интересы и все фантазии новосозданного в 1789 г. крестьянского класса. Записывая его имя на главном фасаде республики, крестьянский класс объявил внешнюю войну, а внутри страны заявлял о своих классовых интересах. Наполеон, это было для крестьян не лицо, а программа. Со знаменами, с музыкой и барабанным боем отправились они к месту выборов, восклицая: *plus d'impôts, à bas les riches, à bas la république, vive l'Empereur!* Нет больше налогов, долой богатых, долой республику, да здравствует император! За императором скрывалась крестьянская война. Республика, ими заболло tiroванная, это была республика богатых.

10 декабря — это было *coup d'état* крестьян, переворот, низвергший существующее правление. И с того дня, как они отняли у Франции одно правительство и дали другое, глаза их были неизменно устремлены на Париж. Сделавшись на мгновение активными героями революционной драмы, они не могли уже впредь довольствоваться ролью бездельного и безвольного хора.

Остальные классы содействовали полноте избирательной победы крестьян. Избрание Наполеона, это было для про-

летариата смещение Кавеньяка, падение конституанты, отставка буржуазного республиканизма, кассация июньской победы. Для мелкой буржуазии Наполеон, это было господство должника над кредитором. Для большинства крупной буржуазии избрание Наполеона было открытым разрывом с фракцией, которой ему пришлось на время воспользоваться против революции, но которая сделалась невыносимой для него, как только она попыталась закрепить конституцией свое временное положение. Наполеон вместо Кавеньяка,—это было для него: монархия вместо республики, начало роялистской реставрации, робкий намек на Орлеанов, на лилию, скрытую под фиалками. Наконец, армия, голосуя за Наполеона, голосовала против летучей гвардии, против идиллии мира, за войну.

Так случилось, что, по выражению «Новой Рейнской Газеты», незначительнейший человек Франции выступил, как самый многозначительный символ. Именно потому, что он был ничто, он мог означать все, но только не самого себя. Но как бы ни было различно значение имени Наполеона в устах различных классов, все же каждый из них этим именем писал на своем бюллетене: долой партию «National'я», долой Кавеньяка, долой буржуазную республику. Министр Дюфор публично заявил об этом в учредительном собрании: 10 декабря, это второе 24 февраля.

Мелкая буржуазия и пролетариат голосовали en bloc за Наполеона, чтобы подать голоса против Кавеньяка и, не давая голосам разбиться, отнять у конституанты окончательное решение. Между тем наиболее прогрессивная часть обоих классов выставила своих собственных кандидатов. Наполеон был нарицательным именем для всех партий, соединившихся против буржуазной республики, Ледрю-Роллен и Распайль были собственными именами: первый для демократической мелкой буржуазии, второй — для революционного пролетариата. Голоса за Распайля—пролетарии и их социалисты-водители во всеуслышание заявили об этом — должны были сыграть чисто демонстративную роль: это были голоса протеста против всякого президентства, т.-е. против самой конституции, это были голоса протеста против Ледрю-Роллена; это был первый акт, посредством которого пролетариат, как самостоятельная

политическая партия, обособлялся от демократической партии. Напротив, последняя партия,—демократическая мелкая буржуазия и ее парламентский представитель Гора,—смотрела на кандидатуру Ледрю-Роллена со всей возможной серьезностью, с какой она вообще торжественно одурачивает себя. Впрочем, это было ее последней попыткой противопоставить себя пролетариату в качестве самостоятельной партии. 10 декабря была разбита не только республиканская буржуазная партия, но и демократическая мелкая буржуазия и ее Гора.

Франция обладала теперь не только Горой, но и Наполеоном, — доказательство того, что оба они были безжизненными карикатурами той великой действительности, имена которой они носили. Луи-Наполеон, с своей императорской шляпой и орлом, был такой же жалкой пародией на старого Наполеона, как Гора с ее взятыми у 1793 г. фразами и ее демократическими позами — пародией на старую Гору. Традиционное суеверное отношение к 1793 году было отброшено таким образом одновременно с традиционным суеверным отношением к Наполеону. Революция находит себя только тогда, когда приобретает свое собственное, оригинальное имя, а это может произойти лишь с той поры, как современный революционный класс, промышленный пролетариат, властно выдвигается в ней на первый план. Можно сказать, что 10 декабря уже по одному тому смутило Гору и заставило ее усомниться в своем собственном смысле, что дерзкой мужицкой шуткой оно положило конец классической аналогии со старой революцией.

20 декабря Кавеньяк сложил свои полномочия, и учредительное собрание провозгласило Луи-Наполеона президентом республики. 19 декабря, в последний день своего самодержавия, оно отвергло предложение даровать амнистию инсургентам июня. Отменить декрет 27 июня, которым оно, обойдясь без судебного приговора, приговорило 15.000 инсургентов к ссылке, — да ведь это значило бы отречься от июньской бойни.

Одилон Барро, последний министр Луи-Филиппа, сделался первым министром Луи-Наполеона. Подобно тому, как Луи-Наполеон считал начало своего господства не с 10 декабря, а с сенатус-консульта 1806 года, так и министра-президента

нашел он такого, который считал начало своего министерства не с 20 декабря, а с королевского декрета от 24 февраля. В качестве законного наследника Луи-Филиппа Луи-Наполеон смягчил смену правления, сохранив старое министерство, которое, кстати, не успело еще износиться по той простой причине, что у него не было времени вступить в жизнь.

Вожди роялистских фракций буржуазии склонили его к этому выбору. Глава старой династической оппозиции, бессознательно представлявший переход к республиканцам «National'я», был еще более пригоден к тому, чтобы с полной сознательностью представить переход от буржуазной республики к монархии.

Одилон Барро был главой единственной старой оппозиционной партии, которая, постоянно ведя безуспешную борьбу за министерский портфель, еще не закрыла перед собою пути. Революция в быстрой последовательности скидывала на вершину государственной власти одну за другой все старые оппозиционные партии как бы для того, чтобы они не только делом, но и фразой отказались, отреклись от своих старых фраз и, смешавшись, наконец, в отвратительный клубок, в полном составе оказались выброшенными народом на живодерню истории. И Барро, это воплощение буржуазного либерализма, в течение 18 лет скрывавшего под важной внешностью своего тела жалкую пустоту своего духа, не избежал ни одной ступени отступничества. Если в редкие минуты слишком режущий контраст между репейниками настоящего и лаврами прошлого пугал его самого, одного взгляда в зеркало было ему достаточно, чтобы вернуть себе министерское самообладание и человеческое самолюбование. Из зеркала глядел на него Гизо, которому он всегда завидовал и который всегда повелевал им,—глядел сам Гизо, но Гизо с олимпийским челом Одилона. Чего не замечал Одилон, так это ослиных ушей.

Барро 24 февраля объявился только в Барро 20 декабря. К нему, орлеанисту и вольтерянцу, присоединился в качестве министра народного просвещения—легитимист и иезуит Фаллу.

Несколько дней спустя министерство внутренних дел было вручено мальтузианцу Леону Фоше. Право, религия,

политическая экономия! Министерство Барро совместило все это да еще объединило легитимистов и орлеанистов. Не хватало только бонапартиста. Бонапарт еще скрывал свое вожелание быть Наполеоном, потому что Зулук еще не начинал разыгрывать императора-предшественника ¹⁾.

Партия «National'я» была устранена от всех высших должностей, в которых она свила гнездо. Полицейская префектура, почтовое управление, генеральная прокуратура, парижская мэрия, — все было занято старыми креатурами монархии. Шангарнье, легитимист, объединил в своих руках главнокомандование национальной гвардией департамента Сены, летучей гвардией и линейными войсками первой военной дивизии. Бюжо, орлеанист, был назначен главнокомандующим альпийской армии. Эта смена должностных лиц непрерывно продолжалась все время правления Барро. Первым актом его министерства была реставрация старой роялистской администрации. Мигом преобразовалась официальная сцена: кулисы, костюмы, язык, актеры, фигуранты, статисты, суфлеры, расположение партий, мотивы драмы, содержание коллизии, общее положение. Только допотопное учредительное собрание все еще оставалось на своем месте. Но с того часа, как национальное собрание водворило Бонапарта, Бонапарт—Барро, Барро—Шангарнье, Франция из периода республиканского учредительства вступила в период учрежденной республики. А что же оставалось делать учредительному собранию в учрежденной республике? После сотворения земли ее творцу не оставалось ничего иного, как скрыться на небе. Учредительное собрание решило не следовать этому примеру: оно было последним убежищем для партии буржуазных республиканцев. Если оно и лишилось всякой возможности направлять исполнительную власть, то разве у него не оставалось учредительного всемогущества? Его первой мыслью было, во что бы то ни стало, удержать за собой занимаемое им суверенное положение и, опираясь на него, снова завоевать утерянную почву. Как только министерство Барро будет вытеснено министерством «National'я», роялистский персонал должен

---

¹⁾ [В 1847 году президентом республики Ганти был выбран негр Зулук, который в 1850 году провозгласил себя императором]

будет немедленно очистить дворцы администрации, и трехцветный персонал с триумфом возвратится назад. Национальное собрание решило свергнуть министерство, и министерство само дало такой повод для нападения, что лучшего не могла бы выдумать и сама конституанта.

Напомним, что Луи-Бонапарт означал для крестьян: нет больше налогов! Шесть дней сидел он на президентском кресле, а на седьмой день, 27 декабря, его министерство предложило сохранить налог на соль, отмена которого была декретирована временным правительством. Налог на соль разделяет с налогом на вино ту привилегию, что он является козлом отпущения старой французской финансовой системы, особенно в глазах сельского населения. Министерство Барро не могло вложить в уста избранника крестьян более ядовитой насмешки над своими избирателями, чем слова: восстановление налога на соль! С налогом на соль Бонапарт потерял свою революционную соль. Наполеон крестьянского восстания расплылся подобно миражу, и на его месте не осталось ничего, кроме великого незнакомца роялистской буржуазной интриги. И не без умысла министерство Барро первым же актом управления президента сделало этот акт бестактно-грубого разочарования избирателей

Конституанта с своей стороны жадно ухватила за эту двойную возможность низвергнуть министерство и выступить против избранника крестьян защитницей интересов крестьян. Она отвергла проект министра финансов, уменьшила налог на соль до трети прежнего размера, увеличила таким образом на 60 миллионов государственный дефицит в 560 миллионов и после этого вотума недоверия стала спокойно ожидать отставки министерства. Вот как мало понимала она новый мир, который окружал ее, и свое собственное изменившееся положение! За министерством стоял президент, за президентом — 6 миллионов, что означало ровно столько же опущенных в избирательную урну вотумов недоверия против конституанты. Конституанта возвращала нации ее вотум недоверия. Забавная мена! Она забыла, что ее голоса потеряли принудительный курс. Отвержение налога на соль только укрепило решимость Бонапарта и его министерства «покончить» с учредительным собранием.

Началась та же длительная дуэль, которая наполняет всю последнюю половину жизни учредительного собрания. 29 января, 1 марта, 3 мая суть *jours* — великие дни этого кризиса и в то же время предтечи 13 июня.

Французы, например, Луи Блан, видят в 29 января проявление конституционного противоречия: противоречия между суверенным, не подлежащим распусчению, вышедшим из всеобщего избирательного права национальным собранием и президентом, который формально был ответствен, фактически же не только в равной мере получил санкцию всеобщего избирательного права, к тому же соединил в своем лице все голоса, которые многократно расщепились, распределившись между отдельными членами собрания,—но и находился во всеоружии исполнительной власти, над которой национальное собрание парит только как моральная сила. Такое истолкование 29 января смешивает выражение борьбы на трибуне, в прессе и клубах с ее истинным содержанием. Луи Бонапарт по отношению к учредительному национальному собранию, это была не одна односторонняя конституционная власть по отношению к другой, это была не исполнительная власть по отношению к законодательной: это была сама учрежденная буржуазная республика по отношению к орудиям ее учреждения, по отношению к честолюбивым интригам и идеологическим требованиям революционной буржуазной фракции, которая ее основала, а теперь заметила к своему удивлению, что учрежденная ею республика выглядит совсем как реставрированная монархия, и захотела насильно остановить учредительный период с его условиями, его иллюзиями, его языком и его личностями и помешать созревшей буржуазной республике выступить в ее вполне законченном и оригинальном виде. Как учредительное национальное собрание представляло опять свалившегося в него Кавеньяка, так Бонапарт представлял еще неотделившееся от него законодательное национальное собрание, т.-е. национальное собрание учрежденной буржуазной республики.

Избрание Бонапарта могло получить истолкование лишь после того, как на место одного имени были подставлены его многосмысленные значения, после того, как это избрание повторилось в выборах нового национального собрания.

10 декабря кассировало полномочия старого. Таким образом 29 января выступили друг против друга не президент и национальное собрание одной и той же республики, а национальное собрание учреждающейся республики и президент республики учрежденной,—две силы, воплощающие два совершенно различных периода жизненного процесса республики. Здесь выступили друг против друга на одной стороне—маленькая республиканская фракция буржуазии, которая однако могла объявить республику, уличной борьбой и террором отбить ее у революционного пролетариата и занести в конституцию ее основные идеальные черты; а на другой стороне—вся роялистская масса буржуазии, которая однако только и могла господствовать в этой учрежденной буржуазной республике, очистив конституцию от ее идеологических придатков и осуществив посредством своего законодательства и управления необходимые условия для порабощения пролетариата.

Гроза, разразившаяся 29 января, постепенно собиралась в продолжение всего этого месяца. Конституанта своим вотумом недоверия хотела принудить министерство Барро выйти в отставку. В ответ на это министерство Барро предложило конституанте вотировать себе самой решительное недоверие, приговорить себя к самоубийству, декретировать свое собственное распускание. Рато, один из ничтожнейших депутатов, 6 января по приказанию министерства внес это предложение в конституанту, — в ту самую конституанту, которая уже в августе решила не расходиться до тех пор, пока не издаст целого ряда органических, дополняющих конституцию законов. Сторонник министерства Фульд без обиняков объявил ей, что ее распускание необходимо «для восстановления подорванного кредита». Да и в самом деле, разве она не подрывала кредита, удлинняя временное положение и ставя под вопрос вместе с Барро — Бонапарта, а с Бонапартом — учрежденную республику? Олимпиец Барро превратился в неистового Роланда при одном предположении, что у него вырвут наконец-то достигнутое звание министра-президента, которое республиканцы однажды уже отсрочили ему на децениум, т.е. на десять месяцев, и которым он наслаждается едва лишь пару недель. Барро в своей тирании по отношению

к этому жалкому собранию превзошел всех тиранов. Самым мягким его выражением было: «с ним никакое будущее невозможно». И, действительно, оно представляло собой только прошлое. «Оно неспособно,—присовокупил он иронически,—окружить республику учреждениями, необходимыми для ее упрочения». И в самом деле, его буржуазная энергия была сломлена полным противоречием с пролетариатом, и в то же время республиканская высокопарность вновь возродилась при антагонизме с роялистами. Таким образом оно было вдвойне неспособно укрепить соответствующими учреждениями буржуазную республику, которой оно уже не понимало.

Одновременно с предложением Рато министерство вызвало во всей стране целую бурю петиций; ежедневно из всех углов Франции летели на голову конститутанты кипы *billets doux* [любовных посланий], в которых более или менее категорически просили ее распустить самое себя и сделать духовное завещание. Конститутанта с своей стороны вызвала подачу контр-петиций, в которых к ней обращались с требованием не отказываться от жизни. Избирательная борьба между Бонапартом и Кавеньяком возобновилась в виде петиционной борьбы за и против распускания национального собрания. Петиции должны были послужить дополнительными комментариями к 10 декабря. Эта агитация продолжалась в течение всего января.

В конфликте между конститутантой и президентом она не могла ссылаться на всеобщее избрание как на источник своего существования, потому что к всеобщему избирательному праву апеллировали против нее. Она не могла опереться ни на какую регулярную власть, потому что борьба шла против легальной власти. Она не могла свергнуть министерство вотумом недоверия, как она еще раз попыталась это сделать 6 и 26 января: министерство в ее доверии не нуждалось. В ее руках оставалась только одна возможность,—возможность восстания. Боевые силы, на которые могло опереться восстание, были республиканская часть национальной гвардии, летучая гвардия и клубы, центры революционного пролетариата. Летучие гвардейцы, эти герои июньских дней, в декабре точно так же составляли организованную боевую силу республикан-

ских буржуазных фракций, как национальные мастерские составляли до июня организованную боевую силу революционного пролетариата. И как исполнительная комиссия конститутанты направила свое грубое нападение на национальные мастерские, когда она решила покончить с невыносимыми для нее притязаниями пролетариата, так и министерство Бонапарта напало на летучую гвардию, когда оно решило покончить с невыносимыми для него притязаниями республиканских буржуазных фракций. Оно постановило: распускание летучей гвардии. Половина ее была уволена и выброшена на улицу, другая получила монархическую организацию вместо демократической, и жалование ее было понижено до обычного жалования регулярных войск. Летучая гвардия очутилась в положении июньских инсургентов, и газеты ежедневно стали приносить публичные покаяния, в которых они признавали свою июньскую вину и умоляли пролетариат о прощении.

А клубы? С той минуты, как учредительное собрание поставило в лице Барро под вопрос президента, а в лице президента — учрежденную буржуазную республику, а в учрежденной буржуазной республике — буржуазную республику вообще, вокруг национального собрания по необходимости сгруппировались все элементы, учреждавшие февральскую республику, все партии, которые хотели свергнуть существующую республику и посредством насильственного обратного процесса преобразовать ее в республику своих классов, интересов и принципов. Совершившееся как бы не совершалось. Кристаллизация революционного движения снова обратилась в текучее состояние; республика, за которую велась борьба, снова была неопределившейся республикой февральских дней, окончательное определение которой оставляла за собой всякая партия. Партии заняли на один момент свои прежние февральские позиции, не разделяя однако февральских иллюзий. Трехцветные республиканцы «National'я» снова оперлись на демократических республиканцев «Réforme'ы» и выдвинули их как передовых борцов на авансцену парламентской борьбы. Демократические республиканцы снова оперлись на социалистических республиканцев — 27 января манифест публично возвестил об их

примирении и соединении—и готовили в клубах инсurreкционную опору для себя. Министерская пресса справедливо видела в трехцветных республиканцах «National'я» воскресших инсургентов июня. Чтобы утвердиться во главе буржуазной республики, они поставили под вопрос самое буржуазную республику. 26 января министр Фоше внес закон о праве ассоциаций, первый параграф которого гласил: «клубы воспрещены». Он внес предложение, чтобы этот законопроект, как неотложный, был немедленно поставлен на обсуждение. Конституанта отвергла предложение о неотложности. И 27 января Ледрю-Роллен внес за 230 подписями предложение о возбуждении преследования против министерства за нарушение конституции. Возбуждение преследования против министерства в тот момент, когда подобный акт был только бестактным обнаружением бессилия судьи, то-есть большинства палаты, или же бессильным протестом обвинителей против этого самого большинства,—вот он крупный революционный козырь, которым с этих пор пользовалась Гора-эпигон во всех случаях, когда кризис достигал своей высшей точки. Бедная Гора, раздавленная тяжестью своего собственного имени!

15 мая Бланки, Барбес, Распайль и т. д. сделали попытку разогнать учредительное собрание, проникнув во главе парижского пролетариата в зал его заседаний. Барро уготовал тому же собранию моральное 15 мая, предложив ему самораспуск и задумав закрыть зал его заседаний. Это самое собрание поручило Барро расследование относительно обвиняемых за майские события, а теперь, в тот самый момент, когда он выступил против собрания как роялистский Бланки, и когда учредительное собрание искало для себя союзников против него в клубах, у революционных пролетариев, в партии Бланки,—в этот момент неумолимый Барро пытал его в им предложением изъять дело арестованных в мае из ведения суда присяжных и передать его изобретенному партией «National'я» верховному суду, haute cour. Замечательно, как, подстрекаемый боязнью за министерский портфель, Барро приобрел способность создать нечто достойное Бомарше. После долгих колебаний национальное собрание приняло его предложение. По отношению к майским преступникам оно опять пришло в свою настоящую норму.

Если обстоятельства толкали конституанту к восстанию против президента и министров, то президента и министров они тоже толкали к государственному перевороту против конституанты, потому что у них не было законного способа распустить ее. Но конституанта была матерью конституции, а конституция—матерью президента. Государственным переворотом президент разрывал конституцию и уничтожал свой республиканско-юридический титул. Он вынуждался выдвинуть империалистский юридический титул, но он будил юридический титул Орлеанов, а оба бледнели перед легитимистским юридическим титулом. Падение легальной республики могло выдвинуть только ее крайний противоположный полюс, легитимистскую монархию, так как в это время орлеанистская партия была лишь партией февральских побежденных, а Бонапарт был всего лишь победителем 10 декабря, и обе партии могли противопоставить республиканской узурпации лишь свои, возникшие тоже путем узурпации, монархистские притязания. Легитимисты признавали благоприятность момента, они конспирировали открыто. В генерале Шангарнье они могли надеяться найти своего Монка¹⁾. Пришествие белой монархии и так же открыто возвещалось в их клубах, как в пролетарских—приближение красной республики.

Посредством удачно подавленного мятежа министерство могло бы выйти из всех затруднений. «Законность нас убивает», во всеуслышанье объявил Одилон Барро. Мятеж позволил бы под предлогом *salut public* [спасения общества] распустить конституанту, нарушить конституцию в интересах самой конституции. Грубость выступлений Одилона Барро в национальном собрании, предложение распустить клубы, шумное смещение 50 трехцветных префектов и замена их роялистами, распускание летучей гвардии, третирование ее начальников генералом Шангарнье, возвращение Лерминье, профессора, сделавшегося уже невозможным при Гизо, терпимое отношение к легитимистскому бахвальству,— все это было прямым вызовом на мятеж. Но мятеж без-

---

¹⁾ [Генерал Монк содействовал реставрации Стюартов в Англии XVIII века].

молвствовал. Он ждал сигнала от конституанты, а не от министерства.

Наконец, наступило 29 января,—день, в который конституанта должна была решительно высказаться о предложении Матье (из Дромы) безусловно отвергнуть предложение Рато. Легитимисты, орлеанисты, бонапартисты, летучая гвардия, Гора, клубы — все было в заговоре в этот день и притом одинаково как против мнимого врага, так и против мнимых союзников. Бонапарт верхом делал смотр части войск на площади Согласия; Шангарнье актерствовал, изображая стратегические маневры; конституанта нашла здание своих заседаний занятым войсками. Оно, это собрание,—центр всех перекрещивающихся надежд, опасений, ожиданий, брожений, напряжений, заговоров,—это львино-мужественное собрание ни минуты не колебалось, приблизясь к мировому духу больше, чем когда бы то ни было. Оно уподобилось тому борцу, который не только боялся пустить в ход собственное оружие, но и чувствовал себя обязанным сохранить в неприкосновенности оружие своего противника. Презирая смерть, оно подписало собственный смертный приговор и отвергло безусловное отвержение предложения Рато. Находясь само в осадном положении, оно поставило границы учредительной деятельности, необходимой рамкой которой было осадное положение Парижа. Оно достойно отомстило за себя, назначив на следующий день расследование по поводу ужаса, наведенного на него министерством 29 января. Гора доказала отсутствие революционной энергии и политического смысла, допустив, чтобы партия «National'я» употребила ее в качестве рупора в этой комедии со сложной интригой. Партия «National'я» сделала последнюю попытку утвердить в уже учрежденной республике ту монополию господства, которой она пользовалась в период возникновения буржуазной республики. Она потерпела фиаско.

Если январский кризис поставил вопрос о существовании конституанты, то кризис 21 марта поставил вопрос о существовании конституции; там дело шло о персонале партии «National'я», здесь—об ее идеале. Нечего и говорить, что честные республиканцы дешевле продавали свои высокие идеологические чувства, чем мирское наслаждение правительственной властью

21 марта в порядке дня национального собрания стоял законопроект Фоше против права союзов: подавление клубов. 8-я статья конституции гарантирует всем французам право объединяться в союзы. Следовательно, воспрещение клубов было недвусмысленным нарушением конституции, и конституанта должна была сама санкционировать обеспечение своих святынь. Но клубы, это ведь — сборные пункты, заговорщические очаги революционного пролетариата. Само национальное собрание запретило коалиции рабочих против их буржуа. А клубы, — что же представляли они, как не коалицию всего рабочего класса против всего буржуазного класса, как не образование государства рабочих против государства буржуа? Разве это не были учредительные собрания пролетариата, не были готовые к бою отряды армии бунта? Что конституция должна была конституировать прежде всего, так это господство буржуазии. Поэтому под правом ассоциаций конституция, очевидно, могла подразумевать лишь ассоциации, находящиеся в согласии с господством буржуазии, т.-е. с буржуазным строем. Если же из теоретического приличия конституция выражалась в общей форме, то разве нет правительства и национального собрания, чтобы истолковывать и применять ее во всяком отдельном случае? И если в первобытную эпоху республики клубы были фактически воспрещены осадным положением, то в упорядоченной, учрежденной республике не следовало ли воспретить их законом? Трехцветные республиканцы ничего не могли противопоставить такому прозаическому толкованию конституции, кроме трескучей конституционной фразы. Часть их — Паньер, Дюклерк и др. — голосовала за министерство и таким образом обеспечила ему большинство. Другая часть, во главе с архангелом Кавеньяком и отцом церкви Марра, после того как прошла статья о запрещении клубов, удалилась вместе с Ледрю Ролленом и Горой в особый зал бюро и стала «держатъ совет». Национальное собрание было этим ослаблено: оно уже не насчитывало числа голосов, необходимого для принятия постановлений. Господин Кремье как раз во время напомнил в зале бюро, что путь отсюда ведет прямо на улицу и что теперь уже не февраль 1848, а март 1849 года. Внезапно прозрев, партия «National» возвратилась в зал заседаний национального собрания, за

нею—снова одураченная Гора, которая, беспрестанно томясь революционными вождениями, тем не менее беспрестанно гналась за конституционными компромиссами и все еще чувствовала себя более на своем месте за буржуазными республиканцами, чем впереди революционного пролетариата. Так разыгралась комедия, и сама конституанта постановила, что нарушение буквы конституции является единственно подобающим осуществлению ее буквального смысла.

Оставалось урегулировать еще один пункт: отношение учрежденной республики к европейской революции, ее внешнюю политику. 8 мая 1849 г. необычное волнение царило в учредительном собрании, срок жизни которого истекал через несколько дней. Нападение французской армии на Рим, отражение ее римлянами, ее политическое бесчестие и ее военный позор, злодейское убийство римской республики французской республикой, первый итальянский поход второго Бонапарта,—вот какие вопросы стояли на очереди. Гора опять пошла с своего главного козыря. Ледрю-Роллен положил на стол председателя неизбежный обвинительный акт против министерства, на этот раз и против Бонапарта, за нарушение конституции.

Мотив 8 мая повторился впоследствии, как мотив 13 июня. Посмотрим, что представляла римская экспедиция.

Кавеньяк уже в половине ноября 1848 года послал военный флот в Чивита-Веккию, чтобы защитить папу, взять его на корабль и перевезти во Францию. Папа должен был благословить честную республику и обеспечить избрание Кавеньяка президентом. На папу Кавеньяк хотел поймать попов, на попов—крестьян, а на крестьян—президентство. Избирательная реклама по своей ближайшей цели, экспедиция Кавеньяка была в то же время протестом и угрозой против римской революции. В зародыше она содержала в себе вмешательство Франции в пользу папы.

Вмешательство совместно с Австрией и Неаполем в пользу папы и против римской республики было решено на первом заседании бонапартовского совета министров 23 декабря. Фаллу в министерстве, это значило: папа в Риме и притом в Риме—папы. Бонапарту уже не требовалось папы, чтобы сделаться президентом крестьян, но ему требовалось консервировать папу, чтобы консервировать крестьян пре-

зидента. Их легковерие сделало его президентом. С верой они теряли легковерие, а с папой—веру. А потом объединенные орлеанисты и легитимисты, которые царствовали от имени Бонапарта! Прежде, чем реставрировать короля, необходимо было реставрировать власть, которая освящает королей. Но и помимо их роялизма: без старого Рима, подчиненного светскому господству папы, нет папы, без папы нет католицизма, без католицизма нет французской религии, а без религии, что—станется с старым французским обществом? Ипотека на небесные блага, которой владеет крестьянин, гарантирует ипотеку на крестьянские имущества, которой владеет буржуа. Таким образом римская революция была столь же страшным покушением на собственность, на буржуазный строй, как июньская революция. Восстановленное господство буржуазии во Франции требовало реставрации папского господства в Риме. Наконец, в римских революционерах побивали союзников французских революционеров. Союз контр-революционных классов в учрежденной французской республике находил свое необходимое дополнение в союзе французской республики с Священным союзом, с Неаполем и Австрией. Решение совета министров, принятое 23 декабря, не было тайной для конституанты. Уже 8 января Ледрю-Роллен интерпеллировал по этому поводу министерство, но министерство отреклось от союза, и национальное собрание перешло к очередным делам. Поверило ли оно словам министерства? Мы знаем, что оно в продолжение всего января месяца только и делало, что вотировало недоверие к министерству. Но если в роль министерства входило лгать, то в роль национального собрания—притворяться, что оно верит в эту ложь, и таким образом спасти республиканскую благопристойность.

Между тем Пьемонт был разбит, Карл-Альберт отрекся от престола, австрийская армия стояла перед воротами Франции. Ледрю-Роллен сделал бурный запрос. Министерство доказало, что в северной Италии оно только продолжало политику Кавеньяка, а Кавеньяк только продолжал политику временного правительства, т.-е. Ледрю-Роллена. На этот раз министерство даже стяжало вотум доверия национального собрания и получило от него полномочие временно занять надлежащий пункт в Верхней Италии, чтобы дать таким

образом опору мирным переговорам с Австрией о нераздельности Сардинской области и о римском вопросе. Судьбы Италии, как известно, решаются на полях сражения в северной Италии. Поэтому с Ломбардией и Пьемонтом падал и Рим, или же Франция должна была объявить войну Австрии, а следовательно, и всей европейской контр-революции. Уж не приняло ли вдруг национальное собрание министерство Барро за старый комитет общественного спасения? или себя за Конвент? Так зачем же понадобилось занять военными силами пункт в Верхней Италии? Под таким-то прозрачным покровом скрывалась экспедиция против Рима

14 апреля отплыло 14.000 человек под начальством Удино в Чивита-Веккию, 16 апреля национальное собрание открыло министерству кредит в 1.200.000 франков на трехмесячное содержание флота в Средиземном море, предназначенного для вмешательства. Таким образом оно дало министерству все средства для того, чтобы вмешаться против Рима, изображая в то же время, как будто побуждало его вмешаться против Австрии. Оно не видало того, что делало министерство; оно слышало только то, что оно говорило. Такой веры не найти бы и во Израиле; конституанта попала в положение, когда она не должна была знать, что станет делать конституированная республика.

Наконец, 8 мая было разыграно последнее действие комедии. Конституанта потребовала от министерства принятия скорейших мер для того, чтобы вернуть итальянскую экспедицию к поставленной перед ней цели. В тот же вечер Бонапарт поместил в «Moniteur'e» письмо, в котором изъясил Удино величайшую признательность. 11 мая национальное собрание отвергло обвинительный акт против того же Бонапарта и его министерства. А Гора вместо того, чтобы разорвать эту ткань обмана, трагически относится к парламентской комедии и даже разыгрывает в ней роль Фукье Тенвиля ¹⁾. Разве она не выдала таким образом своей природной мелко-буржуазной телячьей кожи, спрятанной под взятой на прокат львиной шкурой Конвента?

---

¹⁾ [Прокурор эпохи Конвента, выделившийся болезненно-суровыми преследованиями всех заподозренных в антиреспубликанском образе мыслей].

Последняя половина жизни конституанты сводится к следующему: 29 января она признается в том, что роялистские фракции буржуазии являются естественными главами учрежденной ею республики; 21 марта — в том, что нарушение конституции есть ее осуществление, и 11 мая она признается в том, что высокопарно возведенный пассивный союз французской республики с борющимися народами означает ее активный союз с европейской контр-революцией.

Это жалкое собрание сошло со сцены после того, как за два дня до 4 мая, годовщины своего рождения, оно доставило себе удовольствие тем, что отвергло предложение амнистировать инсургентов июня. С разбитой властью, смертельно ненавидимое народом, загнанное, забитое, презрительно отброшенное буржуазией, орудием которой было это собрание, вынужденное отречься во второй половине своей жизни от первой, лишенное своих республиканских иллюзий, без великих дел в прошлом, без надежд в будущем, с живым телом, отмирающим по частям,—оно еще сохранило только способность гальванизировать свой собственный труп, постоянно вспоминая об июньской победе и снова переживая ее, и подтверждало, что оно еще существует, повторными осуждениями тех, кто уже был осужден. Вампир, который жил кровью июньских инсургентов!

Оно оставило после себя государственный дефицит, увеличенный издержками июньского восстания, недобором налога на соль, вознаграждением плантаторов за отмену рабства негров, издержками римской экспедиции, уничтожением налога на вино, отмену которого оно решило уже при последнем издыхании: как злорадный старик, счастливый тем, что он навязывает своим сияющим наследникам компрометирующий долг чести.

В начале марта началась агитация перед высшим законодательное национальное собрание. Две главные группы выступили друг против друга: партия порядка и демократически-социалистическая или красная партия; между обоими стояли друзья конституции, под каковым названием трехцветные республиканцы «National'я» старались представить особую партию. Партия порядка образовалась непосредственно

после июньских дней; но тайна ее существования, объединение орлеанистов и легитимистов в одну партию, обнаружилась только после того, как 10 декабря позволило ей оттолкнуть от себя буржуазных республиканцев, котерию «National'я». Класс буржуазии распался на две большие фракции, которые попеременно захватывали монополию господства: крупное землевладение — при реставрированной монархии и финансовая аристократия и промышленная буржуазия — при июльской монархии. Бурбон, — таково было королевское имя для преобладающего влияния интересов одной фракции; Орлеан, — таково королевское имя преобладающему влиянию интересов другой фракции; безымянное царство республики было единственным царством, в котором обе фракции, равномерно господствуя, могли утверждать общие им классовые интересы, не отказываясь от взаимного соперничества. Если буржуазная республика не могла быть чем-либо иным, как только более полным и выраженным в своем чистом виде господством всего буржуазного класса, то могла ли она представлять нечто иное, чем господство орлеанистов, дополненных легитимистами, и господство легитимистов, дополненных орлеанистами, т. е. чем синтез реставрации и июльской монархии? Буржуазные республиканцы «National'я» не представляли собой какой-нибудь крупной фракции своего класса, опирающейся на экономический базис. Их значение и исторический смысл заключались лишь в том, что, в противоположность обоим буржуазным фракциям, которые понимали каждая только свой особый режим, буржуазные республиканцы в эпоху монархии выдвинули общий режим буржуазного класса, безымянное царство республики, которое они идеализировали и украпали античными и арабесками, но в котором приветствовали прежде всего господство своей котерии. Если партия «National'я» заблудилась в своем собственном разуме, когда увидела на вершине основанной ею республики объединенных роялистов, то и роялисты не менее заблуждались относительно факта своего совместного господства. Они не понимали, что, если каждая из их фракций в отдельности была роялистской, то продукт их химического соединения необходимо должен

быть республиканским, что белая и синяя монархия неизбежно должны нейтрализоваться в трехцветной республике. Так как антагонизм этих фракций с революционным пролетариатом и переходными классами, все более и более объединявшимся вокруг него, как вокруг своего центра, заставлял их объединять свои силы и консервировать организацию этих объединенных сил, то каждая фракция партии порядка должна была против реставраторских и исключительных стремлений другой фракции выдвигать совместное господство, т.-е. республиканскую форму господства буржуазии. И вот мы видим, что роялисты, сначала верившие в возможность непосредственной реставрации, впоследствии консервируют республиканскую форму с пеной ярости, с убийственными нападками на нее на устах, а в заключение признают, что они могли бы поладить друг с другом только в республике, и потому откладывают реставрацию на неопределенное время. Само пользование совместным господством укрепляло каждую из обеих фракций и все более отнимало у нее способность и охоту подчиниться другой, т.-е. реставрировать монархию.

Партия порядка непосредственно в своей избирательной программе провозгласила господство буржуазного класса, т.-е. сохранение жизненных условий его господства: собственности, семьи, религии, порядка. Свое классовое господство и условия своего классового господства она, разумеется, изображала, как господство цивилизации и как необходимые условия материального производства с вытекающими из него общественными отношениями обмена и т. д. Партия порядка располагала громадными денежными средствами; она устроила свои филиальные отделения по всей Франции; на ее содержании были все идеологи старого общества; в ее распоряжении было влияние существующей правительственной власти; она распоряжалась войском бескорыстных вассалов, — всей массой мелких буржуа и крестьян, которые, все еще стоя вдали от революционного движения, в великих сановниках собственности видели естественных защитников своей мелкой собственности и своих мелких предрассудков. Представленная по всей стране бесчисленным количеством маленьких королей, партия порядка могла наказать как бунтовщиков всех, кто отверг бы ее кандидатов:

расчесть мятежных рабочих, сопротивляющихся батраков, слуг, приказчиков, железнодорожных служащих, писцов, всех должностных лиц, подчиненных ей в своем гражданском бытии. Наконец, в некоторых местах она могла поддерживать заблуждение, будто бы республиканская конституанта помешала Бонапарту 10 декабря обнаружить свои чудотвержные силы. Говоря о партии порядка, мы не упоминали о бонапартистах. Они представляли не какую-либо серьезную фракцию буржуазного класса, а собрание старых, суеверных инвалидов и молодых, неверующих авантюристов. Партия порядка победила на выборах и послала в законодательное собрание подавляющее большинство.

Лицом к лицу с объединившимся контр-революционным буржуазным классом, уже революционизированные части мелкой буржуазии и крестьянского класса естественно должны были соединиться с верховным носителем революционных интересов, — с революционным пролетариатом. Мы уже видели, как парламентские поражения толкали парламентских демократических представителей мелкой буржуазии, т.-е. Гору, к социалистическим представителям пролетариата и как *concordats à l'amiable*, грубое господство буржуазных интересов, банкротство, толкали внепарламентскую действительную мелкую буржуазию к действительным пролетариям. 27 января Гора и социалисты отпраздновали свое примирение; на большом февральском банкете 1849 г. они подтвердили свое соглашение. Социальная и демократическая партии, партия рабочих и мелких буржуа, соединились в социал-демократическую партию, т.-е. в красную партию.

Французская республика, на некоторое время обессиленная агонией, последовавшей за июньскими днями, пережила длинный ряд лихорадочных волнений после отмены осадного положения, последовавшей 14 октября. Сначала борьба за президентство, затем борьба президента с конституантой; борьба из-за клубов; процесс в Бурже, выставивший истинных революционеров пролетариата — по сравнению с маленькими фигурками президента, объединившихся роялистов, честных республиканцев, демократической Горы и социалистических доктринеров пролетариата — в виде первобытных чудовищ, которых только всемирный потоп оставляет на по-

верхности общества или которые предшествуют общественному потоку; избирательная агитация; казнь убийц Бреа ¹⁾; непрерывные процессы против печати; насильственное полицейское вмешательство правительства в банкеты; наглые роялистские провокации; выставление к позорному столбу портретов Луи Блана и Коссидьера; беспрестанная борьба между конституированной республикой и конституантой, — борьба, которая ежеминутно толкала революцию к ее исходному пункту, которая ежеминутно превращала победителя в побежденного, побежденного в победителя и моментально изменяла положение партий и классов, их разделения и связи; быстрый ход европейской контр-революции, славная борьба венгров, восстание в Германии, римская экспедиция, позорное поражение французских войск под Римом, — в этом вихре движения, в этой мучительной атмосфере исторической тревоги, в этой полной драматизма смене приливов и отливов революционных страстей, надежд, разочарований различные классы французского общества должны были считать эпохи своего развития неделями, как раньше они считали их полустолетиями. Значительная часть крестьян и провинций была революционизирована. У них не только раскрылись глаза на Наполеона: красная партия давала им вместо имени содержание, вместо призрачного освобождения от налогов возвращение уплаченных легитимистам миллиардов, урегулирование ипотеки, уничтожение ростовщичества.

Даже армия была заражена революционной лихорадкой. Голосуя за Бонапарта, она голосовала за победу, а он дал ей поражение. Голосуя за него, она голосовала за маленького капрала, в котором скрывается великий революционный полководец, а он снова дал ей больших генералов, за которыми прячется самый заурядный капрал. Не было со-

---

¹ Процесс в Бурже — по обвинению за организацию парижской демонстрации 15 мая 1848 года. Известнейшие обвиняемые: Бланки, Барбес, Альбер, Распайль, Луи Блан, Коссидьер. Некоторые из них эмигрировали еще в 1848 году. Присутствовавшие обвиняемые использовали процесс для пропаганды своих воззрений. Они нисколько не скрывали своего презрения к судьям и буржуазной публике. Бланки, например, в конце процесса заявил в своей речи: „Я объясняю наше поведение, но вовсе не из страха перед этими слушателями, которые — круглый нуль для меня...“ Генерал Бреа был убит инсургентами во время июньского восстания 1848 года.

мнения в том, что красная партия, т.-е. соединенная демократическая партия, могла праздновать если не победу, то все же великое торжество, что Париж, что армия, что значительная часть провинции стали бы теперь голосовать за нее. Ледрю-Роллен, вождь Горы, был избран пятью департаментами; ни один вождь партии порядка не одержал такой победы на выборах,—и ни одно имя собственно пролетарской партии. Это избрание раскрывает нам тайну демократическо-социалистической партии. С одной стороны, Гора, парламентский передовой борец демократической мелкой буржуазии, принуждена была соединиться с социалистическими доктринерами пролетариата; ужасное материальное поражение, понесенное пролетариатом в июне, заставляло его искать возмещения в интеллектуальных победах, а развитие остальных классов еще не позволяло ему захватить в свои руки революционную диктатуру, и потому он должен был броситься в объятия доктринеров своего освобождения, основателей социалистических сект. Но, с другой стороны, за Горой стояли теперь революционные крестьяне, армия, провинция, и Гора сделалась таким образом повелителем в революционном военном лагере и, войдя в соглашение с социалистами, устранила всякий антагонизм внутри революционной партии. В последнюю половину жизни конститутанты Гора представляла собою ее республиканский пафос и покрывала забвением свои грехи, совершенные при временном правительстве, при исполнительной комиссии, в июньские дни. В то время как партия «Notional'я» соответственно своей половинчатой натуре позволила роялистскому министерству подавить себя, партия Горы, устранившая во времена всемогущества «National'я», все более возвышалась и выдвигалась как парламентская представительница революции. В самом деле, что могла бы партия «National'я» противопоставить другим роялистским фракциям, кроме честолюбивых личностей и идеалистического пустословия? Напротив, партия Горы являлась представительницей колеблющейся между буржуазией и пролетариатом массы, материальные интересы которой требовали демократических учреждений. Против Кавеньяка и Марра Ледрю-Роллен и Гора представляли правду революции, и сознание, что они занимают такую важную позицию, придавало им

тем больше отваги, что выражение революционной энергии ограничивалось парламентскими вылазками, составлением обвинительных актов, угрозами, возвышением голоса, громовыми речами и крайностями, которые не шли дальше фразы. Крестьяне находились почти в том же положении, как и мелкие буржуа; им приходилось выставлять почти такие же социальные требования. Поэтому все промежуточные слои общества, поскольку они были захвачены революционным движением, должны были видеть в Ледрю-Роллене своего героя. Ледрю-Роллен был главным персонажем демократической мелкой буржуазии. Против партии порядка неизбежно должны были выдвинуться сначала полуконсервативные, полуреволюционные и совершенно утопические реформаторы этого порядка.

Партия «National'я», «друзья конституции *quand même*» [во что бы то ни стало], республиканцы *purs et simples* [чистые республиканцы] были окончательно разбиты на выборах. Лишь незначительное меньшинство их было послано в законодательную палату; их признанные вожди исчезли со сцены, в том числе даже Марра, главный редактор и Орфей честной республики.

29 мая открылось законодательное собрание. 11 июня возобновилась коллизия 8 мая; Ледрю-Роллен от имени Горы представил против президента и министерства обвинение в нарушении конституции, в бомбардировке Рима. 12 июня законодательное собрание отвергло это обвинение так же, как учредительное собрание отвергло его 11 мая; но на этот раз пролетариат заставил Гору выйти на улицу, однако не для уличной борьбы, а только для уличной процессии. Достаточно сказать, что во главе движения стояла Гора, и мы уже знаем, что движение было побеждено и что июнь 1849 года явился в равной мере и забавной и постыдной карикатурой июня 1848 года. Большое оглушение 13 июня меркнет только в сравнении с еще большим боевым бюллетенем Шангарнье, великого человека, изобретенного партией порядка. Гельвеций говорит, что каждая общественная эпоха требует своих великих людей, а когда таковых не находит, то она изобретает их.

20 декабря существовала только одна половина учрежденной буржуазной республики—президент; 29 мая она

пополнилась второй половиной—законодательным собранием. Как учреждающаяся буржуазная республика, так и учрежденная зарегистрировали свои имена в исторических списках рождений: первая в июне 1848 года—неслыханной битвой с пролетариатом, вторая в июне 1849 года—невыразимой комедией с мелкой буржуазией. Июнь 1849 года явился Немезидой за 1848 год. В июне 1849 года были побеждены не рабочие, а мелкие буржуа, стоявшие между рабочими и революцией. Июнь 1849 г. был не кровавой трагедией между наемным трудом и капиталом, а жалкой комедией между должником и кредитором, в которой огромную роль играла тюрьма. Партия порядка победила, она была всемогуща, теперь она должна была показать, что она такое.

III.

С 13 июня 1849 года по 10 марта 1850 года.

(Из III выпуска).

20 декабря конституционная республика показала лишь один лик своей Янусовой головы: лицо исполнительной власти с неясными, плоскими чертами Луи Бонапарта; 29 мая 1849 года она показала свой другой лик: лицо законодательной власти, изрытое рубцами, которые оставили оргии реставрации и июльской монархии. Законодательное национальное собрание завершило собой проявление конституционной республики, т.-е. той республиканской государственной формы, в которой конституировалось господство буржуазного класса, следовательно, совместное господство обеих больших роялистских фракций, образующих французскую буржуазию: вступивших в коалицию легитимистов и орлеанистов, партии порядка. В то время как французская республика доставалась таким образом коалиции роялистских партий, европейская коалиция контр-революционных держав предприняла общий крестовый поход против последних убежищ мартовских революций. Россия вторглась в Венгрию, Пруссия маршировала против армии, боровшейся за общегерманскую конституцию. Удино бомбардировал Рим. Европейский кризис явно приближался к решающему поворотному пункту. Глаза всей Европы были устремлены на Париж, а глаза всего Парижа—на законодательное собрание.

11 июня Ледрю-Роллен взойшел на трибуну собрания. Он не произнес речи, он только сделал перечень обвинений против министров,—перечень сухой, без напыщенности, чисто фактический, сжатый, сильный.

Нападение на Рим есть нападение на конституцию, нападение на римскую республику—нападение на французскую республику. Статья V конституции гласит: «французская республика никогда не обратит своих боевых сил против свободы какого-либо народа», а президент обратил французскую армию против римской свободы. Статья IV конституции воспрещает исполнительной власти объявлять какую бы то ни было войну без согласия национального собрания. Постановление конституанты от 8 мая решительно повелевает министрам возможно скорее направить римскую экспедицию к ее первоначальным целям; тем самым оно также решительно воспрещает войну против Рима, а между тем Удино бомбардирует Рим. Самое конституцию призывал таким образом Ледрю-Роллен в свидетели обвинения против Бонапарта и его министров. Роялистскому большинству национального собрания бросил он, трибун конституции, грозное заявление: «Республиканцы сумеют добиться уважения к конституции всеми средствами, хотя бы даже силой оружия!» «Силой оружия!» повторило стоголосое эхо Горы. Большинство ответило ужасающим шумом; президент национального собрания призвал Ледрю-Роллена к порядку; Ледрю-Роллен повторил вызывающее заявление и в заключение положил на стол президента предложение возбудить преследование против Бонапарта и его министров. Национальное собрание по поводу бомбардировки Рима 361 голосом против 203 вотировало простой переход к очередным делам.

Неужели же Ледрю-Роллен рассчитывал побить национальное собрание конституцией, а президента—национальным собранием?

Конституция, конечно, запрещала всякое нападение на свободу других народов, но французская армия, по мнению министерства, нападала в Риме не на свободу, а на «деспотизм анархии». Неужели Гора, вопреки всем испытаниям в учредительном собрании, все еще не уразумела, что толкование конституции принадлежит не тем, кто ее составил, а только тем, кто поставил под ней свою подпись? Что буква ее должна истолковываться сообразно ее жизненному смыслу и что буржуазный смысл есть единственный ее жизненный смысл? Что Бонапарт и роялистское большин-

ство национального собрания были признанными истолкователями конституции подобно тому, как поп является признанным истолкователем библии, а судья—призванным истолкователем закона? Неужели национальное собрание, только что вышедшее из недр всеобщего избрания, должно было чувствовать себя связанным духовным завещанием мертвой конституанты, живую волю которой в свое время сламывал даже какой-нибудь Одилон Барро? Ссылаясь на постановление конституанты от 8 мая, неужели Ледрю-Роллен забывал, что та же конституанта отвергла его первое предложение о возбуждении преследования против Луи Бонапарта и министров, что она оправдала президента и министерство, что она таким образом санкционировала нападение на Рим, как действие «конституционное», что он по существу подает апелляцию на уже произнесенный приговор, что, наконец, он апеллирует от республиканской конституанты к роялистскому законодательному собранию. Сама конституанта ищет помощи в восстании, особой статьей призывая каждого гражданина на свою защиту. Ледрю-Роллен опирался на эту статью. Но разве общественные власти не утверждены между прочим и для защиты конституции, и не начинается ли нарушение конституции лишь с того момента, когда одна из общественных конституционных властей восстает против д' угуй? Между тем президент республики, министры республики и национальное собрание республики находятся в самом гармоническом согласии.

То, что Гора попыталась устроить 11 июня, было восстанием в пределах чистого «разума», т.-е. чисто-парламентским восстанием. Большинство собрания, напуганное возможностью вооруженного восстания народных масс, должно было в лице Бонапарта и министров уничтожить свою собственную власть и значение своего собственного избрания. Разве конституанта не пыталась таким же образом кассировать избрание Бонапарта, когда она так упорно настаивала на отставке министерства Барро-Фаллу?

Времена Конвента давали достаточно примеров парламентских мятежей, которые внезапно и в корень изменяли отношение большинства и меньшинства. Почему бы и младшей Горе не удалось то, что удавалось старшей? Обстоя-

тельства минуты, казалось, также не были неблагоприятными для подобного предприятия. Народное возбуждение достигло в Париже до опасного уровня; армия, судя по подаче ее голосов на выборах, повидимому, не тяготела к правительству; само законодательное большинство было еще молодо, чтобы успеть утвердиться, к тому же оно состояло из старых господ. Если бы Горе удалась парламентская инсurreкция, то бразды правления непосредственно попали бы в ее руки. Демократическая мелкая буржуазия с своей стороны по обыкновению ничего так страстно не желала, как того, чтобы борьба разразилась в облаках, над ее головой, подальше от нее, между отшедшими от нее духами парламента. Наконец, демократическая мелкая буржуазия и ее представители, Гора, и та и другая могли достигнуть парламентским восстанием своей великой цели, сломить силу буржуазии, не развязывая пролетариата или показывая его лишь в перспективе. Таким образом пролетариат, не угрожая никакой опасностью, был бы все же использован.

После вотума национального собрания от 11 июня состоялась сходка некоторых членов Горы и делегатов тайных обществ рабочих. Последние настаивали на том, чтобы произошло выступление в тот же вечер. Гора решительно отвергла этот план. Она ни за что не хотела выпустить руководства из своих рук. Ее союзники были для нее столь же подозрительны, как и противники,—и по справедливости. Воспоминание об июне 1848 г. никогда еще так не волновало ряды парижского пролетариата. Несмотря на это, он был скован союзом с Горой. Она являлась представительницей большей части департаментов, она в преувеличенном виде изображала свое влияние на армию, она располагала демократической частью национальной гвардии, за ней была моральная сила лавки. А для пролетариата, численно сильно уменьшенного холерой и большими массами изгнанного из Парижа безработицей, начать в такой момент восстание против воли Горы—значило бесполезно повторить июньские дни 1848 г., хотя теперь не было такого положения, которое толкало бы его на отчаянную борьбу. Пролетарские делегаты избрали единственно рациональный образ действия. Они потребовали, чтобы Гора

ском прометировала себя, т.-е. чтобы она вышла из границ парламентской борьбы в том случае, если ее обвинительный акт будет отвергнут. В продолжение всего 13 июня пролетариат сохранял ту же скептически-наблюдательную позицию и выжидал, пока не завяжется серьезная, бесповоротная схватка между демократической национальной гвардией и армией, чтобы лишь тогда броситься в борьбу и заставить революцию перешагнуть поставленную перед ней мелко-буржуазную цель. На случай победы уже была составлена пролетарская коммуна, которая должна была выступить рядом с официальным правительством. Парижские рабочие уже прошли кровавую школу июня 1848 г.

12 июня сам министр Лакрос внес в законодательное собрание предложение немедленно перейти к обсуждению обвинительного акта. Правительство в продолжение ночи приняло все меры к защите и нападению. Большинство национального собрания решило заставить мятежное меньшинство выйти на улицу; меньшинству нельзя уже было отступить; жребий был брошен; 377 голосов против 8 отвергли обвинительный акт. Гора, воздержавшаяся от голосования, угрожая, бросилась в залы пропаганды «мирной демократии», в редакцию газеты «*Democratie pacifique*».

Удаление из здания парламента сломило силу Горы подобно тому, как отделение исполина Антея от земли-матери сломило его силу. Самсоны в залах законодательного собрания, монтаньяры были только филистерами в залах «мирной демократии»¹⁾. Начались длинные, шумные, бесплодные прения. Гора решилась добиваться уважения конституции всеми средствами, «только не силой оружия». В этом решении ее поддерживали манифест и депутация «друзей конституции». «Друзья конституции»,—так назывались обломки котерии «*National*'я», буржуазно-республиканской партии. В то время как из сохранившихся у ее парламентских представителей шестеро голосовали против отклонения, а все остальные—за отклонение обвинительного акта, в то время как Кавеньяк предоставил свою саблю в распоряжение партии порядка, сравнительно большая внепарламентская часть котерии жадно ухватилась

---

¹⁾ [Игра слов: «филистер» означает и «филистимлянин»].

за случай выйти из положения политической партии и протесниться в ряды демократической партии. Да и в самом деле, разве они не являлись естественными щитоносцами этой партии, которая пряталась за их щитом, за их принципом, за конституцией?

До рассвета Гора «разрепалась от бремени». Она родила «прокламацию к народу», которая утром 13 июня заняла более или менее стыдливое место в двух социалистических газетах. Она объявляла президента, министров, большинство законодательного собрания «вне конституции» (*hors la constitution*) и призывала национальную гвардию, армию и, наконец, также и народ «восстать». «Да здравствует конституция!» — вот пароль, который она давала и который не значил ничего иного, как только «долгой революцию!»

Конституционной прокламации Горы соответствовала 13 июня так называемая мирная демонстрация мелких буржуа, т.-е. уличное шествие от Шато-До через бульвары. 30.000 человек, большею частью невооруженных национальных гвардейцев, попеременно с членами тайных секций рабочих, двигались с восклицанием: «Да здравствует конституция!» Механически, с ледяной холодностью, с злыми чувствами произносился этот возглас самими членами процессии, и вместо того, чтобы вырастать в громовые раскаты, он отражался лишь как ироническое эхо толпившегося по тротуарам народа. Многоголосому пению не хватало грудных искренних тонов. А когда процессия, колыхаясь, проходила мимо здания заседаний «друзей конституции» и на фронтоне дома появился наемный герольд конституции, который с силой рассекал воздух своей клакерской шляпой и из невероятной глотки бухал над самыми головами пилигримов боевой клич: «Да здравствует конституция!», — то комизм положения, казалось, на минуту победил и самих членов процессии. Известно, как, прибыв к началу улицы Мира, процессия, далеко не по-парламентски встреченная на бульварах драгунами и егерями Шарганье, в один миг рассеялась в разные стороны, только из-за спины бросив жидкий возглас: «к оружию», дабы исполнился парламентский призыв к оружию, брошенный 11 июня.

Большая часть Горы, собравшейся в rue du Hazard, разбежалась когда, все стало указывать на приближение мятежа: и эта насильственно разогнанная мирная процессия, и смутные слухи об убийстве безоружных граждан на бульварах, и возраставшая сутолока на улицах. Ледрю-Роллен во главе небольшой кучки депутатов спас честь Горы. Под защитой парижской артиллерии, собравшейся в Пале-Националь, они отправились к музею ремесел и искусств (Conservatoire des arts et métiers), куда должны были прибыть пятый и шестой легионы национальной гвардии. Но монтаньяры напрасно ждали пятого и шестого легионов: эти осторожные национальные гвардейцы покинули своих представителей; сама парижская артиллерия мешала народу воздвигать баррикады. Хаотическая сумятица делала невозможным принять какое-либо решение. Подошли регулярные войска со штыками на-перевес. Часть депутатов была арестована, другая—бежала. Так закончилось 13 июня.

Если 23 июня 1848 г. было восстанием революционного пролетариата, то 13 июня 1849 года было восстанием демократических мелких буржуа, и каждое из этих восстаний было классически-чистым выражением того класса, который являлся его носителем.

Только в Лионе дело дошло до упорного кровавого столкновения. Отразившись здесь, где промышленная буржуазия и промышленный пролетариат непосредственно противостоят друг другу, где рабочее движение не захвачено, как в Париже, общим движением и не определяется им, 13 июня утратило свой первоначальный характер. В остальных же провинциях, где отразилось 13 июня, оно, эта холодная молния, ничего не зажгло.

13 июня заканчивает первый период жизни конституционной республики, вступившей в свое нормальное существование 29 мая 1849 года, с открытием законодательного собрания. Весь этот пролог наполнен шумной борьбой между партией порядка и Горой, между буржуазией и мелкой буржуазией, которая теперь тщетно топорщится против упрочения буржуазной республики, хотя сама непрерывно конспирировала в ее пользу во временном правительстве и в исполнительной комиссии, хотя в июньские дни фанатически за нее сражалась против пролета-

риата. День 13 июня сокрушает ее сопрствление и превращает в *fait accompli* [совершившийся факт] законодательную диктатуру объединившихся роялистов. С этого момента национальное собрание является лишь комитетом общественного спасения партии порядка.

Париж поставил президента, министров и большинство национального собрания в «положение обвиняемых»; они поставили Париж в «осадное положение». Гора объявила большинство законодательного собрания «вне конституции»; за нарушение конституции большинство предало Гору *haute cour*, верховному трибуналу, и приговорило к проскрипции все, что было еще жизненного в этой партии; она была уничтожена, превращена в остов, лишенный головы и сердца. Меньшинство дошло до попытки парламентского восстания, большинство возвело в закон свой парламентский деспотизм. Оно декретировало новый парламентский наказ, который уничтожал свободу трибуны и уполномочивал президента национального собрания наказывать депутатов за нарушение порядка замечаниями, денежными штрафами, лишением вознаграждения, временным исключением из собрания, карцером. Вместо меча оно повесило над остовом Горы розгу. Ради спасения чести остатку Горы следовало выйти в полном составе. Таким актом ускорилося бы разложение партии порядка. Она распалась бы на свои первоначальные составные части, как только ее перестала бы связывать даже видимость противодействия.

Одновременно с парламентской властью у демократических мелких буржуа отняли и вооруженную власть, распустив парижскую артиллерию, а также 8, 9 и 12 легионы национальной гвардии. Легион же финансовой аристократии, который 13 июня напал на типографии Буле и Ру, разбил печатные станки, опустошил редакции республиканских газет, произвольно арестовал редакторов, наборщиков, печатников, экспедиторов и рассыльных,—этот легион, напротив, получил одобрение и поощрение с трибуны национального собрания. Роспуск национальной гвардии, заподозренной в республиканизме, повторился по всему лицу Франции.

Новый закон о печати, новый закон о союзах, новый закон об осадном положении, парижские тюрьмы переполнены, политические эмигранты изгнаны, все газеты, идущие дальше «National'a», подвергнуты остановке, Лион и пять окрестных департаментов преданы грубым насилиям военного деспотизма, вездесущие суды, новая чистка армии чиновников, столь часто подвергавшейся чистке,— все это были неминуемые, постоянно повторяющиеся общие места победоносной реакции. После июньских избятий и ссылок о них стоит упомянуть только потому, что на этот раз они были направлены не только против Парижа, но и против департаментов, не только против пролетариата, но главным образом против промежуточных классов.

Репрессивные законы, предоставившие введение осадного положения благоусмотрению правительства, еще крепче связавшие печать и уничтожившие право союзов, заполнили всю законодательную деятельность национального собрания в продолжение июня, июля и августа месяцев.

Однако эта эпоха характеризуется не фактическим, а принципиальным использованием победы, не постановлениями национального собрания, а мотивировкой этих решений, не делом, а фразой, не фразой, а жестом и акцентом, оживляющими фразу. Безудержно-наглое обнаружение роялистского образа мыслей, презрительные высокомерные оскорбления республики, кокетливо-фривольное выбалтывание реставраторских намерений,—словом, вызывающее нарушение республиканских благоприличий придает этому периоду особенный тон и окраску. «Да здравствует конституция!» было боевым кличем побежденных 13 июня. Таким образом победители были освобождены от лицемерия конституционного, т.е. республиканского языка. Контр-революция покорила уже Венгрию, Италию, Германию, и они воображали, что реставрация стоит уже перед воротами Франции; между вожаками фракций порядка постепенно развивалась настоящая конкуренция; через посредство «Moniteur'a» они напереерыв друг перед другом старались документально засвидетельствовать свой роялизм, принести покаяние в либеральных грехах, которые могли быть ими совершены во время республики, исповедаться, испросить за них прощение от

бога и людей. Не проходило дня без того, чтобы февральская революция не объявлялась с трибуны национального собрания общественным бедствием, чтобы любой легитимистский провинциальный дворянчик торжественно не объявлял, что он никогда не признавал республики; не проходило дня, чтобы кто-нибудь из трусливых переметчиков и изменников июльской монархии задним числом не рассказывал о своих героических подвигах, от совершения которых удержало его только человеколюбие Луи-Филиппа или какое-нибудь недоразумение. Выходило так, что в февральских днях удивления достойно не великодушные победоносного народа, а самопожертвование и умеренность роялистов, которые позволили народу победить. Один народный представитель предложил передать часть денежного пособия, назначенного для раненых в феврале, муниципальным гвардейцам, которые ведь только и оказали в те дни услуги отечеству. Другой желал, чтобы было постановлено воздвигнуть на Карусельной площади конную статую герцогу Орлеанскому. Тьер называл конституцию клочком грязной бумаги. На трибуне по очереди появлялись орлеанисты, каявшиеся в своем заговоре против легитимной монархии, легитимисты, упрекавшие себя в том, что сопротивлением незаконной монархии они ускорили падение монархии вообще. Тьер, каявшийся в том, что интриговал против Моле, Моле—что интриговал против Гизо, Барро—что интриговал против всех трех. Возглас: «да здравствует социал-демократическая республика!» был объявлен неконституционным; возглас: «да здравствует республика!» подвергался преследованию, как социал-демократический. В годовщину битвы при Ватерлоо один депутат заявил: «Я не так боюсь вторжения пруссаков, как вступления революционных эмигрантов во Францию». На жалобу относительно террора, будто бы организованного в Лионе и соседних департаментах, Барагэ д'Иллье ответил: «Я предпочитаю белый террор красному (*J'aime mieux la terreur blanche que la terreur rouge*)». И собрание неистово аплодировало каждый раз, как из уст своего оратора слышало какую-нибудь эпиграмму против республики, против революции, против конституции, в защиту монархии, в защиту Священного Союза. Каждое нарушение малейших

республиканских формальностей, например, принятого обращения к представителям «citoyens» (граждане), приводило рыцарей порядка в восторг.

Дополнительные парижские выборы 8 июля, произведенные под действием осадного положения, и воздержание значительной части пролетариата от подачи голосов, занятие Рима французской армией, вступление в Рим красного преосвященства, а следом за ним инквизиции и монашеского террора,—все это присоединяло новые победы к июньской победе и усиливало упоение партии порядка.

Наконец, в середине августа роялисты, отчасти чтобы присутствовать на предстоящих сессиях генеральных советов, отчасти утомившись продолжавшейся многие месяцы тенденциозной оргией, декретировали двухмесячную отсрочку заседаний национального собрания. Они с нескрываемой иронией оставили комиссию из двадцати пяти представителей, сливки легитимистов и орлеанистов: разных Моле, Шангарнье, как заместителей национального собрания и стражей республики. Ирония была глубже, чем сами они подозревали. Предназначенные историей к тому, чтобы содействовать свержению монархии, которую они любили, они же были предназначены историей и к тому, чтобы охранять республику, которую они ненавидели.

Отсрочкой сессии законодательного собрания заканчивается второй период жизни конституционной республики, период роялистских юношеских бредов.

Осадное положение Парижа было снова отменено, пресса начала снова функционировать. В продолжение того времени, как социал-демократические газеты были приостановлены, в период репрессивных законов и роялистской шумихи, старый литературный представитель монархическо-конституционных мелких буржуа, «Siècle», кокетничал с республиканством, «l'presse», старая литературная выразительница буржуазных реформистов, кокетничала с демократизмом, а «National», старый классический орган республиканских буржуа, пустился в социализм.

Тайные общества вырастали вширь и вглубь по мере того, как открытые клубы сделались невозможными.

Промышленные ассоциации рабочих,—которые терпелись как чисто торговые компании,—не имея никакого экономического значения, в политическом отношении сыграли для пролетариата роль связующих звеньев. 13 июня снесло официальные головы с различных полуреволюционных партий; оставшиеся массы приобретали свою собственную голову. Рыцари порядка запугивали, предсказывая ужасы красной республики; постыдные насилия, гиперборейские ужасы победоносной контр-революции в Венгрии, Бадене, в Риме вымыли «красную республику» добела. И недовольные промежуточные классы французского общества начали предпочитать обещания красной республики с ее проблематическими ужасами ужасам красной монархии с ее фактической безнадежностью. Ни один социалист не сделал для пропаганды революции во Франции больше, чем Гайнау¹⁾. *A chaque capacité selon ses oeuvres*²⁾.

Между тем Луи Бонапарт воспользовался ваканциями национального собрания для того, чтобы предпринять подбодряющие принцу поездки по провинции; наиболее пылкие легитимисты устраивали паломничества в Эмс, к внуку св. Людовика, и вся масса народных представителей, друзей порядка, интриговала в только-что собравшихся советах департаментов (генеральных советах). Они хотели заставить советы высказать то, чего не осмеливалось еще высказать большинство национального собрания: неотложное требование немедленного пересмотра конституции. Согласно конституции, государственное устройство могло быть пересмотрено лишь в 1852 году специально для этого созданным национальным собранием. Но если бы большинство генеральных советов высказалось в этом смысле, разве национальному собранию не пришлось бы пожертвовать девственностью конституции голосу Франции? Национальное собрание возлагало такие же надежды на провинциальные собрания, как монахи вольтеровской Генриады возлагали на пандуров. Но всем потифарам национального собрания, за немногими исключениями, при-

---

¹⁾ [Австрийский генерал, отличившийся зверскими жестокостями в Италии].

²⁾ [Каждой способности по заслугам].

шлось встретиться в провинции с Иосифами. Огромное большинство не хотело понимать навязчивых намеков. Пересмотр конституции был отвергнут тем самым органом, который должен был высказаться за него: баллотировкой департаментских советов. Голос Франции, и притом буржуазной Франции, высказался—и высказался против пересмотра.

В начале октября снова открылось законодательное национальное собрание,—*tantum mutatus ab illo*. Физиономия его совершенно изменилась. Неожиданное отклонение пересмотра генеральными советами возвратило его в рамки конституции и напомнило ему о рамках его собственного существования. Орлеанисты прониклись недоверием вследствие паломничества легитимистов в Эмс; подозрительность легитимистов питалась переговорами орлеанистов с Лондоном¹⁾; газеты обеих фракций раздували огонь и взвешивали взаимные притязания своих претендентов. Орлеанисты вместе с легитимистами злились на происки бонапартистов, проявившиеся в поездках принца, в более или менее прозрачных попытках президента эмансипироваться, в претенциозном языке, каким заговорили бонапартистские газеты. Луи Бонапарт злился на национальное собрание, которое допускало лишь легитимистско-орлеанистский заговор, на министерство, которое постоянно предавало его этому национальному собранию. Наконец, в самом министерстве произошел внутренний раскол по вопросу о римской политике и по вопросу о предложенном министерством Пасси подходящем налоге, о котором консерваторы подняли крик, будто это—социалистический налог.

Одним из первых предложений министерства Барро вновь открывшемуся законодательному собранию было требование кредита в 300.000 франков для уплаты вдовьего содержания герцогине Орлеанской. Национальное собрание дало на это согласие и прибавило к списку долгов французской нации новую сумму в семь миллионов франков. В то время, как Луи-Филипп так успешно продолжал разыгрывать роль «*peauvre honteux*», стыдливого ни-

---

¹⁾ [Претенденты-Бурбоны (граф Шамбор) жили в Эмсе; семья Людовика Орлеанского—близ Лондона].

щего, ни министерство не осмеливалось предложить прибавку жалованья Бонапарту, ни национальное собрание, повидимому, не было расположено ее дать. И Луи Бонапарт, как всегда, был поставлен перед дилеммой: *Aut Caesar aut Clichy!*¹⁾).

Второе министерское требование кредита в девять миллионов франков на издержки по римской экспедиции еще больше увеличило натянутость отношений между Бонапартом, с одной стороны, и министрами и национальным собранием—с другой. Луи Бонапарт поместил в *Moniteur*'е письмо к своему адъютанту Эдгару Нею, в котором он связывал папское правительство конституционными гарантиями. Папа с своей стороны издал энциклику «*motu proprio*», в которой он отклонял всякое ограничение реставрированного господства. Письмо Бонапарта с намеренной нескромностью приподымало занавес его кабинета, чтобы выставить его перед взорами галлерей как полного благоволения, но не признанного даже в собственном доме и скованного гения. Он не в первый раз кокетничал «невидимыми взмахами крыльев свободной души». Тьер, докладчик комиссии, совершенно игнорировал взмах бонапартовских крыльев и ограничился тем, что перевел энциклику папы на французский язык. Не министерство, а Виктор Гюго пытался спасти президента порядком дня, в котором национальное собрание должно было выразить свое согласие с письмом Наполеона. *Allons donc! Allons donc!*—этим непочтительным, легкомысленным междометием большинство похоронило предложение Гюго. Политика президента? Письмо президента? Сам президент? *Allons donc! Allons donc!* Какой же дурак серьезно считается с мосье Бонапартом? Неужели вы думаете, господин Виктор Гюго, что мы верим, будто вы верите в президента? *Allons donc! Allons donc!*²⁾

Наконец, разрыв между Бонапартом и национальным собранием ускорился прениями о возвращении Орлеанов и Бурбонов. В отсутствие министерства предложение это было внесено двоюродным братом президента, сы-

1) [«Или цезарь, или Клиши!» Клиши—долговая тюрьма.]

2) [Можно передать восклицанием: „мимо“.]

ном вестфальского экс-короля, с той единственной целью, чтобы поставить на одну доску легитимистских и орлеанистских претендентов, или, вернее, поставить их ниже бонапартистского претендента, который по крайней мере фактически был во главе государства.

Наполеон Бонапарт был достаточно непочтителен для того, чтобы возвращение изгнанных королевских фамилий и амнистию июньских инсурентов сделать двумя частями одного и того же предложения. Пегодование большинства заставило его тотчас же извиниться за это дерзкое смешение святого с проклятым, королевских родов с пролетарским отродьем, солнечных светил общества с его болотными огнями и отвести каждому из предложений приличествующее ему место. Большинство решительно отклонило возвращение королевской фамилии, и Беррье, Демосфен легитимистов, не оставил никакого сомнения относительно смысла этого вотума. Разжалование претендентов в граждан,—вот какую цель преследует предложение! Хотят их лишить лучезарного венца, последнего величия, которое осталось у них,—величия изгнания! Что подумали, бы воскликнул Беррье, о том из претендентов, который, позабыв свое высокое происхождение, прибыл бы сюда, чтобы жить, как обыкновенный смертный? Явственнее не могло быть сказано Бонапарту, что он ничего не выигрывает от своего пребывания во Франции, что, если объединенные роялисты и нуждались в нем здесь как в нейтральном человеке на президентском кресле, то серьезные претенденты на корону должны оставаться скрытыми от нечестивых взоров туманом изгнания.

1 ноября Луи Бонапарт ответил законодательному собранию посланием, которое в довольно грубых выражениях извещало об отставке министерства Барро и образовании нового министерства. Министерство Барро-Фаллу было министерством роялистской коалиции, министерство д'Опуля—министерством Бонапарта, органом президента против законодательного собрания,—министерством приказчиков.

Бонапарт уже не был только нейтральным человеком, каким он был 10 декабря 1848 года. Обладание исполнительной властью сгруппировало вокруг него мно-

жество интересов, борьба с анархией принудила партию порядка даже усилить его влияние, и если он уже не был популярен, то она была не популярна. Орлеанисты, легитимисты,—разве он не мог рассчитывать, что их взаимное соперничество и необходимость для них какой бы то ни было монархической реставрации заставят их признать нейтрального претендента?

С 1 ноября 1849 года начинается третий период в жизни конституционной республики,—период, заканчивающийся 10 марта 1850 года. Теперь начинается нормальная игра конституционных учреждений, которой так восхищался Гизо, но в то же время начинается склока между исполнительной и законодательной властью. Против реставраторских вождедений объединенных орлеанистов и легитимистов Бонапарт выдвигает имя своей фактической власти,—республику. В противоположность реставраторским вождедениям Бонапарта партия порядка является представительницей названия своего совместного господства,—республики. Легитимисты против орлеанистов, орлеанисты против легитимистов защищают *status quo*,—республику. Все эти фракции партии порядка, из которых у каждой имеются *in petto* свой собственный король и своя собственная реставрация, узурпаторским и мятежническим вождедениям своих соперников взаимно противопоставляют общее господство буржуазии, такую форму, в которой отдельные притязания нейтрализуются и сдерживаются, следовательно,—республику.

Кант делает республику, как единственно рациональную государственную форму, постулатом практического разума,—постулатом, осуществление которого никогда не будет достигнуто, но достижение которого всегда должно быть целью стремлений, всегда должно удерживаться в уме. Так же и эти роялисты относились к монархии.

Таким образом конституционная республика, выйдя из рук буржуазных республиканцев пустой идеологической формулой, в руках объединенных роялистов наполнилась содержанием, сделалась жизненной формой. И Тьер выразил более правильную мысль, чем думал, сказавши: «Мы, роялисты, истинные устои конституционной республики».

Падение министерства коалиции, образование министерства приказчиков имеет и другое значение. Имя его министра финансов было Фульд. Фульд министром финансов, это знаменует, что французское национальное богатство официально отдано бирже, что управление государственной собственностью ведется биржей и в интересах биржи. Назначением Фульда финансовая аристократия извещала в «Moniteur'e» о своей реставрации. Эта реставрация была необходимым дополнением других реставраций, составляющих необходимые звенья в цепи конституционной республики.

Луи-Филипп никогда не отваживался сделать министром финансов настоящего *loup-servier* [биржевого волка]. Подобно тому, как его монархия была идеальным названием для господства высшей буржуазии, так в его министерствах привилегированные интересы должны были носить идеологические имена, свидетельствующие о личной незаинтересованности. Буржуазная же республика повсюду выдвигала на авансцену то, что различные монархии, легитимистская, как и орлеанистская, скрывали в глубине сцены. Она низвела на землю то, что они возводили на небо. На место имен святых она поставила собственные буржуазные имена господствующих классовых интересов.

Все наше изложение показало, каким образом республика с первого дня своего существования не только не свергла финансовую аристократию, но, напротив, укрепляла ее. Однако уступки, делавшиеся финансовой аристократии, были роком, которому просто подчинялись, а не преднамеренным результатом. С Фульдом же правительственная инициатива возвратилась прямо к финансовой аристократии.

Является вопрос: каким образом объединенная буржуазия могла выносить и допускать господство финансов, которое при Луи-Филиппе основывалось на исключении и подчинении остальных фракций буржуазии?

Ответ прост.

Прежде всего, финансовая аристократия составляет важную, имеющую решающее значение часть роялистской коалиции, совместная правительственная власть которой называется республикой. Разве ораторы и интеллигенция орлеанистов не старые союзники и сообщники финансовой аристократии? Разве сама она не является золотой фалан-

гой орлеанизма? Что касается легигимистов, то они уже при Луи-Филиппе практически соучаствовали во всех оргиях биржевой, горно-промышленной и железно-дорожной спекуляции. Вообще союз крупного землевладения с финансовой аристократией является нормальным фактом. Доказательство — Англия, другое доказательство — даже Австрия.

В такой стране, как Франция, где размеры национального производства составляют несоразмерно второстепенную величину по отношению к размерам национального долга, где государственная рента является наиболее важным предметом спекуляции, где биржа представляет главный рынок для помещения капитала, который стремится к непроизводительному применению, — в такой стране бесчисленная масса людей всех буржуазных или полубуржуазных классов должна быть заинтересована в государственном долге, в биржевой игре и в финансах. Разве все эти заинтересованные лица низшей категории не видят свою естественную опору и естественных повелителей в той фракции, которая является представительницей тех же интересов, но в колоссальных размерах, во всей их полноте и целостности?

Чем обуславливается переход государственной собственности в руки финансовой аристократии? Постоянно возрастающей задолженностью государства. А задолженность государства? Постоянным превышением его расходов над его доходами, — несоответствие, являющееся одновременно причиной и следствием системы государственных займов.

Чтобы избежать этой задолженности, государство должно или ограничить свои расходы, то-есть упростить, сократить правительственный организм, управлять по возможности меньше, содержать возможно меньше чиновников, возможно меньше связывать себя с буржуазным обществом. Путь этот был невозможен для партии порядка. Ее средства репрессии, ее официальное вмешательство через государство, ее способность быть вездесущей при посредстве органов государства должны были возрасти в той же мере, в какой со всех сторон возрастали опасности для ее господства и условий существования ее класса. Нельзя сокращать жандармерию в то время, как увеличиваются нападения на личность и собственность.

Или же государство должно постараться обойти долги с тылу и хотя бы на время восстановить преходящее равновесие в бюджете, взвалив на плечи наиболее богатых классов экстраординарные налоги. Так, значит, чтобы избавить государственное богатство от эксплуатации биржей, партия порядка должна была принести в жертву на алтарь отечества свое собственное богатство? *Pas si bête!* Она не настолько глупа!]

Итак, без полного переворота во французском государстве невозможен переворот в государственном французском бюджете. При этом государственном бюджете неизбежна государственная задолженность, а при государственной задолженности неизбежно господство торговли государственными долгами, господство государственного кредитора, банкира, торговца деньгами, биржевого волка. Только одна фракция партии порядка была непосредственно заинтересована в падении финансовой аристократии,—фабриканты. Мы не говорим о средних, о мелких промышленниках, мы говорим о регентах фабричного интереса, составлявших при Луи-Филиппе широкий базис династической оппозиции. Они, несомненно, заинтересованы в уменьшении издержек производства, следовательно, в уменьшении налогов, которые входят в издержки производства, следовательно, заинтересованы в уменьшении государственных долгов, проценты по которым входят в налоги, следовательно, они заинтересованы в падении финансовой аристократии.

В Англии,—а крупнейшие французские фабриканты—мелкие буржуа по сравнению с их английскими соперниками,—в Англии мы действительно видим, как фабриканты, какой-нибудь Кобден, какой-нибудь Брайт, становятся во главе крестового похода против банка и биржевой аристократии. Почему нет этого во Франции? В Англии господствует промышленность, во Франции—земледелие. В Англии промышленность нуждается в *free trade*, свободной торговле, во Франции—в охранительных пошлинах, в национальной монополии на ряду с другими монополиями. Французская промышленность не господствует над французским производством, поэтому французские промышленники не господствуют над французской буржуазией. Чтобы отстоять свои интересы против интересов других фракций буржуа-

зии, они не могут, как англичане, выступить во главе движения и тем самым выдвинуть свои классовые интересы на первое место. Они принуждены вступать в свиту революции и служить интересам, противным общим интересам их класса. В феврале они не понимали своего положения, февраль сделал их умнее. И при том кому угрожает более непосредственная опасность от рабочих, как не работодателю, промышленному капиталисту? Поэтому фабрикант необходимо сделался во Франции одним из самых фанатичных членов партии порядка. Уменьшение его прибыли финансовой аристократией, — стоит ли говорить об этом при сравнении с уничтожением прибыли пролетариатом?

Во Франции мелкий буржуа делает то, что по настоящему должен был бы делать промышленный буржуа; рабочий делает то, что по настоящему должно было бы составлять задачу мелкого буржуа. Но задача рабочего, — кто решает ее? Никто. Она разрешается не во Франции, но во Франции она возвещается. Она нигде не разрешима в пределах национальных границ; классовая война внутри французского общества превращается в мировую войну, в которой нации выступают друг против друга. Решение начинается лишь с того момента, когда мировая война поставит пролетариат во главу народа, господствующего над мировым рынком, — во главу Англии. Революция, которая находит здесь не завершение, а только свое организаторское начало, не будет кратковременной революцией. Теперешнее поколение похоже на евреев, ведомых Моисеем через пустыню. Оно не только должно завоевать новый мир: оно должно сойти со сцены, чтобы дать место людям, достаточно выросшим для нового мира.

Но возвратимся к Фульду.

14 ноября 1849 года Фульд поднялся на трибуну национального собрания и изложил свою финансовую систему: апология старой системы налогов! Сохранение налога на вино! Огречение от подоходного налога Пасси!

Пасси тоже не был революционером: это был старый министр Луи-Филиппа. Он принадлежал к пуританам из армии Дюфора и к интимнейшим доверенным Теста, козла

отпущения июльской монархии ¹⁾. И Пасси выхвалял старую систему налогов, рекомендовал сохранение налога на спиртные напитки, но вместе с тем он сдернул покрывало с государственного дефицита. Он объяснил необходимость нового налога, подоходного налога, если не желают государственного банкротства. Фульд, который рекомендовал Ледрю-Роллену государственное банкротство, законодательному собранию рекомендовал теперь государственный дефицит. Он посулил сбережения, тайна которых, обнаружившаяся впоследствии, заключалась в том, что, например, расходы уменьшились на шестьдесят миллионов, а текущий долг увеличился на двести миллионов: фокусничество в группировке цифр, в составлении отчетности, в своей совокупности завершавшееся новыми займами.

При Фульде финансовая аристократия, поставленная рядом с остальными соперничающими фракциями буржуазии, выступала, разумеется, не до такой степени цинично продажной, как при Луи-Филиппе. Но система оставалась все та же: непрерывное увеличение долгов, замаскирование дефицита. И со временем безудержно проявились старые биржевые мошенничества. Иллюстрации: закон относительно Авиньонской железной дороги, таинственное колебание курса государственных бумаг, составлявшее одно время злобу дня для всего Парижа, и, наконец, неудачные спекуляции Фульда и Бонапарта на выборы 10 марта.

С официальной реставрацией финансовой аристократии французский народ должен был скоро опять прийти до нового 24 февраля.

Конституанта в припадке мизантропии по отношению к своей наследнице уничтожила винный налог на лето 1850-е

---

¹⁾ 8 июля 1847 года [в оригинале опечатка: поставлено 8 июня 1849 года] начался в палате перов в Париже процесс против Пармантье и генерала Кюбьера, обвинявшихся в подкупе чиновников с целью добиться концессии на разработку копей каменной соли, и против тогдашнего министра общественных работ Теста, обвинявшегося в принятии взяток. Последний во время процесса покушался на самоубийство. Все были приговорены к тяжелым денежным штрафам, Тест, кроме того, еще к трем годам тюрьмы.

от рождества господа. С уничтожением старых налогов не могли быть уплачены новые долги. Кретон, кретин партии порядка, еще до отсрочки заседаний законодательного собрания предложил удержать налог на вино. Фульд поддержал предложение от имени бонапартистского министерства, и 20 декабря 1849 года, в годовщину прокламации Бонапарта, национальное собрание декретировало реставрацию налога на вино.

Первым защитником этой реставрации был не финансист, а шеф иезуитов Монталамбер. Его доводы были поражающе просты: налог, это—материнская грудь, которой кормится правительство. Правительство, это—орудие репрессии, это—органы авторитета, это—армия, это—полиция, это—чиновники, судьи, министры, это—священники. Нападение на налоги, это—нападение анархистов на часовых порядка, охраняющих материальное и духовное производство буржуазного общества от посягательств пролетарских вандалов. Налоги, это—пятый бог рядом с собственностью, семьей, порядком и религией. И пошлина на вино, это—несомненно, налог и притом не обыкновенный, а исконный, монархический, почтенный налог. *Vive l'impôt des boissons!* *Threes cheers and one cheer more!*¹⁾

Французский крестьянин, рисуя чорта на стене, рисует его в виде сборщика податей. С той самой минуты, как Монталамбер произвел налог в божество, крестьянин сделался безбожником, атеистом и бросился в объятия чорта, социализма. Религия порядка сыграла с ним шутку, иезуиты сыграли с ним шутку, Бонапарт сыграл с ним шутку. 20 декабря 1849 года бесповоротно скомпрометировало 20 декабря 1848 года. «Племянник своего дяди» был в своей семье не первым из тех, кого побил налог на вино,—этот налог, предчувствующий, по выражению Монталамбера, революционную непогоду. Настоящий великий Наполеон заявил на острове св. Елены, что восстановление налога на вино содействовало его падению более, чем все остальное, так как отвратило от него крестьян южной Франции. Фаворит народной ненависти еще при Людовике XIV (см. сочинения Буагильбера и Вобана), этот налог, отме-

---

¹⁾ [Да здравствует винный налог! Трижды ура и еще раз ура!]

ненный первой революцией, был снова введен Наполеоном в 1808 году в видоизмененной форме. Реставрации во Франции предшествовали не одни гарцующие казаки, но также и обещание отмены налога на вино. У *gentilhomme*rie, конечно, не было необходимости держать слово, данное *gent taillable à mersi et miséricorde* ¹⁾. 1830 год обещал отмену винного налога. Не в его характере было делать то, что он говорил, и говорить то, что делал. 1848 год обещал отмену налога на вино,—он все обещал. Наконец, конституанта, которая ничего не обещала, как уже упомянуто, сделала предсмертное распоряжение, согласно которому винный налог должен был исчезнуть с 1 января 1850 года. И как раз за десять дней до 1 января 1850 года законодательное собрание снова ввело его. Таким образом французский народ постоянно преследовал этот налог, но когда он выгонял его в дверь, он видел, как налог снова входит в окно.

Общая ненависть к налогу на вино объясняется тем, что он объединяет в себе все гнусности французской системы налогов. Способ его взимания ненавистен; способ его распределения аристократичен, так как в процентах налог один и тот же как для самых обыкновенных, так и для самых дорогих вин. Этот обратно-прогрессивный налог возрастает в геометрическом отношении к уменьшению состоятельности потребителей. Поэтому он непосредственно вызывает отравление рабочих классов, как премию за фальсифицированные и подделанные вина. Он уменьшает потребление, создавая у ворот всех городов с населением более 4.000 жителей *ostrois* ²⁾, и превращает каждый город в чужую страну с охранительными пошлинами против французского вина. Крупные виноторговцы, но еще больше мелкие, *marchands de vins*, владельцы винных погребков, в которых выручка непосредственно зависит от потребления вина,—все поголовно являются заклятыми противниками налога на вино. И, наконец, уменьшая потребление, налог на вино сокращает у производства рынок для сбыта. Лишая городских рабочих возможности оплачивать вино, он лишает

---

¹⁾ [Дворянство могло не держать слова, данного людям, которые теперь всецело зависели от его гнева и милости.]

²⁾ [Налоги на ввозимые в города предметы потребления.]

виноградарей возможности продавать. А во Франции часть населения, занимающаяся виноделием, составляет почти 12 миллионов. Понятна поэтому ненависть всего народа и в особенности понятна фанатическая ненависть крестьян к налогу на вино. Пригом в его реставрации они видели не единичное, более или менее случайное явление. У крестьян есть особого рода историческая традиция, переходящая по наследству от отца к сыну, и в этой исторической школе глухо говорили, что всякое правительство, когда оно хочет обмануть крестьян, обещает отмену винного налога, и сохраняет или снова вводит его, как только ему удалось крестьян обмануть. По винному налогу крестьянин познает букет правительства, его направление. Восстановление налога на вино 20 декабря означало: Луи Бонапарт такой же, как все; но он не был такой же, как другие: он был изобретением крестьянина, и вот в исчисляемых миллионами подписях под петициями против налога на вино крестьяне отбирали назад голоса, за год перед тем поданные ими за «племянника своего дяди».

Сельское население, свыше двух третей всего населения Франции, состоит большею частью из так называемых свободных землевладельцев. Первое поколение, безвозмездно освобожденное революцией 1789 года от феодальных повинностей, ничего не заплатило за землю. Но последующие поколения под видом земельной цены уплачивали то, что их полукрепостные предки платили в виде ренты, десятины, барщины и т. д. Чем больше, с одной стороны, возрастало население, чем больше, с другой стороны, дробились земельные участки, тем дороже становилась цена parcels, потому что вместе с их дроблением возрастал размер спроса на них. Но в том же отношении, в каком повышалась цена, уплачиваемая крестьянином за parcelлу, — покупал ли ее крестьянин непосредственно, или же сонаследники насчитывали ему ее цену, как оставленный капитал, — в том же отношении неминуемо росла и задолженность крестьянина, т. е. ипотека. Долговое обязательство, лежащее на земле, залоговая расписка на землю, именно и есть ипотека. Подобно тому как на средневековом земельном участке накапливались привилегии, так на современных пар-

целлах накапливаются ипотeki. С другой стороны, при системе парцеллирования земля служит для ее собственника просто средством производства. В той же мере, в какой дробится земля, уменьшается ее плодородие. Применение машин к возделыванию земли, разделение труда, серьезные способы для улучшения земли, как, например, устройство осушительных и оросительных каналов и т. п., становится все более и более невозможным, тогда как *faux frais*, непроизводительные расходы возделывания растут в одинаковой пропорции с раздроблением самого средства производства. Все это происходит без отношения к тому, обладает ли владелец парцеллы капиталом или нет. Но чем больше растет раздробление, тем решительнее участок земли вместе с плачевнейшим инвентарем начинает представлять весь капитал карликового крестьянина, тем решительнее отпадает применение капитала к земле, тем меньше у засевающего в землю земли, денег и образования, необходимых для того, чтобы применять завоевания агрономии, и тем решительнее регрессирует обработка земли. Наконец, чистый доход уменьшается в той же мере, в какой растет валовое потребление, когда всю семью крестьянина удерживает от других занятий ее собственность, которая однако не дает ей возможности существовать.

Итак, в той же мере, в какой растет население, а с ним увеличивается дробление земли, поднимается в цене средство производства, земля, уменьшается ее плодородие, падает земледелие и возрастает задолженность крестьянина. И то, что было следствием, в свою очередь становится причиной. Каждое поколение оставляет после себя новсе еще более задолженным; каждое новое поколение вступает в жизнь при более неблагоприятных и более тяжелых условиях; задолженность порождает задолженность, и если крестьянину уже невозможно делать новые долги под залог своей парцеллы, т.-е. невозможно обременять ее новыми ипотеками, он прямо попадает в руки ростовщика, — и тем непомернее становятся ростовщические проценты.

Так случилось, что французский крестьянин под видом процентов за ипотеки, лежащие на земле, под видом

процентов за ростовщические и непотечные ссуды передавал капиталисту не только земельную ренту, не только промышленную прибыль,—словом, не только всю чистую выручку, но и часть заработной платы, что он опускался до уровня ирландского фермера,—и все это на том основании, что он—частный собственник.

Процесс этот ускорился во Франции постоянно возrastавшим бременем налогов и судебными издержками. Последние вызывались частью непосредственно теми формальностями, которыми французское законодательство обставляет землевладение, частью бесчисленными конфликтами между владельцами всюду соприкасающихся и перекрещивающихся парцелл, частью же страстью к тяжбам крестьян, у которых все наслаждение собственностью сводится к фанатическому отстаиванию этой воображаемой собственности, т.-е. права на собственность.

По статистическим данным 1840 г., валовой земледельческий продукт Франции исчислен в 5.237.178.000 франков. Отсюда следует вычесть 3.552.000.000 франков на издержки по обработке, со включением потребленного работавшими людьми. Остается чистый продукт в 1.685.178.000 франков, из которых 550 миллионов надо скинуть на проценты по ипотекам, 100 миллионов на чиновников судебного ведомства, 350 миллионов на налоги и 107 миллионов на расходы по записям, гербовым сборам, пошлинам, на заключение ипотек и т. д. Остается третья часть чистого продукта, 538 миллионов, т.-е. менее 25 франков на одну душу населения. В этом исчислении не нашли себе места, конечно, ни ростовщик, ссуда которого носит внеипотечный характер, ни издержки на адвокатов и т. д.

Теперь понятно положение французских крестьян, когда республика прибавила к их старому бременю новое. Ясно, что эксплуатация их отличается от эксплуатации промышленного пролетариата только формой. Эксплоататор один и тот же: капитал. Отдельные капиталисты эксплуатируют отдельных крестьян ипотекой и ростовщичеством. Класс капиталистов эксплуатирует класс крестьян государственными налогами. Титул собственника—это тот талисман, которым капитал связывал до сих пор крестьянина, тот мотив, которым он пользовался, чтобы на-

травливать крестьянина на промышленный пролетариат. Только падение капитала может поднять крестьян; только антикапиталистическое, пролетарское правительство может покончить с его экономической нищетой, с его общественной деградацией. Конституционная республика, это—диктатура его объединенных эксплуататоров; социал-демократическая, красная республика, это—диктатура его союзников. А чашка весов подымается или опускается, смотря по голосам, которые крестьянин опускает в избирательную урну. Его судьба в его собственных руках.— Так говорили социалисты в памфлетах, альманахах, календарях и всякого рода листках. Этот язык стал понятнее крестьянину благодаря полемическим сочинениям партии порядка, которая с своей стороны обращалась к нему и грубым преувеличением, грубым пониманием и изложением стремлений и идей социалистов попадала в настоящий крестьянский тон и раздражала его жадное желание запретного плода. Но всею понятнее говорили опыт, вынесенный крестьянским классом из применения права голоса, и те разочарования, которые в революционной горячке удар за ударом обрушивались на него. Революции—локомотивы истории.

Постепенный поворот в крестьянах обнаруживался в различных симптомах. Он проявился уже на выборах в законодательное собрание, он проявился в осадном положении пяти граничащих с Лионом департаментов, он проявился несколько месяцев спустя после 13 июня в выборе департаментом Жиронды монтаньяра на место бывшего президента *chambre introuvable* ¹⁾; он проявился и 20 декабря 1849 г. в избрании красного на место умершего легитимистского депутата в департаменте *du Gard*, в этой обетованной земле легитимистов, в которой разыгрывались самые ужасные гнусности против республиканцев 1794 и 1795 гг., в этой центральной резиденции *terreur blanche* [белого террора] 1815 г., где всенародно убивались либералы и протестанты. Это революционизирование неподвижнейшего класса

---

¹⁾ «Небывалая палата». Так называется в истории фанатически ультрароялистская и реакционная палата депутатов, избранная в 1815 году непосредственно после второго падения Наполеона.

всего очевиднее проявилось после восстановления налога на вино. Правительственные мероприятия и законы, изданные в январе и феврале 1850 г., почти исключительно направились против департаментов и крестьян,—убедительнейшее доказательство их прогресса.

Циркуляр Опуля, которым жандарм призывался к инквизиции над префектом, подпрефектом и прежде всего мером, которым шпионство организовалось повсюду, вплоть до отдаленнейших деревенских общин; закон против школьных учителей, которым они,—умственные силы вожди, воспитатели и толмачи крестьянского класса,—отдавались на произвол префектов, они, пролетарии класса ученых, подобно дичи, которую травят, изгонялись из одной коммуны в другую; законопроект против меров, который ставил их под Дамоклов меч отрешения от должности и каждую минуту отдавал их, этих президентов крестьянских общин, под власть президента республики и партии порядка; ордонанс, который 17 военных округов Франции превращал в четыре пашалыка, а казарму и бивак даровал французам, как национальный салон; закон об обучении, которым партия порядка объявляла неосознанность и насильственное притупление Франции условием ее существования при режиме всеобщего избирательного права,—что представляли все эти законы и мероприятия? Отчаянные попытки опять завоевать для партии порядка департаменты и крестьян департаментов.

Как репрессия, это — жалкие средства: они сами свертывали шею своей собственной цели. Серьезные мероприятия, как сохранение налога на вино, 45-сантимного налога, ироническое отклонение крестьянских петиций о возврате миллиарда и т. п.,—все эти законодательные громовые удары разом, оптом обрушились на крестьян из одного центра. Приведенные законы и мероприятия повсеместно, во всех хижинах, поставили на очередь дня вопрос о нападении и сопротивлении; они привели революцию к каждой деревне, они локализовали и омужичили революцию.

С другой стороны, эти предложения Бонапарта, их принятие национальным собранием,—не доказывает ли это единства обеих властей конституционной республики, раз

дело идет о подавлении анархии, т.-е. всех классов, восстающих против диктатуры буржуазии? Разве Бонапарт тотчас же после своего грубого послания не уверил законодательное собрание в своей преданности порядку непосредственно последовавшим посланием Карлье, этой грязно-банальной карикатуры на Фуше, подобно тому как и сам Луи-Бонапарт был плоской карикатурой Наполеона?

Закон о народном образовании ¹⁾ раскрывает перед нами союз юных католиков и старых вольтерьянцев. Господство объединенных буржуа,—могло ли оно быть чем-либо иным, как не объединенным деспотизмом дружественной иезуитам реставрации и вольнодумничающей июльской монархии? То оружие, которым буржуазные фракции снабдили народ во время своей взаимной борьбы из-за верховной власти,—не следовало ли снова исторгнуть это оружие из рук народа, раз теперь он противостоит их соединенной диктатуре? Ничто, даже отклонение *concordats à l'amiable*, не возмутило так парижского лавочника, как кокетливое выставление иезуитства.

Между тем продолжались столкновения как между различными фракциями партии порядка, так и между национальным собранием и Бонапартом. Национальному собранию не особенно-то понравилось, что Бонапарт тотчас после своего *coup d'état*, после создания своего собственного бонапартистского министерства, потребовал к себе произведенных теперь в префекты инвалидов монархии и сделал их служебной обязанностью противоконституционную агитацию за переизбрание его в президенты. Не понравилось национальному собранию и то, что Карлье отпраздновал свое назначение закрытием одного легитимистского клуба, что Бонапарт основал собственную газету «*Le Napoleon*», которая выдавала публике тайные вожеления президента, тогда как его министры должны были отречься от них на трибуне законодательного собрания, не понравилось ему упорное сохранение министерства, несмотря на ряд вотумов недоверия ему; не понравилась попытка приобрести расположение унтер-офицеров прибавкой четырех су в день и рас-

---

¹⁾ [Отмененный лишь в начале XX века закон Фаллу, отдававший во власть духовенства низшие и средние школы.]

положение пролетариата плагиатом из *Mystères* Евгения Сю и посредством банка для выдачи почетных ссуд; не понравилось, наконец, бесстыдство, с которым заставили министров предложить ссылку в Алжир оставшихся июньских инсургентов, чтобы оптом свалить непопулярность на законодательное собрание, тогда как президент предоставлял себе самому приобретать популярность в розницу отдельными актами помилования. Тьер обронил угрожающие слова насчет «*coup d'état*» и «*coup de tête*», а законодательное собрание мстило за себя Бонапарту тем, что отвергало всякий законопроект, вносимый Бонапартом для себя лично, и подвергало шумливо-недоверчивому рассмотрению всякий законопроект, вносимый Бонапартом в общих интересах: не поведет ли он, увеличивая исполнительную власть, к усилению личной власти Бонапарта. Одним словом, Законодательное собрание мстило заговором презрения.

Партия легитимистов с своей стороны с досадой видела, что более покровительствуемые орлеанисты снова захватывают почти все должности, что возрастает централизация, тогда как своего спасения они принципиально искали в децентрализации. И действительно, контр-революция насильственно централизовала, т.-е. она подготавливала механизм революции. Принудительным курсом банковых билетов она централизовала даже золото и серебро Франции в Парижском Банке и создавала таким образом готовый военный фонд для революции.

Орлеанисты, наконец, с досадой видели, что вынырнувший принцип легитимности противопоставлен их принципу незаконнорожденной легитимности, а их самих постоянно осаживают и оскорбляют, как мещанку-жену благородного супруга.

Мы видели, как мало-по-малу крестьяне, мелкие буржуа, вообще средние сословия становились рядом с пролетариатом, быстро приводились к открытому антагонизму с официальной республикой, трактовались ею как противники. Протест против диктатуры буржуазии, потребность в изменении общества, сохранение демократически-республиканских учреждений, как органов движения общества, группировка вокруг пролетариата, как вокруг ре-

шающей революционной силы,—вот общие характерные черты так называемой партии социал-демократии, партии красной республики. Эта партия анархии, как окрестили ее противники, представляет из себя такую же коалицию различных интересов, как и партия порядка. Крайние точки, являющиеся исходной и конечной точкой партии «анархии», так же далеки друг от друга, как самая ничтожная реформа старого общественного беспорядка — и низвержение старого общественного порядка, как буржуазный либерализм — и революционный терроризм.

Уничтожение охранительных пошлин, это — социализм! Ведь оно посягает на монополию промышленной фракции, партии порядка. Урегулирование государственного бюджета — тоже социализм! Ведь оно посягает на монополию финансовой фракции партии порядка. Свободный пропуск из-за границы мяса и хлеба — социализм! Ведь он посягает на монополию третьей фракции партии порядка, крупного землевладения. Требования партии фри-тредеров, т. е. прогрессивнейшей из английских буржуазных партий, тоже представляются во Франции социалистическими требованиями. Вольтерьянство — социализм! Ведь оно нападает на четвертую фракцию партии порядка, католическую. Свобода печати, право ассоциаций, всеобщее народное образование — социализм! Социализм! Они нападают на общую монополию партии порядка.

Ход революции так быстро выяснил положение, что друзья реформы всех оттенков, что самые скромные требования средних классов были вынуждены сгруппироваться вокруг знамени крайней партии переворота, вокруг красного знамени.

Однако, как ни разнороден был социализм различных важных членов партии анархии, — в зависимости от экономических условий и вытекающих из них общих революционных потребностей их класса или фракции класса, — в одном пункте сходились все члены: социализм провозглашает себя средством эмансипации пролетариата, а эмансипацию его — своей целью. Умышленный обман одних, самообман других, именно тех, кто выдает мир, преобразованный согласно их потребностям, за лучший

мир для всех, за осуществление всех революционных требований, за разрешение всех революционных коллизий.

Под звучащими довольно одинаково общими социалистическими фразами «партии анархии» скрывается социализм «National'я», «Presse'я» и «Siècle'я», — социализм, который более или менее последовательно хочет низвергнуть господство финансовой аристократии и освободить промышленность и обращение от их старых оков. Это — социализм промышленности, торговли и земледелия, вожди которых, примкнувшие к партии порядка, нарушают интересы промышленности, торговли и земледелия, поскольку последние не совпадают с их частными монополиями. От этого буржуазного социализма, — который, как и всякий убогодичный вид социализма, разумеется, привлек часть рабочих и мелких буржуа, — отличается собственно мелко-буржуазный социализм, социализм *par excellence*. Капитал преследует класс мелкой буржуазии главным образом как кредитор, — он требует учреждений для кредита. Капитал давит этот класс конкуренцией, — он требует ассоциаций с поддержкой от государства. Капитал побеждает его концентрацией, — он требует прогрессивных налогов, ограничений наследования, выполнения государством крупных работ, требует других мероприятий, которые насильственно задерживают рост капитала. Так как этот класс мечтает о мирном проведении своего социализма, не ставя в счет какую-нибудь краткую вторую февральскую революцию, то естественно, что грядущий исторический процесс представляется ему приложением систем, которые выдумывают или выдумали мыслители общества, как целые компании или как отдельные изобретатели. Таким образом здесь вырабатываются эклектики или адепты существующих социалистических систем, доктринерского социализма, который был теоретическим выражением пролетариата, пока последний еще не доразвился до самостоятельного, свободного исторического движения.

Таким образом утопия, доктринерский социализм, подчиняет все движение одному из его моментов, подставляет на место коллективного, общественного производства мозговую деятельность отдельного педанта и, глав-

ное, революционную борьбу классов во всей ее необходимости устраняет в своей фантазии мелкими фокусами и большими сентиментальностями. Этот доктринерский социализм в сущности только идеализирует современное общество, снимает с него портрет без теней и хочет провести свой идеал наперекор действительности общества. И вот в то время, как этот социализм отступает от пролетариата к мелкой буржуазии, в то время, как борьба различных социалистических главарей между самими собой обнаруживает в каждой из них так называемых систем просто претенциозную фиксацию одного из переходных пунктов социального переворота в противоположность другим,—в это время пролетариат все решительнее группируется вокруг революционного социализма, вокруг коммунизма для которого сама буржуазия изобрела имя Бланки. Этот социализм есть провозглашение непрерывной революции, классовая диктатура революции, классовая диктатура пролетариата, как необходимый переходный пункт к уничтожению классовых различий вообще, к уничтожению всех производственных отношений, на которых основаны эти различия, к уничтожению всех общественных связей, соответствующих этим производственным отношениям, к перевороту во всем мире идей, возникающих из этих общественных отношений.

Размеры нашей работы не позволяют подробнее остановиться на этом предмете.

Мы видели, что, как во главе партии порядка неизбежно должна была выступить финансовая аристократия, так во главе партии «анархии» — пролетариат. В то время, как различные классы, объединившиеся в революционную лигу, группировались вокруг пролетариата, в то время, как департаменты становились все более ненадежными, а само законодательное собрание обнаруживало все большее недовольство притязаниями французского Зулука, подошли долго откладывавшиеся и задерживавшиеся дополнительные выборы на освободившиеся места монтаньаров, изгнанных 13 июня.

Правительство, презираемое своими врагами, третируемое и постоянно унижаемое своими мнимыми друзьями, видело только одно средство выйти из невыносимого и шаткого

положения — м я т е ж. Мятеж в Париже позволил бы объявить Париж и департаменты на осадном положении и таким образом распоряжаться выборами. С другой стороны, друзья порядка, чтобы самим не показаться анархистами, были бы вынуждены сделать уступки правительству, которое победило анархию.

Правительство принялось за работу. В начале февраля 1850 года оно провоцировало народ рубкой деревьев свободы. Тщетно. Если деревья свободы и потеряли свое место, то оно само потеряло голову и в ужасе отшатнулось от своей собственной провокации. Национальное же собрание с холодным как лед недоверием отнеслось к этой неуклюжей попытке Бонапарта эмансипироваться. Не больший успех имело удаление венков из иммортелей с июльской колонны. Оно послужило части армии поводом для революционных демонстраций, а национальному собранию — для более или менее замаскированного вотума недоверия против министерства. Тщетно правительственная пресса угрожала отменой всеобщего избирательного права и нашествием казаков. Тщетен был и прямой вызов Опуля, который в законодательном собрании приглашал левую выйти на улицу, тщетно его заявление, что правительство готово ее принять. Опуль ничего не достиг, кроме призыва президентом к порядку, а партия порядка с затаенным злорадством позволила одному из депутатов левой поднять на смех узурпаторские вождедения Бонапарта. Тщетно было, наконец, и пророчество революции на 24 февраля. Правительство добилось лишь того, что народ игнорировал 24 февраля.

Пролетариат не позволил вызвать себя на мятеж, так как он готовился к революции.

Провокация правительства, только увеличив всеобщее раздражение против существующего порядка, не помешала тому, чтобы избирательный комитет, всецело под влиянием рабочих, выставил трех кандидатов для Парижа: Дефлотта, Видаля и Карно. Дефлотт был один из сосланных за июнь, но получил амнистию благодаря одному из припадков популярничанья Бонапарта. Он был другом Бланки и принимал участие в покушении 15 мая. Видадь был известен, как коммунистический писатель, своей книгой «О распределении богатства»; он был секретарем Луи Блана в люксем-

бургской комиссии. Карно, сын Карно, организатора победы в эпоху Конвента, менее других скомпрометированный член партии «National'я», министр народного просвещения во временном правительстве и исполнительной комиссии, своим демократическим законопроектом о народном образовании представлял собою воплощенный протест против иезуитского закона о народном образовании. Эти три кандидата представляли собой три союзных класса; во главе—июньский инсургент, представитель революционного пролетариата; рядом с ним—доктринер-социалист, представитель социалистической мелкой буржуазии, и, наконец, третий—представитель республиканской буржуазной партии, демократические формулы которой по отношению к партии порядка приобретали социалистический смысл, давно уже потеряв свой собственный. Это была всеобщая коалиция против буржуазии и правительства, как и в феврале. Но на этот раз главою революционной лиги был пролетариат.

Несмотря на все усилия правительства, победили социалистические кандидаты. Даже армия голосовала за июньского инсургента против своего собственного военного министра Лагитта. Партия порядка была поражена, как громом. Выборы в департамент не утешили ее: они дали большинство монтаньяров.

Выборы 10 марта 1850 года! Это была отмена июня 1848 года: убийцы и тюремщики июньских инсургентов возвратились в национальное собрание, но согбенные, в сопровождении сосланных, с их принципами на устах. Это была отмена 13 июня 1849 года: изгнанная национальным собранием Гора возвратилась в национальное собрание, но как подталкиваемый трубач революции, а не как ее командир. Это была отмена 10 декабря: Наполеон провалился в лице своего министра Лагитта. Парламентская история Франции знает только одну аналогию: пронал д'Осси, министра Карла X, в 1830 году. Выборы 10 марта 1850 года были, наконец, кассацией выборов 13 мая, давших партии порядка большинство. Выборы 10 марта протестовали против выборов 13 мая. 10 марта, это была революция. За избирательными бюллетенями лежат камни мостовых.

«Вотум 10 марта, это—война», воскликнул Сегюр Дагессо, один из самых передовых членов партии порядка.

10 марта 1850 года конституционная республика вступает в новую фазу—в фазу своего разложения. Различные фракции большинства снова соединены между собой и с Бонапартом. Они—снова спасители порядка, он—снова их нейтральный человек. Если они и вспоминают о том, что они роялисты, то разве лишь потому, что отчаиваются в возможности буржуазной республики; если он вспоминает, что он—президент, то это случается лишь потому, что он отчаивается остаться президентом.

На избрание июньского инсургента Дефлотта Бонапарт по команде партии порядка отвечает назначением Бароша министром внутренних дел, — Бароша, обвинителя Бланки и Барбеса, Ледрю-Роллена и Гинара. На избрание Карно законодательное собрание отвечает принятием закона о народном образовании; на избрание Видаля—подавлением социалистической прессы. Трубными звуками своей прессы партия порядка старается заглушить свой собственный страх. «Меч священен», — восклицает один из ее органов; «защитники порядка должны перейти в наступление против красной партии», — восклицает другой; «между социализмом и общественностью идет дуэль на жизнь и на смерть,—беспрестанная и беспощадная война. В этой дуэли отчаяния кто-нибудь из двух должен погибнуть. Если общество не уничтожит социализма, то социализм уничтожит общество», — каркает третья ворона порядка. Воздвигайте баррикады порядка, баррикады религии, баррикады, охраняющие семью! Надо покончить с 127.000 избирателей Парижа! Варфоломеевская ночь социалистам! И партия порядка на минуту верит в свою собственную уверенность в победе.

Всего фанатичнее ее органы нападают на «лавочников Парижа». Июньский инсургент Парижа, выбранный в представители лавочниками Парижа! Это значит, что повторение июня 1848 года более невозможно; это значит, что повторение 13 июня 1849 года более невозможно; это значит, что моральное влияние капитала сломлено; это значит, что буржуазное собрание представляет уже только буржуазию; это значит, что крупная собственность погибла, так

как ее вассал, мелкая собственность, ищет своего спасения в лагере неимущих.

Партия порядка возвращается, конечно, к своему неизбежному общему месту. «Побольше репрессий! — восклицает она, — удесятерите репрессии!» Но в десять раз уменьшилась сила ее репрессий, тогда как сопротивление возросло в сто раз. Разве сама армия, главное орудие репрессии, не нуждается в укрощении? И партия порядка произносит свое последнее слово: «железное кольцо удушающей законности» должно быть сломано. Конституционная республика невозможна. Мы должны бороться своим настоящим оружием; с февраля 1848 г. мы боролись с революцией ее оружием и на ее почве; мы приняли ее учреждения; конституция, это — крепость, которая защищает лишь осаждающих, а не осаждаемых! Проскользнув в брюхе троянского коня в священный Илион, мы, не в пример нашим предкам грекам ¹⁾, не завоевали вражеского города, а сами отдались в плен.

Но в основе конституции лежит всеобщее избирательное право. Уничтожение всеобщего избирательного права — вот последние слова партии порядка, диктатуры буржуазии.

Всеобщее избирательное право признало их правыми 24 мая 1848 г., 20 декабря 1848 г., 13 мая 1849 г., 8 июля 1849 года. Всеобщее избирательное право обвинило само себя 10 марта 1850 года. Господство буржуазии, вытекающее из всеобщего избирательного права, являющееся его результатом, выражением верховной воли народа, — вот смысл буржуазной конституции. Но какой же смысл в конституции с того момента, как содержанием этого избирательного права, этой верховной воли, уже не является господство буржуазии! Разве не долг буржуазии урегулировать избирательное право таким образом, чтобы оно впредь желало только разумного, только ее собственного господства? Разве всеобщее избирательное право, беспрестанно уничтожая существующую государственную власть и снова создавая ее из себя, не подрывает таким образом всякую устойчивость, не ставит ежеминутно под вопрос все существую-

¹⁾ Grecs — игра слов: означает и греков и профессиональных шулеров.
Ф. Э.

щие власти, не уничтожает авторитет, не грозит возвести самое анархию на степень авторитета? Кто может еще сомневаться в этом после 10 марта 1850 г.?

Буржуазия, отвергая избирательное право, в которое до сих пор драпировалась и из которого почерпала свое всемогущество, откровенно признается: «Наша диктатура основывалась до сих пор на воле народа, теперь она должна быть утверждена вопреки воле народа». И, оставаясь последовательной, она ищет себе опоры не во Франции, а вне ее, на чужбине, в нашествии.

Призывом нашествия буржуазия, — второй Кобленц¹⁾, раскинувший свой лагерь в самой Франции, — пробуждает против себя все национальные страсти. Нападением на всеобщее избирательное право она дает всеобщее основание к новой революции, а революция нуждается в таком основании. Всякий особый, специальный повод разобщил бы фракции революционной лиги и выдвинул бы их различия. Всеобщий повод, — он ошеломляет полуреволюционные классы, он позволяет им заблуждаться относительно точного характера грядущей революции, относительно последствий их собственных действий. Каждая революция нуждается в банкетном вопросе²⁾. Всеобщее избирательное право, это — банкетный вопрос новой революции.

Объединенные же фракции буржуазии осуждены с того самого времени, как они бегут назад от единственно возможной формы их соединенной власти, от самой сильной и совершенной формы их классового господства, от конституционной республики к низшей, несовершенной, более слабой форме, к монархии. Они уподобляются тому старику, который, чтобы вернуть себе юношескую силу, достает свой детский наряд и пытается втиснуть в него свои увядшие члены. За их республикой остается одна заслуга: она сыграла роль теплицы для революции.

10 марта 1850 года носит надпись: *Après moi le déluge* — после меня хоть потоп!

¹⁾ [Главная квартира эмигрантов-роялистов в эпоху великой революции.

²⁾ [Толчком февральской революции послужило воспрещение банкетов, устраивавшихся за расширение избирательного права.]

IV

Уничтожение всеобщего избирательного права в 1850 году.

(Из двойного выпуска V и VI).

(Продолжение предыдущих трех глав находится в «Обзоре» последнего, пятого и шестого, двойного номера «Новой Рейнской Газеты». Статья начинается с описания разразившегося в Англии в 1847 г. большого торгового кризиса; его влиянием на европейский континент объяснено обострение и осложнение политического положения на континенте,— обострение в февральскую и мартовскую революции 1848 г. Затем показано, как вновь наступившее в 1848 году, а в 1849 году достигшее еще большего развития, процветание торговли и промышленности парализовало революционный подъем и сделало возможными одновременные победы реакции. Далее говорится специально о Франции).

Те же симптомы обнаружили и во Франции с 1849 г. и в особенности с начала 1850 года. Различные отрасли парижской промышленности завалены работой; хлопчатобумажные фабрики Руана и Мюльгаузена работают тоже достаточно хорошо, хотя высокие цены сырого материала, как и в Англии, оказали свое тормозящее действие. Расцвету промышленности и торговли во Франции особенно способствовали широкая таможенная реформа в Испании и понижение пошлин на различные предметы роскоши в Мексике; вывоз французских товаров на эти два рынка значительно увеличился. Возрастание капиталов привело во Франции к развитию спекуляции, толчком для которой послужила эксплуатация калифорнских золотоносных рудников в крупном масштабе. Появилась масса таких компа-

ний, которые низкой ценой своих акций и социалистически окрашенными объявлениями непосредственно рассчитаны на карманы мелких буржуа и рабочих, но которые все без исключения оказались потом мошенничеством чистейшей воды,—таким мошенничеством, на какое способны лишь французы да китайцы. Одно из таких обществ пользовалось прямым покровительством правительства. Ввозные пошлины во Франции за первые 9 месяцев 1848 года дали 63 миллиона франков, 1849 г.—95 миллионов франков и 1850 г.—93 миллиона франков. В сентябре 1850 г. они еще возросли более чем на миллион франков против того же месяца 1849 года. Вывоз также увеличился в 1849 году и еще больше—в 1850 году.

Самым убедительным доказательством восстановления промышленного процветания служит то обстоятельство, что по закону 6 сентября 1850 года банк снова стал производить платежи золотом. 15 марта 1848 года банку было предоставлено прекратить платежи золотом. В то время его билетов,—включая и провинциальные банки,—было в обращении на сумму в 373 милл. франков (14.920.000 фунтов стерлингов); 2 ноября 1849 года их было в обращении на 482 милл. франков, или на 19.280.000 фунтов стерлингов,—прирост в 4.360.000 фунтов стерл.; 2 сентября 1850 года—496 милл. франков, или 19.840.000 фунт. стерл.,—прирост приблизительно 5 мил. фунтов. При этом не произошло никакого обесценения билетов; напротив, увеличение количества билетов в обращении сопровождалось постоянно возрастающим накоплением золота и серебра в кладовых банка, так что летом 1850 г. денежная наличность составляла приблизительно 14 милл. фунтов стерлингов,—для Франции неслыханную сумму. То обстоятельство, что перед банком открылась такая широкая возможность увеличить обращение, а вместе с тем увеличить и свой находящийся в обороте капитал на 123 милл. франков, или на 5 милл. фунтов стерл., самым неопровержимым образом доказывает, как справедливо было наше утверждение в одном из предъидущих выпусков, что финансовая аристократия не только не была низвергнута революцией, а, напротив, еще более укрепилась. Этот результат станет еще более очевидным из следующего обзора французского законодательства о банках

за последние годы. 10 июня 1847 года банк получил право выпускать билеты стоимостью от 200 франков, между тем как до тех пор самыми мелкими были билеты в 500 франков. Декретом 15 марта 1848 года билеты французского банка были объявлены законной монетой, и банк освобожден от обязанности обменивать их на золото. Размер выпуска билетов банком ограничен 350 миллионами франков. Одновременно он получил право выпускать билеты от 100 франков. Декрет от 27 апреля предписывает слияние департаментских банков с французским банком, декрет от 2 мая 1848 года увеличил выпуск билетов до 442 милл. франков. Декрет от 22 декабря 1849 года поднял максимум выпуска билетов до 525 милл. франков. Наконец, закон 6 сентября 1850 года снова установил обмен билетов на звонкую монету. Эти факты: постоянный рост обращения, концентрация всего французского кредита в распоряжении банка и скопление всего французского золота и серебра в кладовых банка, привели господина Прудона к заключению, что теперь банку пора сбросить свою змеиную кожу и превратиться в прудоновский народный банк. Он мог и не знать истории ограничения банков в Англии за 1797—1819 годы: ему стоило только бросить взгляд по ту сторону Ламанша, чтобы понять, что этот для него неслыханный в истории буржуазного общества факт есть в действительности не что иное, как самое нормальное буржуазное явление, и что лишь во Франции оно теперь наступало впервые. Мнимо-революционные теоретики, пользовавшиеся наибольшим влиянием после временного правительства, были, очевидно, столь же несведущи относительно природы и результатов предпринимаемых мер, как и сами господа члены временного правительства. Несмотря на расцвет промышленности и торговли, который вдруг выпал на долю Франции, масса населения, 25 миллионов крестьян, переживает угнетенное положение. Хорошие урожаи последних годов понизили цены на хлеб во Франции еще больше, чем в Англии, и положение задолженных, истощенных ростовщицеством и придавленных налогами крестьян далеко не блестящее. Но история последних трех лет достаточно доказала, что этот класс населения совершенно неспособен к революционной инициативе.

Период расцвета, так же как и период кризиса, на континенте наступил позже, чем в Англии. Первоначальный процесс всегда совершается в Англии; это — Демиург буржуазного космоса. На континенте различные фазы цикла, который непрерывно пробегает буржуазное общество все снова и снова, выступают во вторичной и третичной формах. Во-первых, континент вывозит в Англию несравненно больше, чем в какую-либо другую страну. Но этот вывоз в Англию в свою очередь всегда зависит от положения Англии, в особенности по отношению к заатлантическому рынку. Затем Англия вывозит в заокеанские страны несравненно больше, чем весь континент, так что количество континентального экспорта в эти страны всегда находится в зависимости от заокеанского вывоза Англии. Поэтому, хотя кризисы и вызывают революции прежде всего на континенте, но причина их всегда заложена в Англии. Естественно, что насильственные вспышки происходят раньше в конечностях буржуазного организма, чем в его сердце, так как здесь урегулирование скорее возможно, чем там. С другой стороны, степень того обратного действия, которое континентальные революции оказывают на Англию, служит показателем того, насколько эти революции действительно затрагивают жизненные отношения буржуазного общества или же касаются только их политических форм.

При таком всеобщем процветании, когда производительные силы буржуазного общества развиваются настолько пышно, насколько это вообще возможно при буржуазных отношениях, о действительной революции не может быть речи. Такая революция возможна только в периоды, когда вступают в противоречие друг с другом эти два фактора: современные производительные силы и буржуазные формы производства. Всевозможные раздоры, в которые вступили теперь, компрометируя друг друга, представители отдельных фракций континентальной партии порядка, далеки от того, чтобы дать повод к новым революциям. Напротив, они только потому и возможны, что основа отношений в настоящее время так прочна и, чего не знает реакция, так буржуазна. От нее отскочат все задерживающие буржуазное развитие реакционные попытки, равно как и все нравственное возмущение и все пламенные

прокламации демократов. Новая революция возможна лишь в сопровождении нового кризиса. И она так же неизбежна, как этот последний.

Переходим теперь к Франции.

Победа, одержанная народом в союзе с мелкими буржуа на выборах 10 марта, была им же самым аннулирована новыми выборами 28 апреля, вызванными им же самим. Кроме Парижа, Видаль был еще выбран и на Нижнем Рейне. Парижский комитет, в котором были сильно представлены Гора и мелкая буржуазия, заставил его принять избрание от Нижнего Рейна. Победа 10 марта перестала быть решительной; окончательное решение было снова отсрочено. Напряжение сил народа ослабело; его приучили к легальным триумфам вместо революционных. Наконец, кандидатура Евгения Сю, этого сентиментально-мелкобуржуазного социал-фантаста, — кандидатура, которую пролетариат мог принять только разве как шутку в угоду гризеткам, — совсем уничтожила революционный смысл 10 марта и реабилитацию июньского восстания. Партия порядка, которую нерешительная политика противника сделала смелее, противопоставила этой благонамеренной кандидатуре кандидата, долженствовавшего представить собой июньскую победу. Этот комический кандидат был спартанский отец семейства Леклерк, с которого печать потом сорвала часть за частью его героическое вооружение и который на выборах пережил блестящее поражение. Новая победа на выборах 28 апреля сделала заносчивыми Гору и мелкую буржуазию. Они ликовали при одной мысли достигнуть цели своих стремлений чисто-легальным путём, без новой революции, которая опять выдвинула бы пролетариат на авансцену. Они твердо рассчитывали на то, что на новых выборах 1852 года всеобщее избирательное право даст им возможность посадить г. Ледрю-Роллена на президентское кресло и провести в собрание монтаньярское большинство. Партия порядка, которую дополнительные выборы, кандидатура Евгения Сю, настроение Горы и мелкой буржуазии окончательно убедили в том, что последние решили сохранить спокойствие при всяких обстоятельствах, ответила на обе выборные победы избирательным законом, уничтожившим всеобщее избирательное право.

Правительство остерегалось взять этот законопроект на свою собственную ответственность. Оно сделало большинству кажущуюся уступку, предоставив разработку законопроекта главарям большинства, «семнадцати бургграфам». Итак, не правительство предложило собранию, а большинство собрания предложило самому себе отмену всеобщего избирательного права.

8 мая проект был внесен в палату. Вся социал-демократическая печать поднялась как один человек, чтобы проповедовать народу достойное поведение, *calme majestueux* [величественное спокойствие], пассивность и доверие к своим представителям. Каждая статья этих газет звучала сознанием, что революция прежде всего уничтожила бы так называемую революционную прессу, и что таким образом дело идет теперь об ее самохранении. Мнимо-революционная пресса выдала всю свою тайну. Она подписала свой собственный смертный приговор.

21 мая Гора поставила на обсуждение предварительный вопрос и требовала отклонения всего проекта, так как он нарушает конституцию. Партия порядка ответила, что конституция будет нарушена, если бы в этом явилась нужда, между тем теперь этого не требуется, так как конституция подлежит какому угодно истолкованию, и только большинство компетентно в решении, какое истолкование конституции правильно. Необузданно-диким нападкам Тьера и Монталамбера Гора противопоставила благопристойный и образованный гуманизм. Она ссылалась на почву права; партия порядка отослала ее к почве, на которой вырастает право, — к буржуазной собственности. Гора жаловалась: неужели, действительно, всеми силами хотят вызвать революции? Партия порядка отвечала: посмотрим!

22 мая с предварительным вопросом покончили большинством 462 против 227 голосов. Те самые люди, которые с такой торжественной основательностью доказывали, что, давая отставку своему доверителю, народу, избранное им национальное собрание и каждый отдельный депутат сами подают в отставку, и все время сидели на месте, теперь вдруг захотели заставить народ действовать вместо себя, — правда, только петициями, — и остались неподвижными на местах даже тогда, когда 31 мая закон блестяще прошел.

Они пытались отомстить за себя протестом, в котором они занесли в протокол свою невинность в деле изнасилования конституции, но даже и этот протест передали не открыто а контрабандой, из-за спины всунули в карман президента

Армия в 150.000 человек в Париже, длинная проволочка с решением, влиятье прессы, малодушие Горы и вновь избранных представителей, величественное спокойствие мелких буржуа, а прежде всего расцвет торговли и промышленности не оставляли места какой бы то ни было революционной попытке со стороны пролетариата.

Всеобщее избирательное право исполнило свою миссию. Большинство народа прошло ту школу развития, которой это право может послужить только в революционную эпоху. Его должна была устранить революция или реакция.

с Еще больше энергии проявила Гора при одном новом вскоре разыгравшемся эпизоде. Военный министр д'Опуль трибуны назвал февральскую революцию злополучной катастрофой. Ораторам Горы, которые, как и всегда, отличились шумихой нравственного негодования; президент Дюпон не дал слова. Жиарден предложил Горе немедленно в полном составе покинуть собрание. Результат: Гора осталась сидеть, а Жиарден, как недостойный, был исторгнут из ее ложа.

Избирательный закон нуждался еще в одном дополнении: в новом законе о печати. Оно не заставило себя долго ждать. Предложение правительства, в значительной степени усиленное поправками партии порядка, повышало залогов, палагало особую пошлину на фельетонные романы (ответ на избрание Евгения Сю), вводило налог на все работы, издаваемые еженедельными или ежемесячными выпусками размером до известного количества печатных листов, и требовало в конце концов, чтобы всякая журнальная статья была подписана именем автора. Постановления относительно залогов убили так называемую революционную прессу: народ видел в ее гибели удовлетворение за отмену всеобщего избирательного права. Между тем тенденция и действие этого нового закона распространялись не только на эту часть прессы. До тех пор, пока газетная пресса была анонимна, она являлась органом бесчисленно-безыменного общественного мнения; она была третьей властью в государстве. Подписывание каждой статьи низводило газету до

простого сборника литературных статей более или менее известных личностей. Каждая статья падала до степени объявления. До сих пор газеты циркулировали, как бумажные деньги общественного мнения; теперь они разменялись на более или менее плохие соло-векселя, качество и обращение которых зависят не только от кредита векселедателя, но и от кредита индоссента. Пресса партии порядка подстрекала как к отмене всеобщего избирательного права, так и к крайним мерам по отношению к дурной прессе. Между тем и хорошая пресса своей отталкивающей анонимностью была неудобна партии порядка, а еще больше ее отдельным провинциальным представителям. Партия порядка хотела иметь дело лишь с оплаченным писателем, с именем, местом жительства и описанием примет. Напрасно жаловалась хорошая пресса на ту неблагодарность, какою оплачивали за ее услуги. Закон прошел, и постановление относительно обозначения имен прежде всего поразило хорошую прессу. Имена республиканских газетных писателей были довольно известны, но жалкую фигуру представили из себя почтенные фирмы: «*Journal des Débats*», «*Assemblée Nationale*», «*Konstitutionnel*» и т. д., и т. д., со своей превыспренней государственной мудростью. Тайнственная компания их вдруг распалась на продажных *penny-a-liners* [людей «по семитке за строку»], людей с большим опытом, защищавших что угодно за плату чистоганом, в роде Гранье де-Кассаньяка на старую ветошь, именующую себя государственными деятелями, в роде Кацефига, на кокетничающих щелкунов, в роде г. Лемуана из «*Débats*».

Во время дебатов по поводу закона о печати Гора дошла уже до такой степени моральной приниженности, что ей пришлось ограничиться одобрительным рукоплесканием блестящим тирадам старой луи-филипповской именитости, господина Виктора Гюго.

С избирательным законом и законом о печати революционная и демократическая партия сходит с официальной арены. Перед тем как отправиться домой вскоре по окончании сессии, обе фракции Горы — социалистические демократы и демократические социалисты — выпустили два манифеста, два *testimonia paupertatis*, в которых они доказывали, что, если сила и успех никогда не были на их стороне, зато они все-

гда были на стороне вечного права и всех прочих вечных истин.

Посмотрим теперь на партию порядка. «Новая Рейнская Газета» в III нумере, на стр. 16, говорила: «Против реставраторских стремлений объединенных орлеанистов и легитимистов Бонапарт выдвигает название своей фактической власти — республику. В противоположность реставраторским вожделениям Бонапарта партия порядка является представительницей имени своего совместного господства — республики. Орлеанисты против легитимистов, легитимисты против орлеанистов защищают status quo: — республику. Все эти фракции партии порядка, имеющие en petto каждая своего собственного короля и свою собственную реставрацию, узурпаторским и мятежническим стремлениям своих соперников взаимно противопоставляют общее господство буржуазии, форму, которая нейтрализует и сдерживает их особые претензии, — республику»... II Тьер выразил более правильную мысль, чем подозревал, сказав: «Мы, роялисты, — истинные устои конституционной республики».

Эта комедия républicains malgré eux, республиканцев наперекор «им», отвращение к status quo и его постоянное укрепление; непрерывные трения между Бонапартом и национальным собранием; постоянно повторяющаяся опасность для партии порядка разложиться на свои отдельные составные части и постоянно возобновляемое соединение ее фракций; попытка каждой фракции обратить каждую победу над общим врагом в поражение временных союзников; взаимная зависть, подвохи, травля, неутомимое громохание мечами, неизменно оканчивающиеся baiser Lamourette, ламуретовским поцелуем ¹⁾, — вся эта безотрадная комедия ошибок никогда еще не развивалась столь классически, как в течение последних шести месяцев.

Партия порядка смотрела на избирательный закон, между прочим как на победу над Бонапартом. Разве правительство не ступало, возложив на комиссию семнадцати редакцию своего проекта и ответственность за него? Разве глав-

---

¹⁾ [7 июля 1791 г. по инициативе Ламурета в Законодательном Собрании была разыграна сентиментальная комедия примирения всех партий между собою и Собрания с королем.]

ная сила Бонапарта по отношению к собранию не основывалась на том, что он был избранником шести миллионов?— Бонапарт в свою очередь смотрел на избирательный закон как на уступку собранию, которой он купил гармонию законодательной и исполнительной власти. В виде вознаграждения вульгарный авантюрист потребовал увеличения своего гражданского листа на 3 миллиона. Могло ли национальное собрание вступить в конфликт с исполнительной властью в тот момент, когда оно громадному большинству французов объявило опалу? Оно сердито воспрянуло; казалось, что оно пойдет на крайности. Его комиссия отклонила предложение. Бонапартистская пресса угрожала и указывала на ограбленный, лишенный своего избирательного права народ. Сделано было множество шумных попыток примирения, и собрание уступило на деле, отомстив за себя в то же время в принципе. Вместо ежегодного принципиального увеличения гражданского листа на 3 миллиона оно определило Бонапарту пособие в 2.160.000 франков. Не удовлетворившись этим, оно и эту уступку сделало лишь после того, как ее поддержал Шангарнье, генерал партии порядка и непрощенный покровитель Бонапарта. Таким образом оно выдало эти 2 миллиона собственно не Бонапарту, а Шангарнье.

Этот подарок, брошенный неохотой, *de mauvaise grace*, и Бонапартом был принят в том смысле, как он выдавался. Бонапартистская пресса снова зашумела против национального собрания. Когда во время дебатов по поводу закона о печати была внесена поправка о подписании статей, специально направленная против второстепенных газет, защищавших частные интересы Бонапарта, главный орган бонапартистов «*Pouvoir*» сделал открытую и жестокую вылазку против национального собрания. Министрам пришлось перед законодательным собранием отречься от газеты. Редактор «*Pouvoir*’а» был вызван к решетке национального собрания и приговорен к высшему денежному штрафу в 5.600 франков. На другой день «*Pouvoir*» поместил еще более дерзкую статью против собрания, а суд в отместку за правительство тогда же подверг преследованию несколько легитимистских органов за нарушение конституции.

Наконец, приступили к вопросу об отсрочке заседания палаты. Бонапарт желал этого, чтобы действовать без по-

мехи со стороны собрания. Партия порядка желала того же, частью для успеха своих фракционных интриг, частью для того, чтобы отдельные депутаты получили возможность преследовать свои частные интересы. Отсрочка требовалась Бонапарту и собранию, чтобы упрочить и расширить в провинции победы реакции. Поэтому собрание отсрочило свои заседания с 11 августа до 11 ноября. А так как Бонапарт отнюдь не скрывал, что он стремится просто избавиться от тягостного надзора нац. собрания, то оно на самый вотум доверия [наложило печать недоверия к президенту. В постоянную комиссию из 28 членов, которые на время каникул остались на страже добродетели республики, не вошел ни один бонапартист. Вместо того выбрали даже несколько республиканцев из «Siècle'я» и «National'я» с целью доказать президенту приверженность большинства к конституционной республике.

Незадолго до, а в особенности непосредственно после отсрочки заседаний палаты казалось, что обе фракции порядка, орлеанисты и легитимисты, хотят примириться, средством для чего должно было послужить слияние обоих королевских домов, под знаменами которых они боролись. Газеты были полны проектами примирения, обсуждавшимися у одра болезни Луи-Филиппа в С.-Леонарде, как вдруг смерть Луи-Филиппа упростила положение. Луи-Филипп был узурпатор, Генрих V—ограбленный, а граф Парижский [внук Луи-Филиппа] при бездетности Генриха V был его законным наследником. Теперь было устранено всякое препятствие к слиянию интересов обеих династий. Но именно теперь обе фракции буржуазии впервые открыли, что их разделяло не фанатическое отношение к определенному королевскому дому, а что скорее противоречие их классовых интересов разделяет обе династии. Легитимисты, отправившиеся на поклонение ко двору Генриха V в Висбаден, как их конкуренты отправились в С.-Леонард, получили здесь известие о смерти Луи-Филиппа. Они тотчас образовали министерство *in partibus infidelium*, составившееся преимущественно из членов комиссии, которая была оставлена на страже добродетели республики; по случаю происходившей в партии распри министерство выступило с откровен-

нейшим возвещением права милостию божией. Орлеанисты радовались компрометирующему скандалу, вызванному этим манифестом в печати, и нисколько не скрывали своей открытой вражды к легитимистам.

Во время отсрочки заседаний национального собрания открылись собрания генеральных советов. Большинство их высказалось за более или менее ограниченный пересмотр конституции. Это означало, что высказывались за монархическую реставрацию, которой не определяли более точно, высказывались за „развязку“ и тут же признавали, что чувствуют себя слишком некомпетентными и слишком трусливыми, чтобы найти эту развязку. Бонапартистская фракция тотчас же истолковала это желание пересмотра в смысле продления президентства Бонапарта.

Конституционная развязка: отставка Бонапарта в мае 1852 г., своевременное избрание нового президента всеми избирателями страны, пересмотр конституции палатой, избранной для пересмотра в первые месяцы нового президентства,—все это совершенно недопустимо для господствующего класса. День избрания нового президента был бы днем встречи для всех враждебных партий: легитимистов, орлеанистов, буржуазных республиканцев, революционеров. Это повело бы к тому, что спор между различными фракциями был бы решен насилием. Если бы партии порядка и удалось объединиться на кандидатуре какого-нибудь нейтрального лица, стоящего вне династических фамилий, то против него опять-таки выступил бы Бонапарт. В своей борьбе с народом партия порядка принуждена постоянно усиливать исполнительную власть. Всякое усиление исполнительной власти увеличивает силу ее носителя Бонапарта. Поэтому, увеличивая свою общую силу, партия порядка в той же мере усиливает средства борьбы, которые стоят за династическими притязаниями Бонапарта, она увеличивает его шансы насильственно опрокинуть в решительный день все планы конституционной развязки. Бонапарт, выступая против партии порядка, так же не постеснится перед одной из основ конституции, как сама эта партия, изменяя избирательный закон, не постеснялась по отношению к народу перед другой основой. Возможно, что он даже притворно

апеллировал бы против собрания к всеобщему избирательному праву. Словом, конституционная развязка колеблет все политическое status quo, а за покушением на status quo буржуа видит хаос, анархию, гражданскую войну. Он уже видит, как в первое майское воскресенье 1852 года¹⁾ на карту будут поставлены его покупки и продажи, его векселя, его браки, нотариальные договоры, его ипотеки, земельные ренты, квартирные платы, прибыль, все контракты и источники доходов; а такому риску он подвергаться не хочет. За опасностью для политического status quo кроется опасность разрушения всего буржуазного общества. Единственно возможная развязка в духе буржуазии, это—отсрочка развязки. Только она может спасти конституционную республику, нарушив конституцию, продлив власть президента. Это и есть окончательное слово прессы порядка после тех продолжительных и глубокомысленных дебатов о развязках, которым она предавалась после сессии генеральных советов. Могущественная партия порядка, к своему собственному стыду, видит себя вынужденной серьезно отнестись к смешной, ординарной и ненавистой для нее персоне псевдо-Бонапарта.

Эта грязная фигура также заблуждалась в причинах, которые все более и более придавали ей характер необходимого человека. В то время, как у его партии хватило проникательности приписать рост значения Бонапарта обстоятельствам, сам он думал, что обязан этим только волшебной силе своего имени да непрерывному обезьянничеству Наполеона. С каждым днем он становился все предприимчивее. Паломничествам в Сен-Леонард и Висбаден он противопоставил свои круговые поездки по Франции. Бонапартисты так мало надеялись на магический эффект его личности, что всюду посылали за ним, массами запрягав в железнодорожные поезда и в почтовые кареты, клакеров, людей из общества 10 декабря, этой организации парижского пролетариата босяков. Бонапартисты вкладывали в уста своей марионетки речи, провозглашавшие девизом президентской политики то республиканскую покорность, то

---

¹⁾ [В этот день должны были состояться выборы нового президента.]

неутомимую настойчивость,—в зависимости от приема в различных городах. Несмотря на все маневры, путешествия эти походили на что угодно, но только не на триумфальные шествия.

Воодушевив таким образом, как представлялось ему, народ, Бонапарт принялся за дело, чтобы привлечь на свою сторону армию. Он устраивал на равнине Сатори близ Версаля большие смотры, во время которых пытался подкупить солдат чесноковой колбасой, шампанским и сигарами. Когда настоящий Наполеон среди тягостей завоевательных походов, думал псевдо-Наполеон, подбадривал своих усталых солдат патриархальным дружелюбием, войска в благодарность наверное кричали: *Vive Napoléon, vive le saucisson!* то-есть: Да здравствуют колбасы, да здравствуют паяцы¹⁾).

Эти смотры повели к тому, что разразился долго скрывавшийся разлад между Бонапартом и военным министром Опулем, с одной стороны, и Шангарнье—с другой. В Шангарнье партия порядка нашла для себя настоящего нейтрального человека, о собственных династических притязаниях которого не могло быть и речи. Его назначала она в преемники Бонапарта. К тому же благодаря своему поведению 29 января и 13 июня 1849 года Шангарнье превратился в великого полководца партии порядка, в современного Александра, грубое вмешательство которого в глазах трусливых буржуа разрубило Гордиев узел революции. По существу столь же ничтожный, как и Бонапарт, он очень дешевым способом сделался силой; национальное собрание противопоставило его президенту для надзора за президентом. Сам он кокетничал тем, что, напр., в вопросе о вознаграждении оказал Бонапарту протекцию, и все заносчивее выступал против него и министров. Когда по случаю избирательного закона ожидалось восстание, он воспретил своим офицерам принимать от военного министра или президента какие бы то ни было приказания. Пресса с своей стороны способствовала тому, чтобы увеличить фигуру Шангарнье. При полном недостатке в великих людях пар-

---

¹⁾ [Непередаваемая игра слов: *Es lebe die Wurst, es lebe der Hanswurst!* Hanswurst—гаер, паяц, шут.]

тия порядка естественно была вынуждена приписать недостающую всему ее классу силу одному единственному индивидууму и таким образом раздула его в какое-то чудовище. Так возник миф о Шангарнье, «оплоте общества». Наглое шарлатанство, таинственное важничанье, с которым Шангарнье показывал вид, как будто весь мир держится на его плечах, представляют уморительнейший контраст с событиями, имевшими место во время и после саторийских смотров. Они неопровержимо доказали, что единого росчерка пера Бонапарта, бесконечно малого, было достаточно, чтобы свести это фантастическое порождение буржуазного страха, этого колосса-Шангарнье к размерам посредственности и превратить его, героя-спасителя общества, в отставного генерала на пенсии.

Бонапарт уже давно отомстил Шангарнье, подстрекнув военного министра к дисциплинарным столкновениям с неудобным покровителем. Последний смотр в Сатори довел, наконец, до взрыва старую неприязнь. Конституционное негодование Шангарнье не знало границ, когда он увидел кавалерийские полки, дефилирующие с противоконституционным возгласом: *Vive l'Empereur!* Да здравствует император! Чтобы избегнуть в наступающую сессию палаты всех неприятных дебатов по поводу этого возгласа, Бонапарт удалил военного министра Опуля, назначив его в Алжир губернатором. На его место он назначил надежного старого генерала времен империи, который по грубости ничем не уступал Шангарнье. Чтобы отставка Опуля не показалась уступкой Шангарнье, он одновременно перевел из Парижа в Нант генерала Неймайера, правую руку великого спасителя общества. Неймайер был как раз тот генерал, который на последних смотрах побудил всю пехоту пройти с холодным молчанием мимо преемника Наполеона. Шангарнье, лично задетый через перемещение Неймайера, протестовал и угрожал. Тщетно. После двухдневных прений декрет о перемещении Неймайера появился в «*Moniteur*» и герою порядка ничего не осталось, как или подчиниться дисциплине, или подать в отставку.

Борьба Бонапарта с Шангарнье служит продолжением его борьбы с партией порядка. Открытие национального собрания 11 ноября совершилось поэтому при угрожающих

предзнаменованиях. Будет буря в стакане воды. По существу старая игра найдет продолжение. Большинство партии порядка, несмотря на вопли рыцарей принципа его различных фракций, вынуждено будет продлить власть президента. Точно так же и Бонапарт, уже надломленный недостатком денежных средств, несмотря на все предыдущие протесты, примет продление власти из рук национального собрания. Таким образом отдалается развязка, *status quo* остается. Одна фракция партии порядка будет компромитировать, ослаблять, делать невозможной другую; репрессии против общего врага, против массы нации, будут расти и исчерпываться до дна, пока экономические отношения снова не достигнут такой точки развития, когда от нового взрыва все эти враждующие партии с их конституционной республикой взлетят на воздух.

Впрочем, к успокоению буржуа следует сказать, что скандал между Бонапартом и партией порядка поведет к тому результату, что разорит на бирже множество мелких капиталистов и переместит их состояния в карманы крупных биржевых волков.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

1. Из статьи „Новой Рейнской Газеты“, 28 июня 1848 года.

Парижские рабочие подавлены превосходством силы, но они не склонились. Они разбиты, но побеждены их противники. Временное торжество грубой силы куплено ценою уничтожения всех обманов и иллюзий февральской революции, разложения всей старо-республиканской партии, распада французской нации на две разделенные пропастью нации: нацию собственников и нацию рабочих. Теперь трехцветная республика сохраняет уже только один цвет, цвет разбитых, цвет крови. Она сделалась красной республикой.

На стороне народа—ни одной республиканской известности, из газеты ли «Национал», из газеты ли «Реформа»! Без каких-либо иных вождей, без всяких иных средств, кроме самого возмущения, он сопротивлялся соединившимся буржуазии и солдатчине дольше, чем какая бы то ни было французская династия, пользуясь всем военным аппаратом, сопротивлялась какой-либо фракции буржуазии, соединившейся с народом. Как бы для того, чтобы исчезли последние иллюзии народа, чтобы совершенно разорвать с прошлым, на сторону угнетателей должен был стать и обычный поэтический гарниз французских мятежей: проникнутая энтузиазмом буржуазная молодежь, питомцы Политехнической школы, треугольные шляпы. Питомцы Медицинского факультета должны были отказать в помощи науки раненым плебеям. Наука существует не для плебея, который совершил неопишное, неслезанное преступление, бросившись в борьбу за свое собственное существование, а не какого-нибудь Луи-Филиппа или Марра.

(Затем, после места, приведенного в первой главе. следует:)

При временном правительстве делом приличия и более того—делом необходимости, значит, одновременно делом политического расчета и экзальтации, было то, что великодушным рабочим, которые, как было отпечатано в тысяче официальных плакатов, отдали в распоряжение Республики три месяца нищеты,—что им все время проповедывали, будто февральская революция сделана в их собственных интересах, и будто в февральской революции дело шло прежде всего об интересах рабочих. Со времени открытия Национального Собрания люди сделались прозаичными. Дело уже сводилось к тому, чтобы возратить труд, как говорил министр Трела, к его прежним условиям. Следовательно, рабочие сражались в феврале для того, чтобы их бросили в промышленный кризис.

Задача Национального Собрания заключается в том, чтобы показать, будто февраля не было, по крайней мере для рабочих, и чтобы отбросить их назад, к старым отношениям. Но даже это не удастся, потому что не во власти какого-либо Собрания, как и всякого короля, воскликнуть перед лицом промышленного кризиса, имеющего всеобщий характер: до сих пор, но не дальше! Национальное Собрание, охваченное рвением покончить с докучливой фразеологией февраля, не принялось даже за те меры, которые возможны на почве старых отношений. Оно принуждает парижских рабочих 17—25-летнего возраста вступать в армию или выбрасывает их на мостовую; пришлых оно высылает из Парижа в провинцию, не выдавая им даже денег, полагающихся при проходном свидетельстве; взрослым парижанам оно временно обеспечивает милостыню в мастерских, организованных по-военному, ставя условием, чтобы они не участвовали ни в каком народном собрании, т. е. чтобы они перестали быть республиканцами. Недостаточно было сентиментальной послефевральской риторики и сурового законодательства после 15 мая: необходимо было фактическое, практическое решение. Совершили ли каналы февральскую революцию для себя или для нас? Буржуазия так поставила вопрос, что ответ на него надо было дать в июне—картечью и баррикадами.

И тем не менее, как 25 июня сказал один народный представитель, оцепенение поражает все Национальное Собрание. Оно ошеломлено, когда вопрос и ответ напоили кровью

мостовые Парижа, ошеломлено,—одни потому, что их иллюзии расплылись в пороховом дыму, другие потому, что они не понимают, как это народ мог дерзнуть самостоятельно отстаивать свои собственные особенные интересы. Русские деньги, английские деньги, бонапартистский орел. лилия, амулеты разного рода должны были сделать это удивительное событие доступным для их понимания. Но обе части собрания чувствуют, что неизмеримая пропасть отделяет их от народа. Ни одна не решается подняться за народ.

Но как только оцепенение прошло, прорывается бешенство, и большинство право, покрывая шиканьем тех несчастных утопистов и лицемеров, которые впадают в анахронизм, попрежнему повторяя фразу о братстве, *fraternité*. Ведь задача сводится как раз к уничтожению этой фразы и иллюзий, которые скрываются в его многозначном лоне. Когда Ларошжаклен, легитимист, рыцарь фантаст, вскипел против бесстыдства, с которым кричали: «*vae victis!* Горе побежденным!» большинство собрания было охвачено виттовой пляской, как будто его ужалил тарантул. Оно кричит рабочим: горе! чтобы скрыть, что нет других «побежденных», кроме него самого. Теперь должно погибнуть или оно или республика. И потому оно в конвульсиях воет: Да здравствует республика!

Глубокая пропасть, которая раскрылась перед нами,— может ли она спутать демократов, заставит ли она нас думать, будто борьба за государственную форму бессодержательна, иллюзорна, ничтожна?

Только слабые робкие умы способны поставить такой вопрос. Те коллизии, которые вытекают из условий самого буржуазного общества,— их надо исчерпать борьбой, их нельзя устранить фантазией. Лучшая государственная форма—та, в которой общественные противоречия не затемнены, не скованы насильственно, следовательно, только искусственно, а потому только по видимости. Лучшая государственная форма—та, в которой они приходят к свободной борьбе, а вместе с тем и к разрешению.

Нас спросят, неужели у нас не найдется ни одной слезы, ни одного вздоха, ни одного слова для жертв народной ярости, для национальной гвардии, летучей гвардии, республиканской гвардии, регулярных войск?

Государство позаботится об их вдовах и сиротах, декреты воздадут им хвалу, в торжественных процессиях совершат погребение их останков, официальная пресса объявит их бессмертными, европейская реакция будет чтить их от востока до запада.

Но плебеи, истерзанные голодом, поносимые прессой, покинутые врачами, осыпаемые ругательствами со стороны честной компании, как воры, поджигатели, каторжники, их жены и дети, брошенные в еще более безграничную нищету, лучшие из оставшихся в живых, сосланные за океан,— возложить лавровый венок на их угрожающее мрачное чело, в этом—привилегия, в этом—право демократической прессы.

(Aus dem Literarischen Nachlass von K. Marx, Fr. Engels und F. Lassalle. Dritter Band. Stuttgart 1902).

II. Хронология новейшей истории Франции ¹⁾.

1789—1794. Великая Французская революция.

1789. 5 мая: открытие Генеральных Штатов.

17 июня: сословия принимают название Национального Собрания.

14 июля: взятие Бастилии.

1791. 30 сентября: роспуск Учредительного Национального Собрания.

1791. С 30 сентября по 19 сентября 1792 г.: Законодательное Собрание (Легислатива).

1792. С 21 сентября до 1795, 4 брюмера: Национальный конвент.

1794. 27 июля (9 термидора): падение Робеспьера.

1795—1799. Директория, господство буржуазной республики.

1799. 9 ноября (18 брюмера): падение директории. Наполеон—первый консул.

1804. 18 мая: Наполеон заставляет избрать себя наследственным императором.

1812. Поход в Россию.

1813. 16—19 октября: „битва народов“ под Лейпцигом.

1814. 11 апреля: отречение Наполеона после взятия Парижа.

1815. 1 марта—3 июня: „сто дней“. Ватерлоо. Наполеон на острове св. Елены.

---

¹⁾ Во Франции в течение некоторого времени применялся французско-республиканский календарь. Начинаясь с осеннего равноденствия (22 сентября 1792 года—I вандемьера года первого) год разделялся на 12 месяцев по 30 дней, вандемьер, брюмер, фример, нивоз, плювиоз, вен-тоз, жерминаль, флореаль, мессидор, термидор и фруктидор; в конце года к этому присоединялось еще 5 дней, а в годы третий, седьмой и одиннадцатый 6 дополнительных дней или Sansculottides; неделя была заменена декадами (десятками дней). С 1 января 1806 года Наполеон восстановил григорианский календарь.

1815. С 3 мая до 16 сентября 1824 г.: реставрация Бурбонов. Людовик XVIII.
1824. С 16 сентября до 27 июля 1830 г.: Карл X.
1830. 26 июля: ордонансы Полиньяка.
27—29 июля: июльская революция. Временное правительство. (С 7 августа 1830 до 24 февраля 1848: Луи Филипп Орлеанский).
1847. Промышленный кризис. Банкетная агитация за избирательную реформу.
1848.
23—24 февраля: революция. Временное правительство.
25 февраля: республика.
26 февраля: организация летучей гвардии (из молодых людей 15—20 лет, большею частью из пролетариата босняков, с платой в полтора франка в день).
28 февраля: правительственная комиссия рабочих (Люксембургская Комиссия).
1 марта: первое заседание.
2 марта: декретирование десятичасового рабочего дня и отмена системы подрядов (эксплоатация подрядчиками).
5 марта: декретирование всеобщего, прямого и тайного избирательного права для всех французов от 25 лет.
16 марта: демонстрация буржуазии, представленной в национальной гвардии, против временного правительства, предписавшего распустить особые отборные роты (демонстрация «медвежьих шапок»).
17 марта: контр-демонстрация рабочих.
16 апреля: демонстрация рабочих на Марсовом поле. Победа буржуазии. Ледрю-Роллен в роли «спасителя» государства.
4 мая: открытие Учредительного Национального Собрания.
10 мая: избрание Исполнительной Комиссии. Председатель — Араго. Первое министерство (Кавеньяк — военный министр).
15 мая: манифестация за восстановление Польши. Рабочие вторгаются в Национальное Собрание. Их

поражение, арест Барбеса, а 28 мая — Бланки. Образование трех больших партийных группировок в Национальном Собрании: 1) Reunion de Palais National, здесь объединилось направление газеты «National», под руководством Массара, — «чистые республиканцы», 2) Réunion de la Montagne (партия Горы), сторонники Ледрю-Роллена, радикально-республиканское, но решительно анти-социалистическое направление, 3) «Партия порядка», в которой соединились монархисты всех направлений под председательством генерала Барагэ д'Илье).

21 июня: декрет Исполнительной Комиссии, предписывающий насильственное изгнание из национальных мастерских всех неженатых рабочих или их отдачу в армию.

22 июня: процессия рабочих. Их делегация в Исполнительную Комиссию.

23 — 27 июня: восстание. Кавеньяк при содействии Ламорисьера, Бедо и Перро руководит бойней. Объявление осадного положения.

28 июня: Кавеньяк — глава исполнительной власти. Председатель кабинета. Новое министерство. Закрытие национальных мастерских. Все клубы поставлены под надзор полиции. Закрытие социалистических газет. Восстановление представления залогов. Учреждение Комиссии для расследования июньских событий, а также событий 15 мая. Председатель Комиссии — Одилон Барро. Массовыесылки инсургентов.

22 августа: Национальное Собрание отвергает отсрочку платежей для должников.

25 августа: Национальное Собрание постановляет выдать Луи Блана и Коссидьера.

17 сентября: дополнительные выборы. Луи Бонапарт избран в пяти департаментах.

4 сентября — 23 октября: новая конституция.

10 декабря: Луи Наполеон — президент Республики. Его первое министерство. Председатель Одилон Барро. Другие члены: Фаллу, Фоше, Мальвиль.

26 декабря: генерал Шангарнье назначен командующим парижской национальной гвардии и в то же время первой военной дивизии (гарнизона Парижа). Безрезультатный запрос Ледрю-Роллена.

1849.

6 января: Рато вносит предложение о самораспусчении Национального Собрания.

29 января: правительство хочет спровоцировать новое восстание. Первый конфликт между исполнительной властью и Национальным Собранием. Распускание летучей гвардии.

7 марта—2 апреля: разбор дела о майском восстании в Судебной палате, созванной в Бурже. Бланки приговорен к 10-летнему одиночному заключению, Барбес, Альбер, Распайль—к ссылке.

21 марта: законопроект Фоше против права ассоциаций. Закрытие клубов.

16 апреля: Одилон Барро предлагает утвердить кредит на содержание экспедиционного корпуса в Италии.

30 апреля: поражение генерала Удино.

8 мая: письмо Бонапарта к Удино, возвещающее открытую войну против Римской Республики. Ледрю-Роллен вносит предложение возбудить преследования против Бонапарта, как инициатора нападения на Рим.

13 мая: выборы в новое Законодательное Национальное Собрание. Победа Партии порядка, поражение чистых республиканцев. Большой успех новой, социал-демократической партии (старая партия Горы вместе с социалистическими группами.)

28 мая: первое заседание Законодательного Национального Собрания. Дюпен—председатель.

11 июня: Удино бомбардирует Рим. Ледрю-Роллен вновь вносит свое предложение.

12 июня: предложение Ледрю-Роллена отвергнуто.

13 июня: демонстрация. Манифестанты разогнаны генералом Шангарнье. Разгром социал-демократических типографий. Осадное положение.

15 июня: закрытие всех демократич. газет. Возбуждение преследования против сорока народных представителей. Ледрю-Роллен спасается бегством в Англию.

- 19 июня: новый закон о клубах.
3 июля: вступление Удино в Рим.
27 июля: новый закон о печати.
12 августа: заседания Национального Собрания отсрочены до 10 октября. Назначение постоянной комиссии из 25 депутатов, составленной исключительно из легитимистов и орлеанистов, для защиты конституции и республики.
18 августа: письмо Бонапарта к полковнику Эдгарду Нею, направленное против реакционного господства папы в Риме. «Я свожу восстановление папы к следующим пунктам: общая амнистия, секуляризация (превращение в светское) управления, Кодекс Наполеона и либеральное правительство».
Август и сентябрь: Турне Наполеона по департаментам.
Октябрь: ассигнование по предложению Барро 300.000 франков для выдачи вдовьего содержания герцогине Орлеанской. Утверждение кредита в девять миллионов франков на покрытие расходов по римской экспедиции. Барро отказывается внести предложение об увеличении содержания для Бонапарта.
1 ноября: отставка Одилона Барро. Образование нового министерства: Руэр — министр юстиции, Фульд — министр финансов, д'Опуль — военный министр.
10 октября — 13 ноября: судебная палата в Версале. Процесс против зачинщиков и участников демонстрации 13 июня 1849 года.
13 декабря: закон против учителей народных школ.
20 декабря: восстановление налога на вино.

1850.

- 14 января: Министр Народного Просвещения де-Парье вносит новый законопроект, которым школьное обучение подчиняется духовенству. Принят 15 марта и 27 марта утвержден Бонапартом.
5 февраля: Карлье, префект полиции, распоряжается вырвать все «деревья свободы».
10 марта: дополнительные выборы. В Париже избраны Дефлот, Видаль и Карно. Новый министр внутренних дел — Барош. Вместо Видаля избран Эжень Сю.

- 31 мая: уничтожение всеобщего избирательного права, подготовленное законом семнадцати так называемых «бургграфов», как была наименована комиссия по выработке избирательного закона (составленная из лидеров орлеанистов и легитимистов, как, например, Тьер, Беррье, Брольи).
- 8 июня: Закон о ссылке.
- 16 июля: Новый закон о печати.
- 11 августа: заседания Национального Собрания отсрочены до 11 ноября. Постоянная комиссия из 25 членов, на этот раз орлеанистов, легитимистов и умеренных республиканцев.
- 26 августа: смерть Луи Филиппа в Клармоне, недалеко от Лондона. Паломничество орлеанистов в Клармон, с целью достигнуть «фюзии», слияния династических притязаний Бурбонов и Орлеанов. Попытка потерпела фиаско вследствие сопротивления графа Шамбора, который жил в Висбадене-Эмсе, куда в это же время началось паломничество легитимистов.
- В конце августа и начале сентября: поездки Бонапарта по департаментам с той целью, чтобы создать настроение в пользу продления его президентства.
- 3 и 10 октября: смотр войскам близ Сен-Мора и Сатори. Генералу Неймeyerу, начальнику генерального штаба Шангарнье, предложено подать в отставку.
- 2 ноября: приказ по войскам Шангарнье, воспевающий войскам возгласы в честь кого-либо. Вместо Опуля военный министр—Шрамм.
- 12 ноября: арестован по распоряжению министра юстиции депутат Моген за долги. Его освобождение, отставка Иона, полицейского комиссара Национального Собрания.

1851.

- 10 января: новое министерство.
- 12 января: смещение Шангарнье.
- 18 января: вотум недоверия министерству.

- 10 апреля: новое, антипарламентское министерство: Барош, Руэр, Фульд, Фоше.
10 июня: речь Бонапарта в Дижоне против Национального Собраниа.
10 августа: перерыв заседаний Национального Собраниа на три месяца.
26 октября: отставка министерства. На его место министерство Ториньи с Сент-Арно в роли военного министра.
4 ноября: послание Бонапарта, в котором он требует восстановления всеобщего избирательного права.
13 ноября: законопроект отклонен.
17 ноября: предложение квесторов Национального Собраниа генералов Леффо и База предоставить председателю Законодательного Национального Собраниа право вызывать вооруженную силу для обеспечения безопасности Национального Собраниа. Предложение отклонено 408 против 300 голосов.
2—4 декабря: государственный переворот.
20—21 декабря: Плебисцит. Бонапарт получил 7.439.216 голосов.

1852.

- 14 января: новая конституция.
21 ноября: Плебисцит. Восстановление наследственной императорской власти 7.824.189 голосов.
2 декабря: Бонапарт—император под именем «Наполеон III»

1870.

- 4 сентября: низложение Наполеона. Третья Республика.
-

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	Стр.
К русскому изданию	3
I. С февраля до июня 1848 года	19
II. С июня 1848 года до 13 июня 1849 года	48
III. С 13 июня 1849 года до 10 марта 1850 года	84
IV. Уничтожение всеобщего избирательного права	122

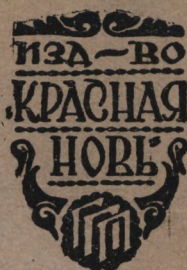

Приложения.

I. Из статьи „Новой Рейнской Газеты“ 28 июня 1848 года	141
II. Хронология новейшей истории Франции	145

СКЛАД ИЗДАНИЙ:

Москва, изд. „КРАСНАЯ НОВЬ“ при Главполитпросвете.

Торговый сектор издательства:

Москва, Милютинский пер., д. № 22, кв. 43.

Экспедиция издательства:

Сретенка, 8.

Все издания имеются в книжном магазине „СЕРП и МОЛОТ“,
Театральная площадь, 2-й дом Советов, и во всех книжных
магазинах г. Москвы.